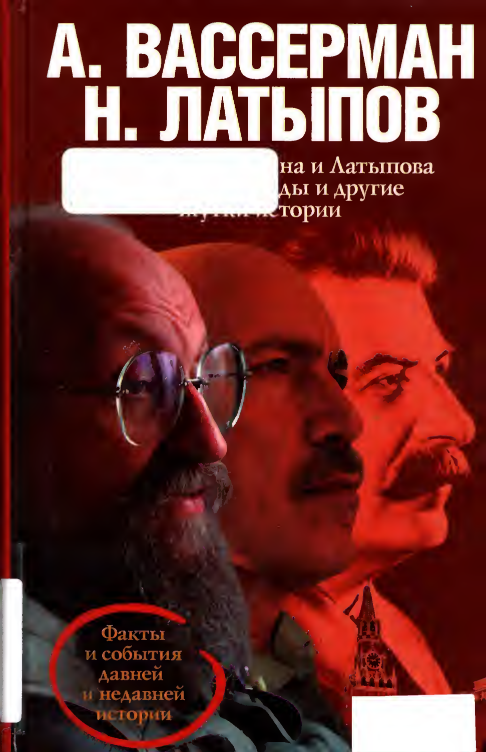

А. ВАССЕРМАН
Н. ЛАТЫПОВ
на и Латыпова
ды и другие
истории
Факты
и события
давней
и недавней
истории

Анатолий Вассерман
Нурали Латыпов

Реакция Вассермана и Латыпова на мифы, легенды и другие шутки истории

Астрель
Москва

УДК 94(470)
ББК 63.3 (2)
В19

Вассерман А. А.

В19 Реакция Вассермана и Латыпова на мифы, легенды и другие шутки истории /Анатолий Вассерман, Нурали Латыпов. — М.: Астрель, 2012. — 448 с.

ISBN 978-5-271-44085-4 (ООО «Издательство Астрель»)

В этой книге собраны факты и события давней и недавней истории, которые смогли увлечь Анатолий Вассермана и Нурали Латыпова, а также вызвать их реакцию.

УДК 94(470)
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-271-44085-4 (ООО «Издательство Астрель»)

Научно-популярное издание

Вассерман А. А.
Латыпов Н. Н.

РЕАКЦИЯ ВАССЕРМАНА И ЛАТЫПОВА НА МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ И ДРУГИЕ ШУТКИ ИСТОРИИ

Ведущий редактор *М. П. Николаева*
Корректор *И.Н. Мокина*
Технический редактор *Е.П. Кудиярова*
Компьютерная верстка *Е.М. Илюшиной*

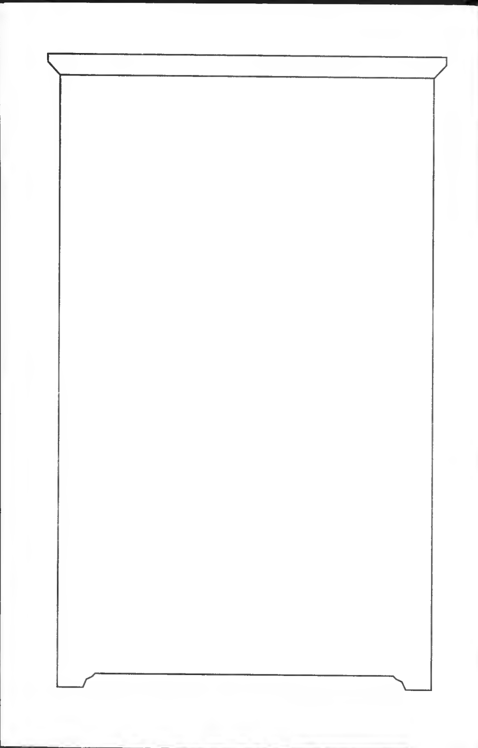
Подписано в печать 20. 07.12 Формат 84x108/32.
Усл. печ. л.23,52. Тираж 7000экз. Заказ №1986.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

Типография ООО «Полиграфиздат»
144003. г. Электросталь. Московская область. ул. Тевосяна д.25

Анатолий Вассерман

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Дальновидное вложение

Россия могла дёшево купить надёжного друга

На моём рабочем месте — не только компьютер, но и телевизор. Одна из важнейших частей моей работы — просмотр разнообразных новостей. Причём смотрю я их сразу по всем основным каналам. Ведь мне важны не только сами факты, сообщаемые в новостях. Факты я могу и в Интернете прочесть. На экране мне важнее интерпретации фактов.

Скажем, десятилетие назад по тому, какие нюансы подчёркивали на ОРТ, а какие на НТВ, можно было очень многое узнать о позициях стоявших за этими каналами Березовского и Гусинского. Сейчас НТВ принадлежит Газпрому, недавно расформированное РАО ЕЭС владело РенТВ. Газовики с электриками постоянно спорят о цене газа. Я с интересом следил, как эти споры отображены в различиях трактовки одних и тех же событий на соответствующих каналах.

С октября 2008 года несколько месяцев в числе популярнейших предметов обсуждения на всех информационных каналах, включая не только телевидение, но и Интернет, была одна из первых примет глобальности экономического кризиса. Исландия обанкротилась и попросила у России взаймы четыре миллиарда

долларов. Вот уж когда я наслушался разноречивых мнений! Вот когда было раздолье для вычисления интересов разных политических и экономических группировок.

Впрочем, далеко не все мнения были ангажированы. Многие рядовые граждане высказывались совершенно искренне. У меня тоже сформировалось собственное мнение. И сейчас я вспоминаю тот давний повод прежде всего потому, что мне это мнение кажется не устаревшим даже сейчас, когда вопрос вроде бы решён отрицательно: Россия согласилась дать Исландии куда меньше запрошенного и только через Международный валютный фонд.

Это многие предсказывали ещё в октябре. В предвидении всеобщего кризиса надо всячески экономить, а не растрачивать деньги, накопленные с таким трудом, на займы всяким неудачникам. Но с другой стороны, за очень скромные по нашим меркам деньги можно было приобрести надёжного союзника.

Во время Второй мировой войны Исландию использовали американцы в качестве непотопляемого авианосца. Вылеты с неё обеспечивали прикрытие конвоев с военными грузами, шедших и в Великобританию, и в Советский Союз. Сейчас для нас аэродром в Исландии может оказаться не менее ценным приобретением, нежели аэродром в Венесуэле, куда с недавних пор летают наши стратегические ракетоносцы.

Но дело не в этих сиюминутных выгодах. И уж, понятно, дело не в той военной угрозе, которую мы можем создать для Америки. Пока существуют наши баллистические ракеты, пока бродят где-то под арктическими льдами и по тихоокеанским просторам наши подводные ракетоносцы, до тех пор стратегические ракетоносные бомбардировщики — лишь очень незначительное дополнение к нашей военной мощи. Дополне-

ние важное, полезное, но всё же далеко не решающее. В своё время мы отказались от военных баз на Кубе и во Вьетнаме, чтобы сэкономить несколько сот миллионов долларов в год. Очевидно, те миллиарды долларов, которые мы могли потратить на возможную военную базу в Исландии, тоже далеко не лишние. Даже если забыть, что Исландия сейчас входит в совершенно иной военный блок и вряд ли может предоставить нам те же военные базы без непомерных политических осложнений, явно неприемлемых для неё в обозримом будущем.

Для нас гораздо важнее совершенно другое. Сейчас уже ясно: однополярный мир, продержавшийся несколько лет, закончился. Более того, конфигурация былого двухполярного мира, где нашими союзниками были лишь ближайшие соседи, тоже завершается. Сейчас строится совершенно другая экономическая конфигурация во всём мире. И соответственно под неё будет радикально перестраиваться обстановка политическая.

Мой коллега журналист Владимир Ильич Ульянов (именно журналистом он подписывался в многочисленных своих анкетах) когда-то учил: политика есть концентрированное выражение экономики. Пока люди существуют в обществе, пока общество поддерживается нашими трудами, это положение никто не сможет оспорить. Политика останется концентрированным выражением экономики до тех пор, пока сама экономика в нынешнем своём виде будет существовать и не заменится какими-нибудь молекулярными дубликаторами.

Значит, нам и впредь придётся приобретать себе не только союзников, но и экономических партнёров, и просто друзей. И честное слово, по мировым меркам сумма, которую попросила у нас Исландия, — очень недорогая плата за обретение нового друга и союзника.

Даже если предположить, что Исландия эти деньги не вовсе не вернула бы. А я не сомневаюсь, что не только готова, но и способна вернуть.

При всех экономических потрясениях есть мы не перестанем. Значит, знаменитая исландская сельдь останется весьма ходовым товаром даже в очень отдалённом будущем. Всё, что Исландия сейчас теряет на потрясениях мировой финансовой структуры, она рано или поздно возместит на том, что сумеет и впредь удовлетворять одну из ключевых потребностей человечества. Потребность в том самом хлебе насущном, который в молитве «Отче наш» христиане просят подать им ежедневно. Вложения в того, кто может ежедневно давать пищу, дальновидны независимо от политических соображений.

Наши руководители приняли решение по другим мотивам — но лично мне хватило и этого.

Тупик дипломатической вежливости

Советники, как и всякие посредники, изолируют клиентов от реальности

Несколько лет назад мой старый друг и постоянный партнёр по многим различным проектам Нурали Нурисламович Латыпов получил от знакомого дипломата весьма высокого ранга предложение поучаствовать в подготовке материалов к предстоявшей очередной встрече Большой Восьмёрки. Естественно, я тоже постарался внести в эту работу посильный вклад.

На встрече должны были, помимо всего прочего, рассматриваться многие традиционные для этого собрания вопросы: борьба с наркотиками, борьба с глобальным потеплением, борьба с разрушением озонового слоя и так далее.

И Латыпов, и я имеем некоторую научную подготовку. Соответственно мы отнеслись к делу вполне серьёзно и применительно к этим вечным темам написали то, что серьёзной науке давным-давно известно.

Любая попытка запретить какой-нибудь наркотик приводит к резкому росту его распространения. Значит, бороться с наркотиками можно только одним способом — всячески агитировать против их применения, но само это применение никоим образом не запрещать.

Озоновый слой разрушается и восстанавливается по причинам, не имеющим никакого отношения к активности человека и человечества. Запрет фреонов под предлогом защиты этого слоя — махинация. Она принесла своим организаторам многие миллиарды долларов и в то же время уже погубила несколько тысяч жизней хотя бы вследствие того, что в аэрозольных баллончиках абсолютно безопасный фреон сейчас заменён всякими взрывоопасными газами вроде пропан-бутановой смеси — той же, что в газовых зажигалках.

Глобальное потепление опять же никак не связано с активностью человека. Попытка бороться с ним нашими руками приведёт лишь к полному параличу экономики доброй половины мира — следовательно, ко многим миллионам, а то и миллиардам смертей. Все эти смерти окажутся на совести организаторов борьбы с законами природы.

Все темы, затронутые нами в той работе, даже перечислять долго. Главное — практически по каждой из них мы шли вразрез с общим мнением.

Когда мы показали плоды наших трудов заказчику, этот опытный дипломат сказал: всё написанное совершенно невозможно вынести на такой уровень. Ко встрече Большой Восьмёрки всегда готовится согласованная позиция. Если одно из государств предложит что-то расходящееся с этой позицией, все остальные участники обсуждения просто отвергнут эти предложения. Выйдем на Большую Восьмёрку со сведениями, соответствующими истине — окажемся изгоями в международном сообществе.

Между тем и Латыпову, и мне доводилось довольно много работать с достаточно крупными и серьёзными политиками. Правда, лично я беседовал только с одним президентом, а премьеров лицом к лицу вовсе не видел. Но общался и с вице-премьерами, и с губернаторами, и

со множеством депутатов. Исходя из опыта общения, пришёл к твёрдому выводу: политики по крайней мере не глупее большей части людей, которыми управляют. Даже американский президент Джордж Уокер Буш младший, хотя и оказался вынужден разыгрывать из себя дурачка с тех самых пор, как подался в политику, но на самом деле вдали от бдительного ока телекамер далеко не глуп и не раз доказывал, что вполне способен воспринимать здравые доводы и сам выдвигать не менее здравые.

Думаю, если бы Латыпов и я каким-то образом показали свои разработки непосредственно восьмерым главам государств и правительств, собравшимся на Большую Восьмёрку, то с нашими доводами несомненно спорили бы, но во всяком случае их не отвергли бы с порога. И очень может статься, что таким образом нам — пусть после серьёзной дополнительной работы — удалось бы существенно изменить мировую политику в нескольких весьма важных пунктах. Не потому, что мы такие умные, а просто потому, что сама эта политика, к сожалению, зашла в несколько очень тяжёлых и опасных тупиков — не только экономических — и пока из этих тупиков выбраться не может.

А не может во многом именно из-за того, что любое лицо, принимающее решения, всегда не в силах самостоятельно оценить все обстоятельства, важные для этого, и доверяет предварительную оценку своим советникам — посредникам между собою и реальностью. А посредник, как часто бывает, считает себя важнее тех, между кем посредничает. Самому руководителю тоже неохота признавать, что его ввели в заблуждение — да ещё те, кого он сам выбрал себе в помощь и поддержку.

Значит, если кто-то из советников выдвинет даже совершенно нелепое положение, но этому положению поверят, останется очень немного шансов на радикаль-

ные перемены до того, как система, движущаяся по однажды выбранному неверному пути, окончательно упрётся в тупик. И хорошо ещё, если просто упрётся в тупик, а не сойдёт с рельсов, разнося по дороге целые страны.

Очень надеюсь, что советники, окружающие нашего президента, могут себе позволить спорить и друг с другом, и с уже сложившимися мнениями. Потому что советники, окружающие, скажем, того же Буша или нынешнего президента Обаму, уже не раз доказывали, что не способны на такое поведение.

А вам желаю не просто прислушиваться к советникам, но рассматривать множество альтернативных мнений и разбираться в том, почему эти мнения альтернативны. Тем более что моё мнение — тоже лишь одна из альтернатив.

Пирамида интересных

Возможности порождают обязанности

Практически сразу после того, как я стал выступать с телемонологами, начали мне доставаться всё новые предложения журналистской работы — одно завиднее другого. Мой брат Владимир — в отличие от меня, умный во всех отношениях, а не на нескольких случайно сложившихся направлениях — по этому поводу сказал: интересные люди составляют сильно сужающуюся пирамиду — чем выше поднимешься, тем выше вероятность встретить других, не менее интересных, и получить от них всё более любопытные задачи.

Но за пять с половиной десятилетий активной жизни мне встречалось множество интересных людей. Насколько я могу судить, их концентрация практически не зависит от того, на каком общественном уровне я обитал.

Правда, я — увлекающийся и любопытный. Я и помню так много не потому, что специально заучивал или хитрыми способами упражнял память. Интересное само собой легко запоминается, а мне интересно многое. Человек, интересный мне, тоже вовсе не обязательно вызовет всеобщее внимание. Брат же несомненно имел в виду интерес не личный, а общественный.

С тех пор, как я оказался предметом массового внимания, со мной то и дело стыкуются другие популяр-

ные деятели. Причём не только в редакциях — ведь меня стали приглашать на разные замечательные события вроде молодёжного палаточного городка на озере Селигер.

Я охотно откликаюсь. Если меня хотят видеть — не мне возражать: кому много дано, с того много спросится.

Дело, пожалуй, именно в этом «много дано». Дело не в том, чаще ли я стал общаться с интересными людьми. Главное — рост моей популярности всё чаще сталкивает меня с людьми, располагающими немалыми возможностями — от авторских часов на радио до собственных журналов.

Ещё Гилберт Кийт Эдвардович Честёртон в одном из рассказов о патере Брауне — скромном священнике, попутно с церковными делами распутывающем самые головоломные преступления — высмеял расхожий предрассудок: богачи неизменно скучны, стары и некрасивы. Сходный предрассудок бытует и у нас: мы чаще всего полагаем, что богатый — а тем более деловой — человек не умеет общаться с кем-то, кроме людей одной с ним ценовой категории.

Между тем и прославленные спортсмены, и тусовочные львицы, и олигархи — такие же люди, как все прочие. Судя по западным образцам, даже несколько поколений пребывания в элитных школах и прогулок на многомиллионных яхтах не вытравят обычного человеческого любопытства, любви к чужому искусству, желания людей посмотреть и себя показать — словом, готовности к общению в самом широком круге. А уж нашей элите, ещё пребывающей в стадии формирования, и подавно ничто человеческое не чуждо. Правда, у богача обычно ничуть не больше свободного времени, чем у простых смертных, и общению отведены считанные часы. Но страсть к нему — неизменна.

Поэтому, как только я стал заметен на телевидении, меня стали приглашать и на радио, и на новые телевизионные программы, и на разнообразные светские затеи. Например, журнал «Плейбой», несколько лет назад назвавший меня в числе пятерых знаменитейших девственников, теперь приглашает меня на свои вечеринки «Девушка года». Просто потому, что там очень много желающих побеседовать или просто сфотографироваться со мной. Да и ведущие телерадиопрограмм, похоже, зовут меня в основном ради того, чтобы самим со мной пообщаться: им не меньше, чем их зрителям и слушателям, хочется расширить спектр общения.

Мне, как выяснилось после нескольких визитов, общаться с этими людьми не менее интересно, нежели в своём привычном кругу. Правда, общих знаний и опыта у меня с ними, естественно, меньше, чем со старыми друзьями. Зато от них я могу узнать много нового и неожиданного. Да и они от меня слышат немало такого, о чём раньше даже не подозревали. Меня и приглашают в основном ради того, чтобы услышать что-то непривычное.

Я на светских сборищах — не единственный несветский деятель. Общался и с музыковедами, и с классическими певцами, и со многими другими интересными, по общему мнению, людьми. Но и те, кого принято считать чисто тусовочными персонажами, и те, кто вроде бы ничего не должен видеть, кроме своего бизнеса, чаще всего ничуть не менее интересны.

В моих привычках общения не поменялось ничего. Но многие мои собеседники располагают изрядными возможностями — в том числе и в тех сферах, где могут быть применены мои способности, накопленные знания, профессиональные навыки. Отсюда — всё новые предложения. Порой столь многие, что я просто не успеваю на все откликнуться.

Далеко не все, кого я встречал на вечеринках, распоряжаются средствами массовой информации. И, естественно, не все редакторы, предложившие мне поработать на них, посещают светские рауты. Но в газеты и на экран меня приглашают ещё и потому, что на меня — а значит, и на соответствующее издание — теперь обращают внимание в верхних слоях российской атмосферы.

Стих 12 главы 13 Благой вести от Матфея гласит: «Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет». Мне сейчас дано неожиданно много. Потому и приумножается.

Но кому много дано — с того много и спросится. Передо мной — возможности обширной серьёзной работы. И я стараюсь обширно серьёзно работать.

Кассандрология

Предсказания обычно забываются

Запись — дело удобное. Технология публикации моих видеомонологов — не только на телевидении, но и в Интернете — позволяет заниматься ими лишь изредка, в промежутках между многими другими делами. Но это приводит к тому, что некоторые монологи изрядно запаздывают.

Записал я для одного сайта видеообъяснение: почему впрыскивание денег на финансовый рынок не погасит кризис, а только разовьёт его ещё больше. Передал запись в редакцию, а буквально на следующий день рынки, подстёгнутые инъекцией, снова пошли вниз. Монолог же появился в Интернете только через несколько дней. И воспринимался уже не как предсказание, а как брюзжание по поводу уже совершившихся фактов.

Но опоздание на несколько дней — далеко не рекорд. Ещё в декабре 2002 года я утверждал: в пределах от начала 2006 до конца 2008 года начнётся серьёзное падение рынка нефти. Опубликованный прогноз сбылся к концу 2008 года — то есть в предсказанных мною рамках. Но мне от этого не легче. Ведь я не просто предрекал неприятность. Я предлагал принять многие конкретные меры с дальним прицелом — в расчёте на

неизбежное падение. Вот эти меры никто даже не пытался принять.

Потому что пока гром не грянет — политик не перекрестится. Как отмечал Уинстон Леонард Рэндолфович Спенсер Чёрчилл, политик думает о будущих выборах, государственный деятель — о будущих поколениях.

Я сам в последний раз баллотировался в Верховный Совет Украины ещё в 1994 году. С тех пор только помогал избираться другим. Кстати, не раз успешно помогал. Так что могу себе позволить рассуждать именно в категории поколений. Тогда как ЛПР — лица, принимающие решения — вынуждены думать в категории выборов, а то и того ближе.

Например, знаменитый скандал «Энрон» — один из ранних предвестников большого финансового кризиса — разыгрался в 2001 году прежде всего потому, что управленцы акционерных компаний обязаны думать в рамках квартального отчёта, хотя действительно крупная компания просто вынуждена планировать деятельность на десятилетия вперёд. Это противоречие сроков породило не только махинации руководителей «Энрон», но и множество других катастроф, и, несомненно, будет изобильно порождать их и впредь.

Соответственно мои прогнозы на дальние сроки чаще всего оказываются не востребованы. Их слушают, порой снисходительно кивают, но им не верят. Не верят, по крайней мере, в том плане, что не учитывают при действиях.

А ведь прогнозы — не самостоятельное развлечение, а часть управленческого процесса. Только на основе прогноза можно выбрать направление действий. Без прогноза придётся блуждать вслепую.

Естественно, если прогноз ошибочен, то направление, выбранное на его основе, может лишь по редкой счастливой случайности оказаться не слишком далеко

от правильного. Но на точность моих прогнозов жалоб вроде бы пока не поступало. И в рамках моих личных наблюдений все мои прогнозы, коим пришло время сбыться, действительно сбылись. Но не использованы.

Я не то чтобы жалуюсь. Я в общем понимаю природу происходящего. Поэтому вижу тут не злой умысел, а объективно существующую проблему. Эффективного решения её пока не удалось найти не только мне, но и множеству других прогнозистов, регулярно оказывающихся в сходном положении.

Проблема невнимания к прогнозам возникла в незапамятные времена. Ещё Гомер рассказал, как Аполлон Зевсович, воспылав любовью к Кассандре Приамовне, наделил её даром пророчества. Но гордая троянская принцесса отвергла божественные притязания. Бог солнца разгневался и сурово покарал непокорную — сделал так, что в её безусловно верные предсказания никто не верил. В частности, не поверили её предсказанию о разрушении Трои и гибели всех её защитников, включая саму Кассандру.

Между тем как раз для этого прогноза божественный дар не требовался. Расклад торговых потоков в тогдашнем эллинском обществе подталкивал к конфликту Трои со всеми остальными городами. А соотношение сил гарантировало её поражение. Так что Приаму Лаомедонтовичу следовало намять бока сыну Парису и вернуть похищенную им Елену Зевсовну законному мужу Менелаю Атреевичу. Правда, глубинную, экономическую причину раздора это не отменило бы. Но отсрочка войны могла изменить многое, в частности, снять часть торговых противоречий в результате развития новых рынков и тем самым сделать развитие событий неоднозначным.

Очень надеюсь, что невнимание к моим советам, порождённым моими же прогнозами, не приведёт к ги-

бели ни страну в целом, ни самих политиков, коим я эти прогнозы давал. Очень надеюсь, что когда припрёт, эти политики вспомнят мои советы или самостоятельно придут к сходным выводам и смогут — пусть даже в последний момент — повернуть руль в сторону от ожидающих нас крутых поворотов и подводных камней.

Я далёк от мысли, что мои прогнозы — единственно верные. К счастью, у нас активно действует множество профессионалов, способных и дать здравый прогноз, и выстроить на его основе разумные советы о дальнейших действиях.

Но даже при наличии разумных советов выбирать из них и следовать им в любом случае приходится самостоятельно. Надеюсь, вам хватит сил и на выбор, и на исполнение выбранных действий.

Развали себя сам

План уничтожения СССР мы составили без Даллеса

Несколько слов о планах и их авторах.

Вы скорее всего слышали про план Даллеса, а многие, я думаю, и читали его. Цитировать в подробностях не буду, просто вкратце напомню: это план идеологического уничтожения Советского Союза путём подсовывания людям — прежде всего молодым людям — разнообразных западных соблазнов и опорочивания наших собственных идеалов и достижений.

Должен заметить: стиль изложения опубликованного плана, мягко говоря, не характерен ни для одного из известнейших руководителей Центрального разведывательного управления Соединённых Государств Америки (один из переводов слова state означает государство — смысл Декларации Независимости как раз в том, что 13 британских колоний объявили себя самостоятельными государствами), Аллена Уэлша Аллен-Мэйсивича Даллеса, ни для его брата министра иностранных дел — или, как там принято говорить, государственного секретаря — Джона Фостёра Даллеса. Эта стилистическая странность вполне естественна.

Дело в том, что на самом деле план сочинил известный советский писатель Юрий Петрович Михайлик,

более известный как Дольд-Михайлик. Прославился он романом «И один в поле воин». Это была одна из первых советских книг о работе наших разведчиков во время Великой Отечественной войны. Вышла она в 1956 году. До того у нас эту тему почти не затрагивали. То ли по соображениям секретности, то ли потому, что раньше писали в основном о действующей армии. Так что Михайлик сразу стал знаменит.

Ещё через восемь лет Михайлик написал продолжение этой книги — роман «У чёрных рыцарей». Там действие происходит в первые послевоенные годы. В основном в Испании, куда перебираются из Германии нацистские преступники, где они находят приют у новых хозяев — американцев, готовящих при помощи былых противников борьбу с былым союзником. Кстати, такая подготовка и реальная борьба действительно велась до самого развала нашей страны.

Именно в романе «У чёрных рыцарей» этот план вложен в уста некоего генерала американской разведки Думбрайта, более похожего не на Даллеса, а на того, кто собственно и был инициатором создания единой разведслужбы и первым её руководителем — Уильяма Джозефа Тимотивича Донована по кличке «дикий бык». По стилю этот план тоже больше похож на него, чем на Даллеса. Другое дело, что Донован столь далеко идущих планов заведомо не строил.

У Михайлика этот план позаимствовал писатель Анатолий Степанович Иванов. В его «Вечном зове» недобитый белогвардеец Арнольд Михайлович Лахновский подробно расписывает предстоящую идеологическую борьбу с советской властью. Чтобы плагиат не был так заметен, Иванов не только отредактировал текст. На мой вкус, отредактировал в худшую сторону: по-моему, Иванов — худший стилист, чем Михайлик. Вдобавок Иванов порезал монолог на несколько лом-

тиков и раскидал их по разным концам своего толстенного романа.

Потом какой-то доброжелатель снова собрал кусочки воедино и приписал их Даллесу. Строго говоря, не только собрал, но ещё и вложил туда несколько цитат из реально опубликованных американских планов — прежде всего из аналитических записок и директив Совета по национальной безопасности. Так что в целом текст выглядит довольно правдоподобно. Если не знать его родословную, то можно и поверить в его подлинно американское происхождение.

Но главная причина для нашей нынешней веры в том, что план-то в общем сбылся. Мы действительно изменили свою жизнь примерно в том направлении и тем способом, что описаны ещё Дольд-Михайликом. Понятно, у многих возникло твёрдое убеждение: все наши беды последней четверти века — действительно порождение не разоблачённого вовремя гнусного западного плана.

Но опять же на мой вкус и взгляд всё гораздо хуже. Если бы происходящее с нами было следствием вражеского злого умысла, то было бы довольно легко разбить этот умысел, реорганизоваться и пройти победным маршем туда, откуда пришла беда. В конце концов, России не впервой сокрушать врагов. Но вражеского плана не было. Потому и бить за границей некого.

Я, к сожалению, не имел чести быть знакомым с самим Юрием Петровичем Михайликом лично, но имею честь знать нескольких его родственников. Судя по ним, писатель действительно очень умён и проницателен. Он выявил реальные проблемы нашего общества. Обнаружил реальные слабые места. Вычислил реальные механизмы дальнейшего углубления и развития этих слабостей. Вот эти-то наши уязвимые точки он и описал в монологе своего персонажа. А дальнейшие со-

бытия развивались в соответствии с этим монологом не потому, что кто-то извне подталкивал нас, а потому, что наши собственные проблемы и наши собственные слабости разрастались именно так, как предвидел писатель.

Если бы мы в своё время прислушались к этому прогнозу, то возможно, смогли бы устранить наши реальные беды, не впадая в предсказанные Михайликом заблуждения. Правда, сейчас некоторая часть этих бед почти забыта в связи с серьёзнейшими общественными переменами. Часть из них — как раз следствие распада страны: не было бы счастья, да несчастье помогло. Но теперь надо избавляться от несчастий и в то же время оставлять при себе те достижения, что помогли убрать часть замеченных Михайликом бедствий.

Россия, как всякая великая страна, сама избирает свой путь. Сама попадает в тупики на этом пути. И сама же должна искать способы выхода из тупиков. Сама. Не пугаясь вражеских планов, придуманных нами же самими.

То же, но лучше

Копирование — способ обучения

Моя знакомая, одесская — и уже больше пятнадцати лет австралийская, — поэтесса Елена Юрьевна Михайлик регулярно публикует в Интернете столь занимательные рассказы о японской революции Мэйдзи, что я их то и дело перечитываю.

В 1854 году американские военные корабли под руководством коммодора Мэттью Кэлбрайта Кристофёр-Рэймондовича Пёрри зашли в один японский порт. По тогдашним японским законам для иностранцев была открыта только гавань Нагасаки, причём заход туда разрешался только нидерландским купцам. А тут — корабли не торговые, не нидерландские, заходят не в Нагасаки. Их, естественно, попытались остановить. Они, естественно, языком своей артиллерии объяснили, чего стóят такие попытки.

К тому времени власть в Японии уже два века полностью принадлежала военным. Фактическим главой государства был сёгун — верховный главнокомандующий. Тэнно, император, был только номинальным главой местной церкви с титулом живого бога да вождём с реальной властью поменьше, чем у нынешней британской королевы — кстати, тоже главы местной церкви.

Естественно, по всей стране поднялся массовый вопль негодования: «Как же так? Мы даём военным власть, чтобы они нас защищали, а они не могут». Накал ксенофобии был совершенно фантастический. По сравнению с тогдашним отношением японцев к иностранцам отношение Адольфа Алоизовича Хитлера к евреям можно счесть мелким хулиганством.

Вскоре по инициативе местных ультрафанатиков начались силовые акции. Правда, бóльшая часть ультра в ходе этих же акций и погибла. В конце концов сёгун — действительно верховный главнокомандующий. И первые мятежники довольно быстро убедились: по крайней мере для уничтожения внутренних врагов сил у сёгуна ещё хватает. Дальше начался разброд и шатание. В конце концов, через 15 лет после визита Пёрри, в результате множества споров, закулисных переговоров и прямых военных столкновений верх одержали люди, исходившие из довольно простой мысли: «Чтобы победить восточных варваров (именно восточных, поскольку Америка значительно восточнее Японии), мы должны уметь делать всё, что делают они, лучше них».

Японцы ещё в ходе междоусобицы, порождённой американским визитом, закупили в той же Америке первый для себя пароход. Причём боевой — один из оставшихся в ходе тамошней гражданской войны фрегатов южан. Японцы за пару десятилетий выстроили новую армию по лучшему на тот момент прусскому образцу. Японцы уже в XX веке прославились умением сперва копировать западную технику, а потом и создавать свою, во многих отношениях лучше. В общем, они действительно научились делать всё то, что делают восточные варвары, только лучше.

Правда, в самом этом словечке «всё» скрыта немалая ловушка. Ведь заранее-то не было известно, какие именно отличия восточных варваров от цивилизован-

ных японцев позволяют этим варварам японцев побеждать. Поэтому, когда кто-то копировал искусство перезаряжания револьверов, кто-то осваивал не менее сложное для японцев искусство ношения высоких шнурованных ботинок и широкополых шляп.

Правда, знаменитый в ту пору мастер фехтования и великий политик Сакамото Рёма успешно освоил и то и другое искусство. Но это вообще выдающийся деятель. Обе противоборствующие стороны объявили награды за его голову — и обе в конце концов стали следовать его советам. Правда, награды отменить забыли. Поэтому некий энтузиаст выследил Сакамото и убил его спящим. А потом до конца жизни укрывался от мести обеих сторон. Ведь все были уверены: если бы легендарный Рёма остался жив, до открытой войны дело не дошло бы.

Постепенно примеру Сакамото Рёма последовали другие тогдашние образцы ловкости. А к окончанию гражданской войны подражание иностранцам стало отдельным видом мастерства, заслуживающим немалого уважения.

К концу XIX века англичане насмехались: японцы, копируя выставочный образец двигателя, где случайную дырку в цилиндре наспех заделали болтом с прокладкой, в новом двигателе аккуратно просверлили такое же отверстие и ввинтили туда такой же болт с прокладкой.

В конце концов жизнь устоялась. Японцы разобрались, что стóит копировать, а что лучше делать по собственному обычаю.

Сейчас сходный период прихода в себя после столкновения с остальным миром переживаем мы. Да, оказалось, что во многих отношениях нас превзошли. Да, мы в долгом, изнурительном соревновании, на одном из этапов отстали так далеко, что попытались вообще прекратить гонку.

К сожалению, наши оппоненты эту гонку не прекратили. И прекращать не собираются: конкуренция вечна. Поэтому сейчас нам тоже приходится учиться делать всё, что делают они, только лучше. Естественно, мы сейчас, как японцы тогда, лихорадочно пытаемся копировать всё подряд, не особенно разбираясь, чему стоит подражать, а что лучше по-прежнему делать на свой манер.

У японцев революционная смута заняла 15 лет, последующее освоение зарубежного опыта — ещё почти полвека. Мы смогли свою смуту прекратить менее чем за десятилетие. Надеюсь, и с зарубежным опытом тоже разберёмся намного быстрее японцев. И узнаем, что лучше в дальнейшем делать по западному образцу, а что мы и так умеем — и впредь будем уметь — лучше наших оппонентов.

Власть собственности

Государство вынуждено вмешиваться в дела бизнеса

Несколько слов о борьбе власти и собственности. Ещё в 1994 году Егор Тимурович Гайдар в книге «Государство и эволюция» демонстрировал пагубность вмешательства государства в дела частных собственников и призывал установить надёжную защиту от него. Но другой безоглядный реформатор — Пётр I Алексеевич Романов — предупредил: всуе законы писать, коли их не исполнять. Прежде чем всесторонне и непрошибаемо защищать частного собственника от государства в целом и отдельных чиновников в частности, не худо бы проверить: возможна ли сия защита вообще и если да, то в какой мере полезна обществу.

Пожар в пермском клубе «Хромая лошадь» доказал российским гражданам то, что мировой опыт доказывает с незапамятных времён: полное самоустранение государства из любого направления бизнеса открывает этому бизнесу прекрасную возможность стать опасным для общества в целом. И не по чьему бы то ни было злому умыслу. Конкуренция в отсутствие контроля вынуждает к рискованным решениям. Эволюция, порождённая конкуренцией, рано или поздно заполняет все экологические ниши — в том числе и смертельно опасные.

Живут же люди даже на склонах действующих вулканов, ибо вулканический пепел формирует довольно плодородную почву и прибавка урожая понуждает рисковать. Приходится государству изгонять крестьян с Везувия и рестораторов из подвалов. Потому что больше некому: страховая компания в худшем случае поднимет тариф — так ведь не каждый задумывается о страховке даже от несчастного случая.

Чисто коммерческая деятельность государства тоже вряд ли устранима. Так, многим видам сырья соображения в пользу государственной собственности на недра ничуть не менее почтенны, нежели в пользу частного владения полезными ископаемыми.

Но допустим, мы — то ли ради чистоты теории, то ли в надежде на экономические выгоды ничем не ограниченной конкуренции — ухитримся действительно искоренить всякое государственное вмешательство в экономическую жизнь. Правда, для этого придётся скорее всего вовсе отказаться от государства. Ведь экономика неотделима от всех прочих сторон жизни.

Скажем, библиотеки и филармонии посягают на священное право перекупщиков рукописей получать сверхприбыль от продажи каждого экземпляра книги и звукозаписи отдельному владельцу (а в идеале — даже от каждого отдельного прочтения и прослушивания). Значит, государственное финансирование этих очагов культуры ущемляет интересы сих почтенных хозяйствующих субъектов и должно быть прекращено ради незапятнанности либертарианской святыни.

Бизнес обеспечивает себе прибыль не только законами о перекупке объектов творчества. Например, основная доля экономии Михаила Борисовича Ходорковского на налогах протекла через щели действовавшего закона. Но эти щели прорублены депутатами, взятыми на содержание им и его фирмой.

В преддверии парламентских выборов 2003 года Ходорковский скупал уже не отдельных политиков, а целые партии. Если бы его не арестовали на основании ещё уцелевшей части законов, в скором будущем никакое его деяние не было бы подсудным.

В Соединённых Государствах Америки сразу после Гражданской войны 1861–1865 годов покупка законов стала общепринятой и общеприемлемой нормой. И сопровождалась столь же безудержной, как у нас в 1990-е, монополизацией экономики. Что давало соответствующим бизнесам всё больше покупательной способности.

Американскую лавину остановили два ключевых закона. Антимонопольный изначально нацелен против профсоюзов, но в начале XX века президент Теодор Теодорович Рузвелт развернул его в сторону, противоположную намерениям авторов. А закон о лоббировании требует от бизнеса и политиков публиковать все сведения о своих контактах, дабы избиратели сами решали, нужно ли им вновь голосовать бюллетенями за этих политиков и долларами за этот бизнес. Конечно, даже в этих рамках бизнес доселе контролирует основную часть американской политики. Но до беспредела 1890-х там уже далеко.

В России закон о лоббировании, разработанный по американскому образцу, заблокирован прежде всего усилиями всё того же Ходорковского — и получил через коммерческие СМИ такую репутацию, что и по сей день никто не рискует компрометировать себя внесением в парламент новой его версии. Лично я бы уже за одно это отдал под суд и Михаила Борисовича, и многих журналистов, выступивших тогда по его указке.

Коллеги Ходорковского в ту эпоху творили практически то же самое. Просто именно его дела исследованы судом, а решения суда в свою очередь подробно разобраны специалистами.

И его пример, и вся отечественная и мировая практика неукоснительно показывает: как только власть уходит из бизнеса, он сам становится властью. И, как правило, заметно более диктаторской. А потому в интересах рядовых граждан — включая мелкий и средний бизнес, чьи представители не могут в одиночку покупать целые партии — не слабая или изолированная от экономики власть, а равномощная крупному бизнесу и умеющая ему противостоять. Чтобы эти две главные силы, формирующие структуру общества в целом, взаимно удерживали друг друга от прогулок по нашим головам.

Общее благо

Ничьё — значит, общее

Экономика — наука (а зачастую — и искусство) распоряжения ограниченными ресурсами. В силу их ограниченности весьма желательно ими распорядиться как можно рачительнее, дабы получить наибольший возможный эффект. Посему эффективность зачастую считают главной целью хозяйствования в целом. А её достижение — задачей любого управленца.

Мы хозяйствуем ради решения конкретных задач. Но современная экономическая теория исключает из рассмотрения не только сами задачи экономики, но и механизм их формирования. Она ограничивается понятием платёжеспособного спроса. При таком понимании предмета науки за её пределами остаётся немалый спектр практически важных вопросов. В частности, распоряжение ресурсами, находящимися в общем достоянии.

Эгоистическая логика неизменно приводит к хищнической эксплуатации природных (или унаследованных от предыдущих поколений) объектов, постоянным спорам о распределении оплаты мест общего пользования и прочим осложнениям, описанным во множестве учебников экономики. Для защиты от хищничества экономисты советуют предоставить каждый ресурс

конкретному владельцу. Английские землевладельцы XVII века, объявив общинные земли своей безраздельной собственностью и воспретив крестьянам их использование, лишь предвосхитили позднейшие рекомендации экономических теорий. При этом крестьяне не могли эффективно распоряжаться и своими — точнее, арендуемыми у того же лендлорда — наделами, разорялись и уходили, освобождая землю под пастбища: бесплатный, но приятный побочный эффект.

Огораживание и впрямь послужило предпосылкой к созданию в Англии мощной промышленности. Но далеко не всегда так же легко и просто организовать индивидуальное использование ценности, изъятой из общественного владения. Что делать с частнособственной лестничной клеткой многоэтажного дома? Даже если взимать плату за проход, ничто не помешает уже вошедшим на лестницу делать — за свои деньги! — нечто столь пакостное, чего они с коллективным (то есть хоть в малейшей степени собственным) имуществом не натворили бы: мол, ты лестницу приватизировал — ты на ней и наводи порядок.

Нынешние российские властные экономисты то и дело предлагают сделать платными основные российские автомагистрали: мол, нет другого источника средств на их содержание, не говоря уж о строительстве новых. Да и несправедливо, по их мнению, вынуждать массового рядового налогоплательщика покрывать из собственного кармана затраты тех сравнительно немногих, кому нужны дальние переезды и перевозки. Нашим властям неведома транспортная теорема, многократно доказанная мировой историей: если межрегиональные связи развиваются медленнее самих регионов, государство разваливается. Мы ещё не расхлебали последствия развала Союза, где межрегиональные связи парализовала в конце 1980-х скрытая инфляция.

Нужна ли нам новая геополитическая катастрофа? Не лучше ли считать часть налога, уходящую на дороги, платой за стабильность страны?

Лечение вроде бы нужно только самим больным. Но если хоть один туберкулёзник не сможет платить врачам и аптекарям — он заразит многие сотни встречных прямо на улице. Суммарные затраты на их спасение многократно перекроют расходы на госпитализацию и медикаменты для этого бедняка. Противоэпидемические мероприятия за общественный счёт выгоднее.

В советское время через общественные фонды потребления распределялось куда больше, нежели в порядке обычной заработной платы. Понятно, многим недоплачивали. Но идеально справедливого распределения в любом случае не достичь — ведь само представление о справедливости у людей разное (и зачастую меняется в зависимости от текущего положения человека).

Правда, блага из общественных фондов зачастую достаются не тем, кому предназначены по исходному замыслу. Ведь далеко не все они столь специфичны, как искусственные сердечные клапаны. В бесчисленных сочинских и ялтинских санаториях в советское время обитали далеко не только те, под чьи нужды эти медицинские учреждения профессионально затачивались. Изрядные средства, вложенные в специальное оборудование и обучение персонала общественно необходимого заведения, использовались не вполне эффективно.

Увы, альтернативой неэффективному использованию чаще всего оказывается эффективное неиспользование. В тех же санаториях — хоть сочинских, хоть подмосковных — нынче, судя по рекламе, днём с огнём не сыскать тех, кому показан тамошний климат, для кого десятилетиями накапливались аппаратура и навыки персонала. Попытка замены общественного потребле-

ния частным обернулась растратой громадных специализированных ресурсов.

Наилучшее распоряжение ограниченными ресурсами — лишь один из множества инструментов общества. Прежде всего надо достичь общественно значимых целей, а уже потом думать, можно ли сходные результаты получить с меньшими затратами. Когда мы вместе с мутной водой чиновного распределения выплеснули общественные фонды потребления — от чиновников всё равно не избавились, а вот собственные потребности удовлетворяем куда хуже. Поневоле задумаешься над классическим вопросом Станислава Ежи Бенoновича де Туш-Леца: «Если хорошее старое вытесняет плохое новое — это прогресс?»

Наука и цикл

Длиннейшие процессы экономики проистекают из фундаментальных открытий

Несколько слов о больших экономических циклах.

Ещё в начале этого тысячелетия я предсказал: не позднее 2008 года сырьё — прежде всего нефть — на мировом рынке начнёт дешеветь. Мотивировка предсказания была очень проста. Техническое перевооружение, необходимое для сокращения затрат энергии, в целом по основным субъектам мировой экономики отнимает примерно 10 лет. Нефтяной рынок достиг низшей своей точки в 1998-м — это, кстати, вызвало памятный дефолт 17 августа. Соответственно я подсчитал: к 2008-му должен начаться очередной сырьевой спад.

Это, конечно, далеко не единственный возможный экономический цикл. Так, в XIX веке каждые десять лет происходил крупный спад производства, связанный с тогдашним инвестиционным циклом. Всплеск спроса давал множеству промышленников сигнал: надо создавать новое производство. Все бросались в открывшуюся нишу рынка практически одновременно. Предприятия чуть ли не синхронно выходили на пиковую мощность и выпускали столько продукции, что предложение намного опережало спрос. Из-за этого падала цена, значи-

тельная часть производств закрывалась, спрос вновь начинал опережать предложение — и цикл повторялся. Этот процесс подробно рассмотрел ещё Карл Генрихович Маркс в книге «Капитал». Потом уточнили: спрос на один и тот же продукт колеблется в 3–4-летнем цикле. Десятилетний цикл связан с перетоком капитала в производство существенно новых товаров — их освоение куда дольше раскрутки готового производства.

В 1920-е годы наш отечественный экономист Николай Дмитриевич Кондратьев рассмотрел ещё несколько видов инвестиционных циклов. В частности, он установил: на десятилетний цикл накладываются более длинные периоды, порождая тем самым циклы с периодичностью 20 лет, 40, 80... Сейчас мы живём в конце 80-летнего цикла, начатого Великой депрессией. По Кондратьеву — просто обязан начаться очередной спад.

Десятилетний цикл связан в основном с созданием новых производственных мощностей на уже имеющихся технологиях. Двадцатилетний порождают не только новые заводские здания, но и новые поколения технологий. Сорокалетний вызван не только радикальной реконструкцией инфраструктуры, как заметил Кондратьев, но и рождением новых наук — базы для технологий. Восьмидесятилетний, похоже, формируют новые фундаментальные концепции — источники новых наук.

В частности, нынешний 80-летний цикл может вести отсчёт с окончательного формулирования квантовой механики. Так, полупроводниковая цифровая электроника, пропитавшая сейчас всю нашу жизнь — приложение квантовой механики. Точнее, физики твёрдого тела. Её развитие как раз и началось, когда возникли чёткие квантовомеханические формулы. Два десятилетия ушло на разработку методов их применения к большим совокупностям взаимосвязанных в твёрдом теле частиц — и сразу появились транзисторы. Ещё два десятилетия за-

няла разработка технологии создания больших интегральных схем. Два — доведение технологии до уровня массового производства, позволяющего насытить интегральными схемами даже бытовую технику. Два — само производство. Параллельно шла отработка методов цифровых преобразований информации, ибо технологические ограничения полупроводников создают пути аналоговых помех. Сейчас возможности всего этого направления развития исчерпаны, темп прироста упал — это и запустило кризис.

Думаю, со временем будут открыты ещё какие-то уровни циклов, связанные с какими-то ещё более фундаментальными концепциями, чем даже науки такого уровня, как квантовая механика. Циклического развития нам не избежать.

Более того, удлинение циклов в какой-то мере связано с тем, что постепенно были найдены средства борьбы с самыми короткими циклами — десятилетними. После Великой депрессии как раз и появилось исторически первое такое средство — накачка экономики инфляционными деньгами, предложенная Джоном Мейнардом Джон-Невилловичем Кейнсом и введённая в практику Фрэнклином Делано Джэймсовичем Рузвелтом.

Но кризис — это не только потери. На месте, расчищенном кризисом, возникает новое. Приходит новое поколение управленцев на смену тем, кто не смог вовремя разобраться, как действовать. Приходят новые поколения технологий на смену пошедшим на свалку вместе с закрывшимися предприятиями. Приходят новые науки. Словом, кризис — это ещё и замечательная стартовая точка для новых подъёмов. Надеюсь, нашим управленцам — и деловым, и государственным — хватит ума, чтобы воспользоваться сложившейся ситуацией и не пытаться тупо повторять весь прошедший ког-

да-то путь развития капитализма, а сразу строить нечто принципиально новое. Что именно новое — я, естественно, подсказать не берусь, иначе я был бы не консультантом, а бизнесменом.

Кризис — не только время разбрасывать камни, но и время собирать камни, как выразился царь Соломон Давыдович в книге «Проповедник». Из камней, собранных нами сейчас, выстроятся новые стартовые площадки для новых циклов и, естественно, новых кризисов. Абсолютная стабильность — только на кладбище. Жизнь — всегда колебания. Поэтому надо жить и надо преодолевать кризисы, даже если знаешь: взамен преодолённым придут новые.

Цикличность в истории

События повторяются по объективным причинам

Несколько слов о механизмах, порождающих циклы в экономике и вообще в истории.

Я здесь говорил об экономических циклах разной длины. Один из моих собеседников спросил: «Как же может экономика развиваться циклически — ведь каждое новое изобретение даёт какие-то новые возможности?» Действительно, возможности человечества непрерывно обновляются. Но в то же время остаются и многие постоянные условия.

Начну с отдалённой аналогии. У нас, к сожалению, давно в моде историческая теория математика Анатолия Тимофеевича Фоменко. Придумал её не он, а знаменитый народоволец Николай Александрович Морозов. Фоменко просто обрастил его рассказы бóльшим объёмом информационного шума. Но суть теории в том, что сперва Морозов подметил: интервалы между историческими событиями очень часто схожи, причём намного чаще, чем следует ожидать, исходя из предположения о полной независимости этих событий друг от друга. Из этого Морозов сделал вывод: на самом деле речь идёт об одних и тех же событиях, просто то ли по ошибке, то ли по какому-то хитрому умыслу эти собы-

тия описаны несколько раз и отнесены к разным эпохам. Фоменко подыскал большее количество совпадений такого рода, но суть от этого не меняется. Главное, что периодические события считаются не повторениями, а просто повторными описаниями одних и тех же эпизодов. То ли по ошибке, то ли по злому умыслу.

Между тем по крайней мере одна из причин такого регулярного повторения, на мой взгляд, совершенно очевидна. Если бы Морозов или хотя бы Фоменко вместо того, чтобы сочинять всемирные заговоры, начал исследовать эту реальную причину, он действительно прославился бы в исторической науке как автор фундаментального открытия.

На протяжении нескольких тысячелетий движущими силами исторических событий были совершенно одинаковые лошади. Движущими в прямом смысле слова: и воинские обозы они тащили; и кавалерию на себе несли — а кавалерия не раз решала судьбы сражений; и торговые караваны перемещались на одних и тех же верблюдах, или — скажем, в Европе — на быках. Словом, тяга была одинаковая. Значит, поход от города до города — что с военными целями, что с торговыми — занимал в разные века примерно одинаковое время. И военные кампании развивались сходными темпами. И новые города основывались на примерно равных расстояниях, определяемых удобством перехода торговых или переселенческих караванов.

Словом, были реальные причины для повторов срока. Вот эти причины и надо исследовать. В погоне за шумным скандалом Морозов, а за ним и Фоменко упустили замечательную возможность серьёзной работы. Да вдобавок скомпрометировали сам вопрос, так что им ещё долго никто не рискнёт заняться.

Аналогичные причины есть и для периодичности экономических циклов.

Например, на фасаде одесского Пассажа — одного из старейших в городе торговых центров, да ещё и совмещённого с большой и очень неплохой гостиницей — указано время строительства: «1898–1899». Многие, кто видит эти даты, просто не могут поверить: «Как могли в те времена строить так быстро?» Особенно в советское время это было никому непонятно, поскольку тогда крупные стройки растягивались иной раз на десятилетия.

Причина очень простая: Пассаж строили не так, как советские здания. В советское время строители на все доступные деньги закладывали множество нулевых циклов, то есть котлованов и фундаментов — там затраты человеческого труда намного меньше, чем при строительстве собственно здания, а формальный объём работы большой, поэтому платят много. Потом начинали понемногу выжимать деньги из начальства на завершение строительства и завершали его, в сущности, в свободное от закладки фундаментов время. С Пассажем было всё не так: сначала обеспечили финансирование, потом собрали строителей, они навалились и быстренько всё сделали за два сезона работы.

Это я к тому, что характерное время строительства производственной инфраструктуры — зданий, дорог (хоть шоссейных, хоть железных), мостов и так далее — уже пару веков практически не меняется. Оно зависит не столько от характеристик техники, сколько от возможностей организации труда. А эти возможности меняются довольно медленно.

Почти постоянна и скорость перехода научных открытий в изобретения, а изобретений — в конструкции. Эта скорость зависит прежде всего от возможностей человеческого мышления, а они тоже не шибко меняются. Всяческие конструкторские бюро, испытательные стенды, компьютеры — только вспомогательные средства,

упрощающие воплощение уже созревших идей. Но сам процесс их созревания определяется способностями нашего разума.

Словом, при всех новых возможностях, непрерывно рождающихся по ходу прогресса, темпы осуществления этих возможностей меняются очень мало. Именно поэтому возникают экономические циклы.

Различные механизмы перехода, например, открытий в изобретения, а изобретений — в готовую продукцию неплохо изучены. Лично я особо рекомендую тем, кого это заинтересует, труды Генриха Сауловича Альтшуллера. Хотя, конечно, один человек не в силах охватить всю сложность этой темы — но он нарисовал общую карту, удобную для ориентации. А конкретный маршрут по этой карте каждый может выбрать самостоятельно.

Тоталитаризм — это борьба

Не путайте форму с содержанием

По меньшей мере с эпохи Возрождения высшей ценностью признана свобода. Карл Генрихович Маркс (с недавних пор названный едва ли не главным проповедником принуждения) предлагал измерять благосостояние человека свободным временем, остающимся у него по удовлетворении всех безотлагательных личных и общественных потребностей.

Соответственно эталоном пренебрежения природой и нуждами человека уже давно положено считать тоталитаризм — желание государства контролировать все стороны жизни каждого человека. Да и подобное же стремление общества, не опирающееся на государственную мощь, нынче столь же предосудительно. Так, в числе главных претензий к религиям — их желание предписывать каждому адепту многие особенности форм поведения — вроде иудейской кипы, исламского хиджаба или христианского крестного знамения.

Между тем на протяжении всей истории общество налагает на каждого своего члена несметное множество ограничений. И почти каждый член общества подчиняется этим ограничениям даже в тех случаях, когда может нарушить многие из них. Потому что (как сформу-

лировал ещё Аристотель Никомахович Стагирский) человек — животное общественное.

Наша жизнь с незапамятных времён подчинена одному из основных принципов экономики: чем глубже разделение труда, тем выше его производительность. В обществе каждому жить выгоднее: сосредоточившись на своей узкой специальности, получаешь от других — также сосредоточенных на своём — куда больше, нежели смог бы сделать в одиночку, в режиме полного автономного самообеспечения.

Но чем глубже разделение труда, тем сложнее механизмы, обеспечивающие взаимодействие между хозяйствующими субъектами. Соответственно сложнее поддержание работоспособности этих механизмов.

Вдобавок сама структура экономики стала хоть немного понятна лишь в последние пару веков. До того приходилось лишь гадать, какие именно особенности поведения каждого из нас могут сказаться на общем благополучии. Ещё в конце XVII века добропорядочные жители городка Салем в британской колонии Массачусеттс на западном побережье Атлантики искренне веровали в способность вызывать заболевания и непогоду колдовскими манипуляциями: печально памятная охота на ведьм убила пару десятков человек и сломала ещё многие десятки судеб. Религиозная регламентация поведения, ныне именуемая тоталитарной, тысячелетиями представлялась единственным надёжным способом обеспечить стабильность общества и тем самым поддержать возможность взаимодействия звеньев разделённого труда.

Чем производительнее труд, тем больше накапливается излишков по сравнению с потребностями жизнеобеспечения, тем меньше внимания можно уделять общей эффективности. По мере развития общества его нравы становятся свободнее. Первой ощущает эту свободу вер-

хушка, где скапливается преобладающая масса жизненных благ. Возмущение рядовых граждан расточительностью и развратом правителей и богачей — постоянный лейтмотив едва ли не всей известной нам истории. Но со временем и вся народная масса обретает достаточно, чтобы не слишком беспокоиться о каждой дисциплинарной мелочи. Даже самое скромное по нынешним западноевропейским меркам поведение представляется недопустимо вольным и непристойным любому привыкшему к африканскому или арабскому уровню достатка с соответствующим уровнем жёсткости унификации поведения. А западноевропеец в свою очередь считает такую унификацию варварски тоталитарной.

Чем сложнее стоящие перед обществом задачи, чем больше требуемая для их решения доля доступных в данный момент ресурсов — тем строже регламентация всех сторон жизни. В дни наивысшего напряжения общество подобно спортсмену, готовящемуся к ответственным соревнованиям. Жёсткая диета. Чётко дозированная нагрузка. Некоторыми мускулами приходится вовсе жертвовать: для решения поставленной задачи они не нужны — пусть и не развиваются, не оттягивают на себя кровь и питательные вещества. Незнакомому со спортом — и даже болельщику, не имеющему личного опыта высоких нагрузок — такое поведение кажется тоталитарным. А уж любой тренер при взгляде с комфортного дивана и подавно заслуживает по меньшей мере Гаагского трибунала: вспомним хотя бы любимые журналистами легенды о свирепости нрава Станислава Алексеевича Жука — и слёзы благодарности фигуристов, завоевавших под его руководством десятки золотых медалей. Да и солдаты, поминающие злого как чёрт сержанта, не всегда достаточно знакомы с военным делом, чтобы подсчитать, сколько раз его строгость спасала им жизнь.

Само по себе повышенное внимание к собственным возможностям — ни в коей мере не криминал. Стрельбе учится и охотник, и киллер. Качают мускулы на тренажёрах и бодибилдеры, и уличные грабители. Даже если мы наблюдаем в какой-то стране все признаки тоталитаризма, трудолюбиво собранные Ханной Паулевной Арендт — это ещё ни в коей мере не доказывает преступные намерения государственного руководства. Так же как сходная острота зубов и мощь челюстей не стирают различие, отмеченное Александром Исаевичем Солженицыным: «Волкодав — прав, людоед — нет!»

Тоталитаризм — форма существования общества. Не всегда лучшая. Но порою жизненно необходимая. Не будем путать форму с содержанием.

Долгая дорога в будущее

Постиндустриализм неизбежен

Несколько слов о причине нынешних экономических потрясений.

В России принято говорить о двух проклятых вопросах: «Кто виноват?» и «Что делать?» — по названиям прославленных в своё время романов Александра Ивановича Герцена и Николая Гавриловича Чернышевского. На самом деле ответ на вопрос «Кто виноват?» важен прежде всего потому, что без него очень трудно правильно определить, что делать.

Например, в Интернете сейчас очень популярны аналитики под псевдонимами avanturist и alexsword. Они подробно и, на мой взгляд, довольно реалистично описали самый вероятный механизм развития нынешнего экономического кризиса и даже подобрали аналогичные кризисы в прошлом. Рассмотрели они также пути наиболее вероятных попыток выхода из кризиса. Причём пути довольно реалистичные — хотя порою и страшные.

Но с моей точки зрения в их концепции есть один дефект. Первопричиной кризиса они считают перепроизводство людей. Ведь с экономической точки зрения люди — тоже ресурс. Причём ресурс достаточно сложный и в производстве, и в последующем поддержании

его активности. Поэтому для использования этого ресурса нужны соответствующие технологии — а сейчас они недостаточно развиты. С моей же точки зрения, проблема гораздо глубже.

Во-первых, как я уже не раз говорил и, к сожалению, ещё не раз скажу, в перепроизводстве у нас всё-таки не люди, а деньги. С тех самых пор, как знаменитый экономист Джон Мейнард Джон-Невиллович Кейнс предложил гасить экономические колебания впрысками денег, этой мерой злоупотребляют, пытаясь гасить даже те колебания, которые, в общем-то, и не следовало бы. Ведь мелкие сбои рынок довольно быстро улаживает сам. В докейнсовы времена даже самые тяжёлые депрессии занимали максимум пару лет. А накачка рынка деньгами по любому поводу в конце концов привела к тому, что все экономические противоречия, не разрешённые нормальным рыночным путём, накопились, стали действовать одновременно и породили такую волну, против которой уже никакой Кейнс не поможет.

Но это опять-таки не полное рассуждение. Куда важнее, с моей точки зрения, то, что мир сейчас находится на пороге нового качественного скачка в экономике — перехода в так называемый постиндустриальный период. Первыми провозвестниками этого периода стали простейшие средства автоматизации станков — вроде копирных приспособлений, позволяющих без непосредственного человеческого участия воспроизводить очень сложные конфигурации деталей. Они появились ещё на заре индустриального периода развития, в XVIII веке. Но неизбежность постиндустриального перехода почувствовали в двадцатых годах XX века.

В частности, тогда появилась пьеса «РУР» — «Россумские универсальные роботы» — Карела Антониновича Чапка — именно так в чешском языке звучит ро-

дительный падеж от фамилии Чапек. Для неё его брат Йозеф Чапек придумал термин «робот», от словацкого «robota», соответствующего нашему «работа». В этой пьесе сложные механические устройства, созданные для исполнения всех производственных функций человека, в конце концов человека же и поработили. Но главное, что была осознана и высказана возможность создания таких устройств для любых целей в любых необходимых количествах.

А вот с самим созданием дело подзадержалось. Постиндустриализм — по замыслу сперва фантастов, потом экономистов — должен заключаться, грубо говоря, в том, что обязанность человека — только придумывать. А сделать придуманное можно и без человека.

Увы, без человека пока не получилось. Имитацию постиндустриализма сделали, переведя производство в страны, где рабочая сила очень дешёвая. Но это, что называется, заметание мусора под ковёр. Те противоречия индустриальной эпохи, которые должен разрешить постиндустриализм, оказались не разрешены и после временного затишья проявились с новой страшной силой.

Мир остановился перед постиндустриальным барьером, не сумев перепрыгнуть его с первого раза. Вряд ли сейчас кто-то может достоверно предсказать, когда появятся силы для следующего скачка.

Теоретически не исключено даже, что этот скачок будет произведен именно сейчас, в момент, когда всё кажется рушащимся. В периоды кризисов не только рушится старое, но и расчищается почва для нового. Может быть, какие-то изобретения, о которых мы доселе не слышали именно потому, что их невыгодно было внедрять при избытке дешёвой рабочей силы, сейчас будут кем-нибудь подхвачены — хотя бы от отчаяния, в качестве последнего средства спасения — и станут той последней песчинкой, которой недоставало опоре под

нашими ногами, чтобы человечество, оттолкнувшись от неё, наконец перелетело через постиндустриальный барьер. А может быть, потребуется ещё десяток попыток.

Ясно одно: мы либо перейдём полноценно в постиндустриальную эпоху, либо новую индустрию придётся развивать уже не людям, а каким-нибудь другим существам. Ведь индустриальная организация общества принуждает значительную часть людей заниматься делами нетворческими — значит, оглупляет человечество в целом, ограничивает наши общие возможности преодоления неизбежных будущих препятствий, наращивает риск нашему существованию.

Но человечество всегда находило выход из положения, когда у него не оставалось другого выхода. Так что будем оптимистами. Вот я, например, оптимист. Чего и вам желаю.

Постиндустриальный доллар

Почему Обама нам выгоднее Маккейна

Несколько слов о событиях за океаном.

Во время предвыборной кампании 2008 года по выборам президента Соединённых Государств Америки весь мир оживлённо обсуждал: кто более матери-истории ценен — Барак Хусейн Барак-Хусейнович Обама или Джон Сидни Джон-Сиднивич МакКейн?

Чаще всего рассматривались их личные качества и красивые обещания. Между тем за каждым из них — мощнейшее экономическое течение.

Уже около полувека в Америке не очень мирно сосуществуют два основных направления развития экономики — индустриальное и постиндустриальное.

Логика индустриальной экономики проста, изучена ещё Марксом, а существует с незапамятных времён: «Сами придумали, сами сделали, сами продали, живём на выручку с продаж». Постиндустриальная логика первоначально задумывалась так: «Придумали люди, сделали машины, а как с продажами получится — неважно. Может быть, вообще всё, что машинами сделано, можно бесплатно раздавать, а авторам — просто всяческие почёт и уважение».

Но на практике пока так не получается: нету у нас ещё машин, способных производить всё подряд и без

сложных многомесячных переналадок. А поэтому нынешняя постиндустриальная логика выработана не столько инженерами, сколько менеджерами, и выглядит так: «Придумали сами, произвели там, где рабочие руки дешёвые, продали представители тех, кто производил, а те, кто придумал, живут на выручку от лицензионных отчислений».

У каждой из этих стратегий свои достоинства, свои недостатки. Главный недостаток постиндустриальной стратегии: те, кто не способен придумывать что-то новое, должны либо обслуживать тех, кто придумывает, либо оставаться вовсе не у дел. Соответственно доходы у них, мягко говоря, ограниченные. Но с другой стороны, постиндустриальная логика действительно избавляет от множества забот, связанных, например, с экологическими неурядицами. Поэтому сейчас она считается более перспективной — по крайней мере, до тех пор, пока экономического кризиса нет и пока сделанное находит себе покупателей. Но эта проблема касается индустриальной логики примерно в той же степени.

Для всех нас очень важно, что для индустриальной логики предпочтительно понижать цену своей валюты, чтобы повышать конкурентоспособность товаров, сделанных в зоне действия этой валюты. За пределы этой зоны они продаются по меньшим ценам — соответственно, производители могут набрать своё за счёт увеличения общего числа продаж. А вот постиндустриальной экономике выгодно, наоборот, наращивать курс своей валюты. Ведь лицензионные соглашения, естественно, заключаются в этой валюте — значит, при росте её курса реальная выручка растёт. Правда при этом увеличивается ещё и цена и, соответственно, становится сложнее продать произведенное. Но это уже проблема того, кто производит, а не того, кто

придумал. Это он обязан выполнять лицензионное соглашение, пусть даже ценой уменьшения своей прибыли.

К постиндустриалам примыкают и чисто финансовые бизнесы. Им также выгоден рост курса своей валюты, чтобы привлекать на свой финансовый рынок средства извне. Пару десятилетий назад Великобритания даже пожертвовала промышленностью, чтобы остаться финансовым гигантом.

Традиционно американские представители индустриальной экономики группируются вокруг республиканской партии, а представители постиндустриальной — вокруг демократической. Соответственно с тех самых пор, как президент Ричард Милхауз Фрэнсис-Энтонивич Никсон в 1973 году отменил золотое обеспечение доллара, республиканские президенты, как правило, стараются доллар понизить, а демократы — наоборот, поднять. Вот и Обаму продвигали к власти те, кто готов играть на повышение доллара, пусть даже ценой ухудшения экспортной конкурентоспособности американских товаров, тогда как МакКейн, скорее всего, продолжил бы политику Буша, нацеленную в целом на опускание доллара, даже несмотря на то, что время от времени приходится по разным конъюнктурным соображениям его поднимать.

Но нынешний экономический кризис, насколько я могу судить, продиктован как раз неумеренным понижением доллара, неумеренным впрыском долларов в американскую и мировую экономику. Ведь чем больше печатают денег, тем быстрее растут цены, так что денежной массы перестаёт хватать для обслуживания потока товаров и услуг: инфляция порождает дефляцию, а та парализует хозяйственные связи. Продолжение политики «дешёвого доллара» резко усилило бы кризис во всех его проявлениях.

Выходит, в тактическом плане нам выгоднее победа Обамы, поскольку он старается повышать доллар, а это может убрать первопричину кризиса и способствовать стабилизации мировой экономики. Но с другой стороны, кризис — это не только следствие финансовых игр. Это накопление великого множества разнообразных экономических противоречий. Победа МакКейна довольно быстро довела бы кризис до явного обвала. Все накопленные противоречия оказались бы в одночасье выброшены в явный вид. Их пришлось бы решать в комплексе — значит, сравнительно быстро. Победа же Обамы в 2009 году оставила многие из противоречий «под ковром». Они ещё долго не будут решены и могут дать многочисленные неприятные последствия, которые придётся расхлёбывать ещё очень и очень долго. Можно даже считать предстоящую вторую волну кризиса следствием победы Обамы.

Покупайте партнёров

Антикризисное поглощение

Несколько слов о том, что можно и нужно делать серьёзным производителям в ходе нынешнего кризиса.

Я уже не раз говорил: нынешний кризис имеет дефляционную природу. Он вызван избыточной накачкой денег в мировую экономику, а избыток денег в конечном счёте всегда переходит в их острый недостаток. Ведь от дешевеющих денег пытаются избавиться, скупают всё подряд, и цены растут быстрее, чем успевают допечатывать деньги. При острой дефляции — нехватке денег, — в том числе и по ходу кризиса, денежный оборот заменяется бартерным.

Но по бартеру можно заключить сделку двоих-троих партнёров. Когда же партнёров десятки, а то и сотни, практически невозможно согласовать все их интересы: обмен предметами — в отличие от обмена деньгами — нужен далеко не всем. Поэтому множество технологических цепочек просто рвётся. Итак, в ходе кризиса высокотехнологичные производства испытывают жесточайшие проблемы при взаимодействии с контрагентами, поставляющими всяческие комплектующие, производящими предпродажное обслуживание и так далее.

По счастью, как раз в нашей стране накоплен немалый опыт развития сложных технологий в отсутствие

налаженного взаимодействия с партнёрами. На заре советской индустриализации приходилось сразу создавать сложные и серьёзные производства, например, производство больших станков на Уральском заводе тяжёлого машиностроения. Тогда у нас попросту не существовало той инфраструктуры в виде множества мелких производств, какая к этому времени уже была на Западе. Соответственно нам тогда приходилось закупать не просто готовые технологии, а сразу целый пакет технологий по всем комплектующим и осуществлять всё закупленное в рамках единого производства. На советских крупных комбинатах фактически царило натуральное хозяйство. На месте делалось практически всё — от выплавки чушек металла и до прецизионной обработки тончайших деталей. Это, конечно, значительно дороже и куда сложнее в управлении, чем схема со множеством партнёров, каждый из которых специализируется на какой-то одной работе и благодаря узкой специализации достигает высшей производительности труда. Но эта схема предотвращала сбои, неизбежные при независимом освоении всех этих технологий.

Строго говоря, кооперация в какой-то мере существовала и тогда. Например, Ижевский оружейный завод во время Великой Отечественной войны поставлял практически всем остальным оружейным заводам винтовочные стволы и производные от них стволы для пистолетов и пистолет-пулемётов, имевших тогда тот же калибр, что и винтовки. Именно в Ижевске наладили самое массовое производство. Потому что Ижевск тогда освоил новую технологию изготовления нарезов. До того нарезы в стволе выцарапывались специальным крючком на длинном держателе — так называемым шпаллером. А в Ижевске стали их делать, проталкивая сквозь заготовку ствола специальную профилированную насадку — дорн. Дорн просто выдавливает в метал-

ле нарезы. Такая технология считается несколько рискованной для высокоточной стрельбы, поскольку дорн создаёт значительные внутренние напряжения, и из-за них ствол при нагреве в ходе эксплуатации может чуть деформироваться. Зато производительность дорна на порядки выше, чем шпаллера. Причём на эксперименты с формой дорна, с режимом его протягивания, со смазками ушло пятьдесят тысяч стволов. Только громадный Ижевский комбинат мог себе это позволить.

Так что снабжение партнёров, занимающихся сходной работой, было и тогда. Но в целом каждый грамотный хозяйственник старался организовать у себя натуральное хозяйство, чтоб не зависеть ни от смежников, ни от ошибок планирующих органов.

Примерно полвека назад затеяли у нас организацию так называемых центролитов — больших заводов, делающих отливки по моделям, предоставляемым другими предприятиями того же промышленного района. Я тогда уже умел не только читать газетные новости, но и понимать их. Поэтому хорошо помню, сколько усилий ушло у всех одесских предприятий, чтобы завод «Центролит» на дальней северо-восточной окраине города наконец-то заработал и можно было действительно передать туда все литейные производства. Это был максимум кооперации, достигнутый в тогдашних советских условиях.

Сейчас очень многие крупные предприятия окажутся в сходных условиях. Понятно, налаживать у себя вновь по примеру советской эпохи все мыслимые и немыслимые технологии, во-первых, невыгодно, во-вторых, сложно, в-третьих, можно просто не успеть. Но я бы рекомендовал любому крупному производителю высокотехнологичной продукции, имеющему сейчас хоть какие-то доступные средства, за счёт этих средств скупать своих нынешних партнёров, поставляющих ему комплектующие. Или хотя бы объединяться с ними.

Интеграция разнородных производств, конечно, изрядно осложнит работу управленцев и работу финансовых подразделений, но предотвратит очень многие сбои, неизбежные при развитии кризиса. Когда кризис минует, можно опять выделить структурные подразделения в независимые производства, поделить между прежними владельцами или продать сторонним инвесторам. Но это потом. А сейчас слияние смежников, входящих в одну технологическую цепочку, может оказаться спасительно для большей части высоких технологий в стране.

Солидарность ради прогресса

Пролетариям всех стран стоит соединяться

Несколько слов о Первомае.

Ещё недавно этот праздник звался куда торжественнее — день международной солидарности трудящихся. Ныне — в американском стиле: день весны и труда. Солидарность заменена конкуренцией, международное — глобализацией. А уж в дни Великой депрессии трудящимся вовсе нет места в мире. Между тем нынешняя Великая депрессия разразилась не в последнюю очередь из-за нехватки той самой международной солидарности трудящихся, которую теперь даже 1 мая упоминать не положено.

В последние пару десятилетий эффективность мировой экономики росла, как уверяли экономические гуру, благодаря переходу в постиндустриальную эпоху. Серийное производство дешевело, центр затрат смещался на этап разработки. На горизонте маячил идеал: кто может — придумывает, кто не может — обслуживает, а материальные блага рождаются сами собой.

Увы, ничто в природе не возникает ниоткуда. По замыслу теоретиков постиндустриализма тяжесть материального производства должна была лечь на стальные плечи автоматов — станков с числовым про-

граммным управлением, промышленных роботов и прочих инженерных чудес. Но в конце концов менеджеры устали ждать милостей от третьей — рукотворной — природы и вкладывать немереные деньги в исследования распознавателей образов, манипуляторов и прочих компонентов грядущего автоматического предприятия. Несравненно проще перенести производство туда, где рабочая сила дёшева. Но человеку всё же нужно куда больше, чем даже самому совершенному промышленному роботу. Часть выручки от продажи товаров, сделанных по западным чертежам на восточных заводах, приходится отдавать обитателям этих заводов.

Вдобавок далеко не каждому высвобождённому западному трудящемуся найдётся новое дело. Кто не наделён достаточной дозой творческих способностей, кто стар для переучивания... Да и не нужен миру тот поток творческих идей и взаимных услуг, какой могли бы в идеале произвести все, кто раньше стоял у конвейера. Вот и накопилась громадная масса фактически безработных, чей безрадостный социальный статус удаётся скрывать только стилизацией пособий по безработице под оплату заведомо бесполезных занятий.

В регионы дешёвой рабочей силы переводятся и многие нематериальные — в том числе и творческие — производства. Голливудские мастера ездят в Восточную Европу и Северную Африку — экспедиционные расходы с лихвой перекрывает дешевизна массовки. Добрая половина программ, продаваемых под американскими марками, написана в Индии (а сложные и нетривиальные фрагменты, требующие сильного алгоритмического мышления — в Белоруссии, на Украине и в остальной России). Даже часть услуг перемещена. Так, секретарские услуги всему англоязычному миру оказывает Индия: благодаря разнице во времени деловой человек,

с вечера продиктовавший наброски, утром получает готовые правильно оформленные материалы.

Вдобавок инвесторы всё ещё желают достойного дохода. Значит, цена товаров и услуг не может снижаться в соответствии с себестоимостью производства. Нужна изрядная прибыль. Отсюда, в частности, резкое ужесточение ограничений права копирования — чтобы восток не завалил мир своими изделиями по западным чертежам и не обвалил цену эксклюзива.

Всё это вынуждает — при всей дешевизне серийного производства — постоянно впрыскивать в экономику деньги, не обеспеченные реальным трудом, не покрытые соответствующими товарами и услугами. До поры до времени инфляцию размазывали сравнительно тонким слоем по всему миру. Но нынче долларами (да и евро) наелись даже на всяческих Мысах Зелёной Кости. Деньготрясение грозит обвалить сами источники разноцветных бумажек.

Итак, первопричина нынешнего кризиса — массированный вывод производства в регионы дешёвой рабочей силы. Но почему она дешёвая?

Андрей Петрович Паршев рассказывает про благодатные природные условия, снижающие затраты на жизнеобеспечение. Но первая природа везде сложна. Защититься от удушливой жары, ливней и землетрясений в тропиках не проще, чем от снега и холода в Сибири. Дело во второй природе — человеческом обществе. Его примитивное устройство принуждает жителей Третьего Мира есть впроголодь, паковаться в обноски, работать по 25 часов в сутки. Словом, жить на уровне, уже почти век забытом во Втором — социалистическом — Мире и — под давлением революционного примера — в Первом.

Высокий уровень жизни развитых стран добыт десятилетиями международной солидарности трудящихся.

Ныне она почти забыта. Пролетарии развитых стран подкуплены благами, почти даровыми благодаря нищете всех, на кого солидарность не распространилась. Массовое иждивенчество былых трудящихся перекосило мировую экономику.

Изобилие без разрушительных побочных экономических эффектов даст только автоматизация производства. Кризисы и тогда не уйдут вовсе (ибо развитие всегда неравномерно), но станут качественно иными.

Но пока доступны дешёвые рабочие руки, менеджерам непозволительно вкладывать ресурсы в отдалённую перспективу автоматического бесплатного (то есть обходящегося без менеджеров) производства. Без опережающего роста зарплат в Третьем Мире — то есть без международной солидарности трудящихся — качественного скачка технического прогресса не будет.

Налог в пользу экспорта

Почему бигмак в Пекине дешевле, чем в Рейкъявике

Журнал Economist регулярно публикует индекс Биг-Мака. Стандартизованный по всему миру многоступенчатый бутерброд, содержащий хлеб, мясо, овощи, приправы — изрядная доля потребительской корзины. Сравнение его цены в разных местах — простейший способ быстро оценить паритет покупательной способности местных валют.

К последнему докризисному выпуску индекса Биг-Мак в Соединённых Государствах Америки стоил 3 доллара 41 цент. В России — по курсу на момент расчёта индекса — 2 доллара 3 цента. Следовательно, применительно к основным продуктам потребления рубль недооценён на 41 процент.

Рекорд — у китайского юаня: 1 доллар 45 центов, то есть 58-процентная недооценка. К Китаю плотно примыкают Малайзия, Египет, Индонезия, Таиланд, Украина.

На другом полюсе — Исландия: 7 долларов 61 цент (я на полный обед в McDonald's — с салатом, мороженым, кофе — трачу несколько меньше), что соответствует переоценке местной кроны на 123 процента. Явно переоценены также норвежская крона, швейцарский

франк. Да и евро несколько завышен (в среднем по странам еврозоны на 4 доллара 17 центов, то есть на 22 процента).

Столь внушительную разницу не списать на причуды биржевых игр. Особенно если учесть: индекс публикуется уже не первый год и до кризиса — без заметных подвижек. За разбросом цен расхожего бутерброда стоят серьёзные закономерности.

Самая очевидная из них — традиционные различия в достатке стран. Пекинец вряд ли сможет себе позволить БигМак по чикагской цене. Зато с бергенца можно содрать втридорога.

Но нищета и богатство — категории не экономические. Игроки на валютных биржах руководствуются существенно более оцифрованными данными. Прежде всего — потоками товаров и услуг, стоящих за значками валют.

Самая недооценённая валюта — у страны, уже пару десятилетий исполняющей обязанности мастерской мира. Конвейерные производства переносятся в Китай, ибо там самая дешёвая рабочая сила. Ведь всё необходимое для её существования тоже дёшево — не только благодаря баснословной скромности потребностей среднего китайца, но и вследствие искусственно заниженного курса местной валюты.

Малайзия, Индонезия, Украина тоже ориентируются на экспорт. Чтобы обеспечить конкурентоспособность продукции, они — как и Китай — удешевляют свою валюту.

Искусственное обесценивание валюты стало инструментом экспортной экспансии ещё во времена Великой депрессии. Но тогда им одновременно воспользовались все ведущие промышленные страны, и ничего, кроме хаоса в финансах, трюк не принёс: соотношения валют после краткого замешательства вернулись на

прежний, додепрессивный уровень. Сейчас благополучные государства стараются без особой надобности не играть своими курсами. Поэтому страны послабее и могут опустить свои валюты ниже паритета, дабы стимулировать экспорт.

С другой стороны, Швейцария экспортирует разве что предметы роскоши. Скажем, легендарные швейцарские механические часы — при всей изощрённости устройства — заведомо не могут быть точнее электронных. И даже механические японские давно не менее надёжны. Швейцарские часы носят ради престижа — и чем они дороже, тем престижнее.

Основной доход Швейцария сейчас получает от туризма. Туристы тратят деньги внутри страны — и чем выше цены, тем больше страна зарабатывает. Тут выгоден завышенный курс.

Норвегия экспортирует в основном энергию: электричество, нефть, газ. На высокотехнологичном рынке этот товар всегда востребован. Можно не беспокоиться о конкуренции и завышать курс своей валюты, чтобы в страну охотнее импортировали всё, что в ней не производится.

Россия тоже энергоэкспортёр. Но у нас ещё в советское время выстроена мощная разносторонняя промышленность. Рубль занижают, чтобы стимулировать экспорт её продукции — в надежде, что благодаря этому она рано или поздно выйдет на советский уровень по количеству произведённого, а там и по качеству начнёт соответствовать требованиям мирового рынка.

Отчего же Центральный банк России то и дело сетует на слабость рубля? Да и другие промышленные страны до кризиса, как правило, не пытались опускать свои валюты, предпочитая переносить производство в регионы подешевле и подпитывать высвободившихся рабочих пособиями за счёт налогов с фирм?

Заниженный курс не только стимулирует экспорт. Он ещё и снижает уровень жизни. Становится невыгоден импорт — а производить внутри страны вообще всё, что ей нужно, не так уж хорошо: преимущества разделения труда проявляются на международном уровне ничуть не слабее, чем в пределах одного конвейера.

Занижение курса валюты — налог на всех граждан страны в интересах экспортёров. Причём самый несправедливый налог, ибо бьёт прежде всего по беднейшим. Уж лучше прямой протекционизм — ограждение внутреннего рынка таможенными и нетарифными барьерами, благодаря которым, например, Япония (тоже крупнейший экспортёр) ограничивается ценой БигМака в 2 доллара 29 центов, заниженной всего на 33 процента.

В перспективе промышленность, выросшая в протекционистской теплице, может вернуть всё вложенное в неё. Но учиться конкурентоспособности придётся заново. Выучимся ли?

Нестабильность на экспорт

Соединённые Государства Америки хотят умереть последними

Несколько слов о новом экспортном товаре Соединённых Государств Америки.

Нынешний экономический кризис в существенной своей части проистёк из того, что за пределы Соединённых Государств Америки выведена значительная часть материального производства. Правда, в самой стране остались производства интеллектуальные — от разработки новых конструкций до съёмки голливудских ужастиков. Но этого всё же не хватает, чтобы занять всё население какими-то реальными делами. Поэтому многие занимаются делами, мягко говоря, не имеющими реальной ценности, и живут в конечном счёте на дотации — пусть даже экономическая сущность дотаций замаскирована общественно бессмысленными занятиями.

Неумеренная эмиссия денег, необходимых для покрытия этих дотаций, хотя и замаскирована хитроумными финансовыми инструментами, не поменяла своей инфляционной сущности. А потому — как и любая инфляция — породила кризис. Чтобы с этим кризисом как-то справиться, нужны в конечном счёте какие-то новые экспортные товары, реально производимые вну-

три страны и представляющие для окружающих интерес, достаточный для того, чтобы окружающие всё это купили.

Но новые товары придумать вообще не так уж просто, произвести ещё сложнее. А главное — на мировом рынке уже сформировалась инфраструктура, готовая производить — причём производить дешевле самих американцев — практически всё, что те сумеют придумать.

Поэтому американские стратеги придумали товар, который реально производить никто, кроме них самих, не возьмётся. Точнее, многочисленные вспомогательные мелочи для этого товара охотно создают многие. Но вот производить его в целом не возьмётся никто. Ибо товар этот — нестабильность, политическая и экономическая.

Скажем, достаточно один раз усадить на верхушку властной пирамиды Украины или Грузии, мягко говоря, мало вменяемого политика — и дальше он обеспечит нестабильность в этой стране и в её окрестностях на много лет вперёд. А посадить не так уж сложно: несколько лет прикармливали через так называемые негосударственные организации несколько тысяч юнцов — и потом эти юнцы послужили центрами кристаллизации, вокруг которых собрались все недовольные существующим положением дел и совместными усилиями выстроили положение ещё худшее. Кстати, непосредственно раздавала корм негосударственным организациям сотрудница отдела разведки министерства иностранных дел Соединённых Государств Америки Кэтрин Клэр — ныне жена президента Украины Екатерина Михайловна Чумаченко.

Вы спросите: а кто же, собственно, купит нестабильность? Прежде всего политики — вроде Ющенко, Саакашвили. Наши политики, типа Касьянова с Каспаровым и Лимоновым, тоже охотно купили бы. Но, по

счастью, у нас масса прикормленных юнцов пока ниже критической — не достаточна, чтобы устроить в стране действительно серьёзную перетряску. Хотя попытки такого рода делались, но пока, по счастью, оказались не слишком удачны.

Политики, действующие по принципу «чем хуже — тем лучше», покупают нестабильность для своего собственного употребления: чем мутнее вода, тем жирнее рыба, которую можно из неё выловить. Но сами американцы обретают гораздо большее, чем возможность скупать ресурсы потрясённой страны по дешёвке. Главное — они покупают относительное преимущество.

Именно относительное. В абсолютном исчислении внутриамериканский рынок, несомненно, падает. Но рынки многих других стран падают куда круче. Косовский центр наркоторговли и прочей организованной преступности, созданный по американским чертежам, уже распространил своих представителей по всему Европейскому Союзу — крупнейшему хозяйственному конкуренту Соединённых Государств Америки. Нестабильность в Грузии приводит к серьёзным экономическим потрясениям во всех соседних с нею странах. Нестабильность на Украине создала серьёзные сомнения в надёжности энергоснабжения Европейского Союза — и тем самым снизила конкурентоспособность самих западноевропейских производителей.

В классическом анекдоте один из участников туристской группы увидел в лесу объявление: «Здесь водятся медведи» — и стал переобуваться в туфли полегче и покомфортнее. Ему сказали: «Ты всё равно не опередишь медведя». Он ответил: «А мне и не надо медведя опережать. Мне главное — вас опередить». Экспортируя нестабильность, американцы выпускают в лес всё новых медведей в надежде на то, что американские кроссовки легче.

Крестьянин из классической притчи в ответ на предложение Бога: «Я сделаю тебе всё, что ты захочешь, но твой сосед получит вдвое больше» сказал: «О Боже, вырви у меня один глаз!» Американцы готовы потерять глаз.

Экспорт нестабильности — фактически последний экспортный ресурс, которым сейчас располагают Соединённые Государства Америки. Нам надо быть готовыми к тому, что нам нестабильность предложат на потрясающе выгодных условиях — как когда-то дикарям предлагали бусы в обмен на алмазы. Если мы сумеем защититься от этого экспорта и остаться стабильными, то кризис нас, конечно, тронет, но далеко не так сильно, как саму Америку.

Как именно защищаться от экспорта нестабильности — отдельная тема. Но из уже сказанного очевидно: нам и впредь надо ожидать любых неожиданностей.

Делать или делить

В чью пользу мировое разделение труда

По ходу одного из оживлённых споров в моём «Живом журнале» некий мой оппонент отметил: джинсы шьют в Китае за два доллара, а продают в Америке за двадцать — значит, основную выгоду от китайского труда получает Америка.

Рассуждение укладывается в часто цитируемую мною американскую поговорку: доллар тому, кто придумал; десять тому, кто сделал; сто тому, кто продал. Исходя из обычных заработков американских дизайнеров и количества продаваемых джинсов, полагаю: автору очередного фасона рабочих штанов достаётся из двадцати долларов вряд ли заметно больше двадцати центов, что соответствует поговорочному раскладу. Сверхприбыль, упомянутая моим оппонентом, идёт перекупщику плодов творчества — обладателю торговой марки — в рамках юридически противоречивой категории «интеллектуальная собственность», а подлинный творец, как всегда, живёт на подачки богача.

К теме препятствий, поставленных «интеллектуальной собственностью» на пути развития человечества, придётся возвращаться ещё неоднократно. В процитированном же высказывании меня заинтересовало дру-

гое: кто на самом деле получает от китайского труда наибольшую выгоду.

Для начала разберёмся с самими китайцами. Они действительно сделали своими руками (или купили у других производителей) ткань, пуговицы, молнии, клейма, всё это сшили вместе (под бдительным надзором представителей заказчика) и за всё это получили из-за рубежа сумму, примерно соответствующую их уровню жизни — скажем, те же два доллара. Всё по Марксу: товар — деньги.

С американцами вроде тоже ясно. Тот, кто продал там джинсы, действительно получил в соответствии с местным уровнем жизни два десятка долларов (или две сотни за особо раскрученную марку). Из них он два доллара отдал китайцам — и получил восемнадцать (или сто девяносто восемь) чистой прибыли. Ради такой выгоды нынче почти всё материальное производство из Соединённых Государств Америки (и немалая доля — из Европейского Союза) выведено в Китай и прочие регионы сверхдешёвой рабочей силы.

Но кто отдал предприимчивому американцу свои двадцать долларов? Очевидно, другой американец. С точки зрения всей страны деньги перекочевали из одного кармана в другой. За вычетом двух долларов, отданных трудолюбивым китайцам, это — чистый расход, и его ещё надо возместить доходами.

Возместить не получается. СГА уже не первое десятилетие живут в долг. Страна в целом потребляет в разы больше, чем производит. Разницу не покрывают даже лицензионные отчисления от производителей товаров, разработанных американцами, обладателям «интеллектуальной собственности». Только массированное привлечение всё новых инвестиций извне позволяет как-то сводить концы с концами да ещё выплачивать какие-то

дивиденды прежним инвесторам: привет им от Мавроди с Мэдоффом!

Основным же источником покрытия американских расходов остаётся Федеральная Резервная Система. Пока её печатная продукция используется для взаиморасчётов большей частью мировой торговли, избыточная эмиссия порождает не столько внутриамериканскую, сколько общемировую инфляцию, понемногу душа мировую экономику (и тем самым сохраняя относительную привлекательность американского рынка по сравнению с прочими).

Даже если принять во внимание не только американских потребителей, но и прочий мир, картина неизменна: все платят Китаю, он на всех зарабатывает.

Теперь Китай, судя по всему, не разорится даже в случае банкротства всех своих нынешних потребителей. Уже накопленных — пусть и откровенно нищенских — долларов за джинсы (и прочие бесчисленные поделки для всего мира) ему хватает, чтобы заняться раскруткой своего внутреннего рынка. Так что в скором будущем случится одно из двух — либо китайский производитель джинсов начнёт получать за них двадцать долларов, либо китайский же потребитель будет за них платить два. Неравный переток средств со всего мира в Китай может и прекратиться — сам Китай сможет впредь держаться на внутренних ресурсах, оставляя внутри себя всё произведённое. И ни в коей мере не пострадает от того, что не будет получать за свои усилия новые бумажки, уже давно символизирующие не столько товары, которые на них можно купить, сколько красивые финансовые схемы, по которым их можно нарисовать в любом желаемом количестве. Потому что — как и во времена создания трудовой теории стоимости (ныне рьяно отрицаемой экономическими гуру всех расцветок), и многие тысячелетия назад — всё богатст-

во человечества создаёт труд, а не заклинания жрецов. Как бы ни назывался их храм — хоть Вавилонская башня, хоть Нью-Йоркская фондовая биржа, хоть Высшая школа экономики.

Словом, не зря Евгений Онегин

Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живёт, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.

Американцы же, забыв очевидные хозяйственные истины в пользу миражей финансового рынка, оказались в положении Онегина-старшего:

Отец его понять не мог
И земли отдавал в залог.

Долг Соединённых Государств Америки уже давно заведомо непосилен для отдачи. Именно потому, что слишком многие там надеялись, отдав за рубеж два доллара, выручить на этом двадцать.

Депрессия и фашизм

Социальные взрывы дороже борьбы с ними

Несколько слов о плате за спокойствие.

Экономисты давно установили: многочисленные независимые друг от друга свободные производители и потребители, осознанно преследующие собственную выгоду, совместными усилиями направляют развитие общества довольно близко к наилучшему технически возможному в данный момент направлению. Основатель современного стиля экономической науки Адам Адамович Смит два с половиной века назад назвал этот механизм продвижения к лучшему «невидимой рукой рынка».

По мнению многих серьёзных специалистов, эта могучая рука успешно работает не только в периоды спокойного развития, но и в годы потрясений. В частности, они напоминают: в эпоху свободного предпринимательства экономические кризисы были далеко не так глубоки и длительны, как во времена империализма, когда одним из ключевых игроков рынка стало государство. И чем активнее государство вмешивается в экономику, тем ей бывает хуже.

Предыдущая Великая депрессия, по утверждениям многих её исследователей, была на излёте уже к концу

правления Херберта Кларка Джессевича Хувёра. Между тем он лишь организовал множество благотворительных акций вроде раздачи бесплатного супа. Значит, его внешняя пассивность, по мнению этой теоретической школы, экономически оправдана. Кипучая же разносторонняя деятельность преемника Хувёра — Фрэнклина Делано Джэймсовича Рузвелта — только затянула спад настолько, что он завершился лишь с началом Второй мировой войны.

Но к концу правления Хувёра политическая обстановка в Соединённых Государствах Америки была близка к взрыву. Напряжение накопилось куда сильнее, нежели в европейских странах, куда кризис пришёл позже. А ведь европейцам и этого уровня социальных противоречий хватило для многих несчастий.

На волне депрессии фашизм — в форме национального социализма — победил в Германии. Путч французских фашистов — кагуляров — сорвался скорее по общему разгильдяйству, нежели вследствие закономерного развития событий. В Великобритании стремительно набирал популярность Британский союз фашистов под руководством бывшего лейбориста баронета Освалда Эрналда Освалдовича Мосли...

В Восточной Европе, включая осколки Российской империи — Латвию, Литву, Польшу, Эстонию — в годы кризиса завершилось формирование системы диктаторских режимов. В рамках демократии удержалась лишь Чехословакия — за что вскоре и поплатилась: 30 сентября 1938 года образцово демократические Великобритания и Франция отдали её на откуп образцово диктаторской Германии.

Соединённые Государства Америки в любой момент могли пополнить число диктатур. Хувёр оказался вынужден вооружённой силой остановить марш ветеранов на столицу. Подобным же маршем на Рим ещё в

1922-м пришёл к власти известный социалистический журналист, создатель fascia di combattimento (связки борьбы) Бенито Амилькаре Андреа Алессандрович Муссолини.

Недаром в 1936-м, в рамках второй предвыборной кампании Рузвелта, Хэрри Синклёр Эдвинович Льюис выпустил антиутопический роман «У нас это невозможно», где описал становление классического фашизма в цитадели демократии. Прототип романного президента Бэзила Уиндрипа — губернатор Луизианы Хъю Пирс Хъю-Пирсович Лонг — годом ранее погиб при странных обстоятельствах, описанных в романе Робёрта Пенна Робёртовича Уоррена «Вся королевская рать» (там Лонг назван Вилли Старк). Но желающих использовать протестные настроения в качестве ступеней собственной карьерной лестницы хватает всегда и везде.

Рузвелту хватало причин сразу после прихода во власть провозгласить Новый Курс (точнее, Новую Сделку — New Deal). Он организовал общественные работы, крупные инфраструктурные проекты, субсидии немалой части фермеров и прочие сомнительные с общеэкономической точки зрения меры. Источники их финансирования тоже, мягко говоря, далеко не идеальны. Достаточно напомнить: в первые же дни правления Рузвелт девальвировал национальную валюту с 20 до 35 долларов за тройскую унцию золота, то есть почти вдвое. Правда, этот курс формально удержался более трёх с половиной десятилетий.

Все эти меры исполнительной власти не гарантировали скорейшего расцвета экономики. Недаром по миновании острейшей надобности почти все их отменили законодательная и судебная власти. Но остались результаты.

Сеть автомагистралей, заложенная Рузвелтом в порядке общественных работ, радикально преобразовала

всю структуру хозяйства страны, занимающей половину континента. Появились новые методы взаимодействия вполне рыночно хозяйствующих субъектов.

Комплексное освоение долины реки Теннесси, правда, не стало образцом внутри самих Соединённых Государств Америки. Но Союз Советских Социалистических Республик, в те годы строивший новые промышленные районы и переводивший сельское хозяйство на промышленные технологии, в полной мере учёл передовой заокеанский опыт.

Главный же результат — социальный взрыв великой державы оказался предотвращён. Крупнейшая экономика мира осталась лежать на чаше весов, противоположной диктатурам.

Словом, достигнутые результаты вполне стоили затрат, повлечённых отступлением от строгих канонов науки о свободном рынке.

Между производителем и потребителем

Диктатура посредников = диктатура посредственностей

Несколько слов о посредниках.

Российское правительство призывает крестьян самостоятельно торговать на городских рынках, дабы не зависеть от произвола перекупщиков. Но за базарными прилавками — в основном люди, даже по виду не причастные к труду на земле. Обычно в этом винят мафиозное объединение интересов спекулянтов и правоохранителей. Но причина чисто экономическая — а потому неодолимая.

Разделение труда повышает производительность. Потратит крестьянин время на поездки в город, на стояние за прилавком — вынужденно уделит меньше сил и внимания уходу за угодьями, за инструментами — произведёт куда меньше. Даже если сам выручит чуть больше, обществу в целом его самодеятельность куда менее выгодна, нежели выделение особой касты торговцев.

Один посредник может взаимодействовать сразу со многими производителями и потребителями. Управляемый им товарный поток куда больше, чем у каждого из его контрагентов. Даже если сам он за свои услуги возь-

мёт скромную долю общей цены, масса его прибыли вполне ощутима.

Спрос может быть слишком велик, чтобы его удовлетворил один изготовитель. Но торговец не нуждается в значительных производственных мощностях. Ему мало что мешает развернуть сеть на весь доступный рынок. Посреднику легче добиться монополии, чем производителю или потребителю.

Монополия же позволяет произвольно наращивать цену. Посредник способен разбогатеть быстрее любого из обслуживаемых им производителей.

Отправной точкой английского промышленного и финансового могущества считают огораживание — массовый захват общинных земель частными владельцами, сопровождаемый массовым разорением крестьян и принуждением их к работе в промышленности за бесценок. Но пройти от этой точки пришлось немало. Главными шагами стали два запрета. Сперва стало невозможно вывозить просто шерсть: пришлось развивать валяние войлоков и сукон, прядение, ткачество — то есть промышленность. Затем Навигационный акт почти исключил внешнюю торговлю на неанглийских судах. Привилегию обрели посредники между английской — уже стремительно развивавшейся — экономикой и остальным миром. Тогда и стала Британия править морями.

Её владычеству пытались в ту пору всерьёз противодействовать только Нидерланды, до того — ещё в составе Испанской империи — закрепившие за собой львиную долю морских грузоперевозок. Прочим державам куда важнее была стабильность грузопотоков, нежели адресат платы за фрахт.

На рубеже XIX–XX веков двое адмиралов — американский Алфред Тайёр Деннис-Хартович Мэхэн и британский Филип Хоуард Джордж-Томасович Коломб —

обобщили мировой опыт и создали теорию морского владычества. Держава, контролирующая мировой океан, в любом конфликте опирается на хозяйственную мощь всего мира. Ей не обязательно торговать — как во времена Кромвелла — самой. Достаточно охранять морские конвои. Её противник окажется вынужден дезорганизовать морские — самые дешёвые и объёмистые — перевозки, а потому восстановит против себя даже изрядную часть нейтралов. Вот сколь важны бывают посредники!

Посредники с незапамятных времён изучали вкусы клиентов. А то и формировали их, приучая европейских рыцарей к шелкам и пряностям, индийских раджей к шотландскому виски... В нынешнем информационном мире эта роль явно необходима. Но чем острее потребность, тем проще злоупотребить ею.

Не один живописец жаловался: маршан — торговец объектами искусства — не рекомендует ему экспериментировать, варьировать жанры и стили. Раз уж манера стала привычна покупателям — от добра добра не ищут. Стабильность продаж превыше свободы творчества. А хочешь что-то в себе изменить — прежде всего меняй маршана. Если, конечно, кто-нибудь из этого почтенного сословия захочет сотрудничать с возмутителем спокойствия.

Сходная обстановка и в других отраслях массового искусства. Музыкальные продюсеры, выстроив группы вроде На-На и ВИА ГРА, тасуют исполнителей по своему усмотрению — лишь бы общий контур (от фанерного звука до поющих стрингов) не менялся. Радио и телевидение отгораживается от всего творческого жёстким понятием «формат».

Понять финансистов и техников можно. Новому певцу бывают нужны десятки выступлений, чтобы прочувствовать аудиторию и приучить её к себе. А на отра-

ботку технологии большой передачи уходят иной раз многие годы. Нынче не только форматы ток-шоу, но и сюжеты сериалов у нас чаще покупают на Западе, где они уже обкатаны. А если что-то в покупке заточено под зарубежные реалии, проще подстроить вкус аудитории под шаблоны вроде закадрового хохота, нежели добиваться от зрителя естественной реакции.

Мало кто из посредников готов выискивать штучный товар, а потом под него искать столь же штучного потребителя. Ориентироваться на массовую — значит, стандартную — аудиторию не только проще, но и выгоднее: неизбежные накладные расходы раскладываются на большее число продаж.

Сейчас постепенно формируются технические средства (вроде поисковых систем в Интернете), позволяющие производителю и потребителю напрямую находить друг друга, выяснять возможности и потребности. Надеюсь, сложится новый рынок, где — как в древние времена искусных мастеров и тонких ценителей — источником богатства станет разнообразие.

Диктатура же посредников — это диктатура посредственности.

Синергетические ступени

Локальная эффективность против глобальной

Несколько слов о ступенях в потоке.

Русский, бельгийский, американский физик Илья Рувимович Пригожин получил в 1977 году Нобелевскую премию по химии за открытие синергетики — учения о самоорганизации неравновесных систем. Он показал: под воздействием материальных и энергетических потоков могут самоорганизовываться сложные структуры, существующие именно благодаря этим потокам. Более того, эти структуры тормозят поток, направленный на выравнивание неравновесия, и тем самым снижают скорость роста энтропии — беспорядка в системе. Если какая-то структура недостаточно тормозит беспорядок, она рано или поздно уступит место более эффективной.

Экономика — достаточно сложная часть природы, чтобы и к ней были приложимы многие положения синергетики. Даже равновесное хозяйство содержит не только объекты — производителей и потребителей. Главное — потоки товаров, услуг и соответствующих им денег между объектами. На этих потоках также спонтанно формируются структуры, приводимые потоками в действие.

В полном соответствии с синергетическими законами эти структуры постепенно размножаются. И в рыночной экономике, и в плановой прямые связи производителя с потребителем постепенно уступают место цепочкам посредников. Они берут на себя складирование товаров, их развозку по бесчисленным торговым точкам. А заодно изучают запросы и пожелания, собирают статистику эксплуатационного износа и случайных поломок, доводят всё это до сведения разработчиков. Развиваются и многие иные направления услуг, оказываемых посредниками. Причём каждое новое звено может совершенствоваться в каких-то узких специальностях, доводя свою эффективность до идеала. Благодаря всему этому растёт общая упорядоченность системы.

Увы, нет достоинств без недостатков. В частности, посредничество чревато появлением разрыва между возможностями и потребностями. Приведу пример из отечественной истории. Ещё в первом тысячелетии нашей эры русские кузнецы производили самозатачивающиеся ножи. К тонкой сердцевине из высокоуглеродистой твёрдой стали прикованы боковые обкладки из низкоуглеродистой мягкой. Обкладки стираются быстрее сердцевины, так что лезвие всегда остаётся заострено под правильным углом. Но по мере развития торговли высокотехнологичная — и потому сравнительно дорогая — конструкция уступила место на прилавках ножам из мягкой стали с прикованной твёрдой кромкой. Непрофессионал не разглядит разницы с прежним вариантом. Но заточку такой нож не держит — его надо то и дело подправлять. А когда узкая полоска высокоуглеродистой стали сотрётся, остаток можно вовсе выбросить. Пока покупатель мог пойти к кузнецу и предъявить явно дефектное изделие — мастера не рисковали своей репутацией. А с посредника что возьмёшь?

Принцип самозаточки забылся, и его переоткрыли заново уже в XX веке.

Впрочем, в рамках синергетики куда важнее другое обстоятельство. Структуры множатся, становятся всё мельче — и каждое дробление замедляет подпитывающий их поток. С точки зрения классической экономики это — несомненное благо: всё больше народу оказывается при деле, всё меньше безработных, всё стабильнее и спокойнее общество в целом. Но с точки зрения конечного результата производственных процессов налицо непроизводительная растрата сил и средств. Возможности общества определяются производством товаров и непосредственных услуг. Чем больше доля этих возможностей, достающаяся посредникам — тем меньше получают конечные потребители, тем меньше оплата труда первичных производителей. Рано или поздно издержки на содержание посредников превышают выигрыш от углубления разделения труда и точного удовлетворения потребностей. Даже рост занятости не помогает стабилизировать общество: ведь на каждого посредника тоже приходится всё меньший доход, да вдобавок многие начинают осознавать бессмысленность своей работы, что также порождает желание что-то изменить.

Избыток посредников особо нагляден на постсоветском пространстве. Едва ли не любой товар проходит через десятки промежуточных ступеней, накручивающих на первоначальную цену собственные издержки, так что конечная цена растёт в разы. Классическая легенда о передаваемом из рук в руки куске масла заканчивается моралью: вроде бы ничего не убыло, а у всех руки жирные. У нас она уже не работает: жирных рук столько, что убыль масла не просто видна невооружённым глазом, а зачастую превосходит то, что дойдёт до бутерброда.

Законы синергетики нужно знать и учитывать — но далеко не всегда надлежит полностью отдаваться на их волю. По этим законам самоорганизация структур, приводимых в действие хозяйственными потоками, зачастую тормозит сами потоки настолько, что угрожает параличом всей экономики. Рыночная автоматика оборачивается вялым течением по заводям, а то и тупикам. Можно пустить реку через тысячи крошечных запруд и мельничных колёс. Но соотношение общей производительности к суммарным затратам общества куда выше, если поток проходит через несколько мощных ГЭС. Да и судоходство по большим шлюзам проще, нежели по волокам через пороги. Когда есть возможность, надо строить большие структуры — и производственные, и посреднические.

Посредник — не всегда паразит

Общественно необходимые функции посредничества

Несколько слов о положительной роли посредников. Я уже касался темы посредников как помехи между производителями и потребителями. Посредники оттягивают на себя преизрядную часть доходов от производителей. Посредники в конечном счёте берут на себя контроль рынка в целом. Посредникам куда легче, чем производителям, обеспечить монополию со всеми её выгодами для них и невыгодами для всех прочих.

Но следует сказать и о другой стороне дела — о том, почему, собственно, посредники добиваются выдающихся результатов по части контроля рынка. Ведь рынок достаточно свободен, чтобы там всё время обнаруживалось место каким-то новым экономическим субъектам любого рода. Естественная конкуренция чаще всего должна мешать чьему бы то ни было полному контролю...

Очевидно, дело в том, что посредники решают какие-то задачи, непосильные другим субъектам рынка.

Я часто пользуюсь специализированными системами поиска товаров в Интернете. То есть для поиска товара конкретного назначения обращаюсь именно к посреднику. И он даёт мне информацию, какой в принци-

пе не может дать ни один из производителей товаров такого рода и даже ни один из торговцев ими. Компьютерный посредник открывает мне обзор практически всего рынка данных товаров. Создаёт удобную систему поиска интересующих меня товаров по важным для меня критериям. Собирает полный список магазинов, торгующих такими товарами, так что я могу подобрать товар не только по цене, но и по условиям доставки, по фирменным гарантиям, от этих магазинов и так далее.

То есть с точки зрения потребителя роль посредника прежде всего в том, чтобы каким-то образом структурировать рынок и дать потребителям удобный доступ ко всему спектру возможностей рынка.

Сходные же услуги посредник оказывает и производителям. Он может дать каждому производителю сведения о реальных потребностях.

Например, в большинстве поисковых систем ведётся разнообразная статистика обращений. Думаю, производителям эта статистика доступна на разумных условиях. Заглянув в неё, производители могут узнать, за товарами какого рода обращались чаще, какие именно характеристики чаще задаются в поисковых системах, а какие не так важны для тех, кто к ним обращается.

То есть потребитель благодаря посреднику узнаёт, что могут ему предложить производители, а производитель благодаря всё тому же посреднику узнаёт, чего в первую очередь хотят потребители. И таким образом можно наилучшим образом удовлетворить реальную потребность.

Заметьте: именно реальную. Сейчас в моде службы маркетинга — то есть работы с рынком. Но они, в сущности, не столько изучают потребности рынка, сколько искусственно создают их — навязывают потребителю представление о том, чего он якобы хочет. На самом деле эти представления исходят из удобства производите-

ля. А вот поисковые посредники дают сведения о реальных потребностях, существующих в данный момент.

Из рассмотрения поисковых систем видно: посредник такого рода действительно выполняет функцию, очень важную для рынка в целом, но заведомо непосильную ни одному производителю и ни одному потребителю — просто потому, что каждый из них сосредоточен на своих желаниях и возможностях.

И эта полезная функция посредника — далеко не единственная.

Например, сейчас всевозможные издательские, звукозаписывающие и киносъёмочные компании стали объектом жестокой критики за попытки бороться с новыми способами распространения информации. Критика во многом справедлива: корпоративные интересы породили столь нелепые законы, что каждый из нас может быть признан преступником за самое естественное поведение — вроде прослушивания на улице законно купленной мелодии.

Но не следует забывать: издатели, продюсеры в значительной мере берут на себя многие виды рисков, связанных с продвижением в аудиторию не только новых авторов и исполнителей, но и новых жанров. Риск тут действительно велик: в лучшем случае одна из сотни новинок находит действительно массовую аудиторию, так что выручка от её распространения должна окупить сотню попыток, неудачных и в коммерческом, и зачастую в творческом отношении. Такая страховка чаще всего не под силу каждому конкретному творцу и требует объединения усилий. А ведь творчество — дело индивидуальное, и для объединения нужны люди, погружённые в рутинную работу.

Сейчас появились новые виды посредничества между творцами и слушателями — например, системы выкладывания материалов в Интернете, их поиска, циф-

ровой оплаты. Они предоставляют и производителям, и потребителям больше удобств. Нынешние большие продюсерские компании скорее всего очень скоро уступят своё место на рынке этим новым системам. Но сама по себе функция согласования творческих порывов и вкусов аудитории никуда не денется. И всегда будут какие-нибудь способы организации их взаимодействия.

Посредник — не паразит. Посредник — это, так сказать, переходник между интерфейсами.

Потребностью в посредниках, как и любой потребностью, можно злоупотреблять. И некоторые посредники — вроде той же группы звукозаписывающих компаний — действительно злоупотребляют ею. Но самой нужды в посредниках это не отменяет. Может быть, и кто-нибудь из вас найдёт для себя какую-то возможность заняться этой необходимой — и поэтому выгодной — работой.

Взрыв по аутсорсингу

Соисполнителей надо контролировать

Несколько слов о необходимости надзора за соисполнителями.

Отдаёшь на сторону уже освоенную технологию — сохраняй за собой авторский надзор. Сторонние работники не могут знать всех нюансов, способных повлиять на процесс и результат. Поэтому могут строго блюсти совершенно несущественные мелочи — и в то же время из лучших побуждений менять что-нибудь принципиально важное.

В 1909 году Фриц Габер разработал метод синтеза аммиака из водорода и азота. В природе азотные соединения образуют только молнии при грозе да клубеньки с бактериями на корнях бобовых растений. До Габера вся остальная природа довольствовалась столь скудным азотным пайком. Теперь весь азот необъятной атмосферы стал доступен для усвоения — лишь бы хватало энергии на работу химзаводов. Первый завод открыла в 1913-м близ Оппау фирма BASF (Badische Anilin und Soda Fabrik).

Габер получил Нобелевскую премию. А ещё раньше его родная страна смогла четыре года воевать в экономической блокаде: и азотные удобрения, и азотная кислота — основа взрывчаток и порохов — ранее изготав-

ливались только из селитры, а основной её источник — залежи птичьего помёта на скальном берегу Чили — был отрезан от Германии могучим британским флотом.

После войны взрывчатки нужно немного. Аммиачные заводы переключились на выпуск аммиачной селитры: в ней содержание азота наивысшее из всех дешёвых солей — лучшего удобрения не найти. Крестьяне изголодавшейся Германии расхватывали всё произведённое.

Сельское хозяйство — сезонное. Удобрения надо внести в почву за считанные осенние дни. Расчётливый крестьянин и закупит их незадолго до внесения: цена в сезон выше — но не омертвлять же капитал на многие месяцы! Заводы год работают на склад — а потом за несколько недель распродают запас.

Селитры хорошо растворимы. Поэтому легко слёживаются. Мелкие кристаллы частично растворяются даже во влаге, впитанной из воздуха. При подсыхании выпадают микрокристаллики, связывая между собой то, что не успело раствориться. Образуется монолит. Селитру лучше сразу после изготовления фасовать в плотные мешки.

В Оппау дешевизны ради склад — выработанный глиняный карьер около завода — заполняли навалом, а на продажу слежавшееся удобрение дробили. Отбойным молотком много не наколешь — надо взрывать. А это рискованно. Аммиачная селитра — в отличие от всех прочих — способна взрываться и в чистом виде: кислород и водород, прикреплённые к разным атомам азота, соединяются напрямую.

Заводские технологи отработали методику. В шпуры — длинные тонкие сверления — закладывали картонные трубки с чёрным порохом — смесью угля, калиевой селитры и серы. Энергия, нужная для активации химических реакций, передаётся в нём горением — в

виде тепла, а не детонацией — ударной волной. Поэтому другие взрывчатки от него почти никогда не детонируют. Но давление выделяющихся газов достаточно, чтобы расколоть на куски приемлемого размера довольно обширный кусок селитряного монолита.

Взрывное хозяйство — склады пороха и фитилей, специальная охрана — достаточно громоздкое и накладное. Завод пригласил подрядчика — фирму, специализирующуюся на взрывных работах. Передали подробные — с немецкой скрупулёзностью расписанные — технологические карты. На первых порах контролировали подготовку каждого взрыва. Убедившись в точности соблюдения регламента, оставили подрядчика в покое. Пара десятков тысяч взрывов прошла без осложнений.

Увы, чёрный порох — взрывчатка не из дешёвых. И уж подавно далеко не самая мощная. На бурении шпуров и взрывах приходилось держать изрядный коллектив, и прибыль подрядчика оказалась куда меньше его надежд.

Подрядчик рассудил: отчего бы вместо безнадёжно устаревшего пороха не взять взрывчатку помощнее (да и подешевле)? Выбрал рекарок — смесь бертолетовой соли с бензином. Грозное название (wreck a rock — расколи скалу) она получила в 1885 году, когда 110 тонн бертолетовой соли с нитробензолом и пикриновой кислотой (и более 30 тонн динамита вокруг детонаторов) снесли подводные скалы Флед Рок, изрядно осложнявшие проход в нью-йоркскую гавань.

Пробные взрывы прошли идеально. Расходы меньше, объём дробления больше. Заводских технологов даже не известили об изменении.

Работа по новой методике поначалу шла благополучно. Но 21 сентября 1921 года в очередной взрыв оказалось вовлечено и содержимое склада.

В аммиачной селитре кислорода больше, чем нужно для реакции с её же водородом: в каждой молекуле — лишний атом. Поэтому взрывается она сравнительно слабо. Детонационная волна замедляется на неизбежных неоднородностях частично слежавшегося порошка, так что часть его, вероятно, вылетела из карьера, не успев прореагировать. Взрыв 12 тысяч тонн селитры оказался равен четырём-пяти тысячам тонн тротила.

В Оппау погибло всего полтысячи человек, да и значительную часть городских зданий удалось потом отремонтировать: карьер направил ударную волну в основном вверх. Но от первого в мире аммиачного завода остались в основном горькие воспоминания.

Крупнейший рукотворный неядерный взрыв случился потому, что руководство химзавода пренебрегло одним из ключевых правил аутсорсинга.

Дилемма узников

Взаимное доверие — основа эффективности общества

Это довольно старая проблема из теории игр. Поймали двоих подельников и допрашивают по отдельности. Признаешься — следователь из твоих слов поймёт, как найти вещественные доказательства твоей же вины. Но за сговорчивость ты получишь по минимуму — два года. А твой подельник, не успевший с тобой сговориться, — все десять. Если же оба промолчат — придётся обоих выпустить: ведь у следствия пока ничего, кроме подозрений, нет.

Понятно, в принципе оптимальная для обоих узников стратегия — молчать. Но каждый опасается, что другой не выдержит и заговорит в надежде на минимальный срок. И это опасение рано или поздно заставит одного из узников заговорить. В результате оба сядут на больший срок, чем если бы молчали.

Как видим, оба узника очень много теряют на недоверии друг другу. Если бы каждый был безоговорочно уверен, что второй его не сдаст, — оба вышли бы на волю. Да ещё и чистыми, без судимости.

Преступники зачастую называют себя деловыми людьми. Настоящая же деловая жизнь и подавно невозможна без доверия.

Даже при обычной оплате товара в магазине практически невозможно одновременно передать из рук в руки товар и деньги. Процесс распадается на этапы. Теоретически кассир может, получив Ваши деньги, на голубом глазу отрицать это. Однако на практике такие чудеса не случаются. С другой стороны, и продавец сперва даёт Вам товар для осмотра или примерки, и Вы с ним в принципе могли бы сбежать. В крупных магазинах принимают некоторые защитные меры вроде закладки радиодатчиков в одежду. Но эти датчики тоже уже научились обходить. Тем не менее торговцы во всём мире давно вычислили: убытки от нечестности покупателей куда меньше потерь от бесплодных попыток перекрыть любые мыслимые и немыслимые каналы кражи.

А уж серьёзный и долгосрочный бизнес вовсе немыслим без некоторой доли доверия контрагентов. Ведь надо перестраивать собственные бизнес-процессы в расчёте на взаимодействие с партнёром. Если взаимодействие нарушится, Вы немало потеряете на перестройках.

Чем больше доверие — тем глубже может быть разделение труда, тем разнообразнее и эффективнее может быть бизнес. Как известно, разделение труда неизменно повышает его производительность.

В первые постсоветские годы доверия в бизнесе практически ещё не было. Взаимодействовали только люди, хорошо знающие друг друга по прежним временам, а ещё лучше — связанные каким-то родством. На столь скромной основе сложную промышленную систему не выстроить. В этом — одна из множества причин тогдашнего обвала производства.

Постепенно — по мере накопления личного опыта контактов — стали создаваться цепочки доверия. А уже из них также постепенно прорастали цепочки взаимо-

действия. В последние предкризисные годы у нас выстраивались уже достаточно многоступенчатые и разветвлённые производственные структуры. Эффективность ещё не доросла до западного уровня, подкреплённого взаимодействием сотен и тысяч контрагентов, но двигалась в правильную сторону.

К сожалению, кризис — всегда утрата немалой доли доверия к партнёрам. Не потому, что Вы начинаете подозревать каждого знакомого в желании бежать с рынка. А потому, что каждый хозяйствующий субъект связан со множеством партнёров. Соответственно Ваш партнёр может что-то потерять от взаимодействия с другими, неведомыми Вам партнёрами. Соответственно Вы просто вынуждены доверять ему меньше, ибо его знаете, а его партнёров — нет.

Таким образом, кризис загоняет всех нас в положение тех самых узников из старой притчи. Мы вынуждены меньше доверять партнёрам. Соответственно перестраховываемся — ограничиваем возможности развития собственного бизнеса. Тем самым многое теряем — заметьте! — прежде всего не на уже реально возникших проблемах, а на их напряжённом ожидании.

Поэтому, в частности, я счёл очень разумными и полезными меры, принятые государством для поддержки реального бизнеса, его страховки от превратностей бизнеса чисто финансового. В самом деле, если Вы знаете, что Вашего партнёра в случае чего поддержат, не дадут ему рухнуть вслед за другими, менее удачливыми его партнёрами, то Вы и сами будете твёрже на него опираться и лучше развивать собственный бизнес в расчёте на эту надёжно подкреплённую опору.

Пока не знаю, сколь эффективны в техническом плане станут эти меры поддержки и подстраховки, ведь немалая их часть ещё вырабатывается. Я только уверен: именно они куда важнее, чем любая поддержка бизне-

са чисто финансового. Не зря президент признал поддержку финансового рынка ошибкой.

Надеюсь, наши власти впредь будут больше внимания уделять конкретной экономике, производящей реальные товары и услуги, а не отражению деятельности этой экономики в зеркале бирж.

Наши биржи, по счастью, тоже не успели нарастить финансовые пирамиды производных бумаг, сопоставимые с западными. Естественно, на их поддержку уйдёт меньше сил, чем на западные. Соответственно больше будет доля накопленных государством резервов, доступная для подстраховки реального бизнеса. Значит, сам реальный бизнес сможет в большей мере, чем на западе, доверять партнёрам. И соответственно развиваться будет устойчивее. При грамотной государственной политике мы можем не пасть жертвами дилеммы узника.

Кто заплатит за конкуренцию

От монополизма избавляются не бесплатно

Несколько слов о способах оплаты конкуренции. Наверное, каждый бизнесмен мечтает стать в своём деле монополистом. Мало кому охота действовать без оглядки на конкурентов, дышащих в затылок, да ещё и драть с клиентуры всё, что она в состоянии выложить.

Зато сама клиентура от этой перспективы не в восторге. Не зря уже более сотни лет — по меньшей мере со времён президента Теодора Рузвелта — активно применяются и постоянно совершенствуются антимонопольные законы.

Да и сами монополии сражаются с такими законами далеко не так активно, как могли бы по своим финансовым и организационным силам. Ведь в отсутствие конкуренции они не только жиреют, но и дрябнут — как зайцы в лесу, где все волки отстреляны.

Удачное стечение собственного искусства и внешних обстоятельств позволило легендарной Microsoft фактически монополизировать сперва рынок операционных систем для персональных компьютеров, затем офисных программ для них, наконец, интернет-браузеров. В каждом завоёванном сегменте фирма прекраща-

ла концептуальное развитие своих программ, зато щедро наполняла каждый новый выпуск эффектными (и поэтому привлекательными для непрофессионалов), но мало кем востребованными, возможностями. Только появление реальных бесплатных конкурентов — Linux, OpenOffice.org, Opera и Mozilla — заставило главу компании всерьёз озаботиться хотя бы безопасностью и надёжностью собственных изделий.

Конкуренция безжалостно выметает с рынка всё дорогое, ненадёжное, неуклюжее. Взгляните, что она создала на месте советской торговли. Есть даже надежда (хотя пока и слабая), что конкуренция сумеет наладить наше коммунальное хозяйство.

Потребители не только обретают лучшее, но и платят за него меньше. Даже расширение рынка благодаря падению цен далеко не всегда компенсирует само это падение. Мне изнутри известен случай, когда три фирмы, поделившие рынок одной из услуг, вместе собирают заметно меньше, чем раньше — будучи монополистом — получала одна из них.

Перед нами экономическое чудо. Мир становится лучше — а платят за него всё меньше. Не ясно ли, что от монополии надо избавляться любой ценой?

Увы, **любую** цену всегда платят из **чужого** кармана. Конкуренция — не исключение.

Изобилие конкурентов нужно, чтобы выбрать лучших. Значит, в любой момент есть и худшие. Иной раз настолько худшие, что потратить на них деньги — всё равно что выбросить на ветер. Если же конкурентов достаточно много, среди них могут затесаться мошенники, заведомо не намеренные добиваться соответствия своих товаров и услуг требуемой цене.

Выходит, конкуренцию — как и монополию — приходится оплачивать падением качества услуг (включая товары). Только при монополии платят все и понемно-

гу, а при конкуренции — немногие неудачники, зато полновесно.

От этой напасти не спасает казённое лицензирование. Оно в лучшем случае устанавливает необходимый минимум качества услуг. Но конкуренция быстро поднимает лучших участников рынка настолько выше минимума, что на него просто бессмысленно ориентироваться. Если же требуемый уровень задрать слишком высоко, государство установит искусственную монополию. Не говоря уж о методах обхода любых формальных лицензионных процедур.

Не помогает и создание саморегулирующихся общественных объединений. Как доказал ещё опыт средневековых ремесленных цехов, такие объединения довольно скоро перестают допускать в свои ряды новых членов, договариваются о ценовой политике и приближаются к монопольному статусу.

Тупики борьбы за качество (а заодно и за честность) подробно исследованы. Лучший из уже известных способов — страховка.

Страховаться от оказания ненадлежащих услуг могут сами производители. Например, добрая половина баснословных гонораров американских врачей уходит на страховку от исков неудачливых больных и их родственников. Да и ОСАГО можно считать защитой от ненадлежащего качества вождения.

Но куда эффективнее страховать потребителей. Нынешние страховые компании готовы брать на себя любые риски.

Правда, страховые ставки таковы, чтобы не только возмещать потенциальный убыток страховщика, но и обеспечивать достойную прибыль. Выходит, суммарные затраты потребителей даже возрастают?

Никоим образом. Ведь страховщики могут вчинить регрессный иск причинителю ущерба. Этим не только

покрывается немалая часть страховых выплат, что соответственно снижает тарифы. Куда важнее, что угроза таких исков не позволяет производителям забывать о качестве и надеяться на удачу.

Даже самая скромная страховая компания может привлечь адвокатов куда посерьёзнее, чем большинство её клиентов. О детективах на подряде у страховщиков и вовсе ходят легенды (ведь коммерческая выгода — обычно куда более мощный двигатель, чем надежда на выслугу лет). Страховщики на свободном рынке — санитары леса: вычищают и неудачников, и мошенников.

На страховом рынке тоже случаются и мошенники, и неудачники. Но страховка — как и прочие финансовые услуги — делима. Застраховаться можно у многих компаний сразу — и разделить риск. А сами страховые компании работают и санитарами собственного рынка. Ведь они обычно тоже делят риск — перестраховываются у коллег. И иски к коллегам предъявлять не стесняются.

Итак, за конкуренцию платим мы. Но лучше — через страховку.

Страховка защитой

Протекционизм стабилизирует внутренний рынок ценой замедления развития

Несколько слов о протекционизме.

Само это слово сейчас не в моде. Всемирная торговая организация — ВТО — всячески пытается запретить всем своим членам какие бы то ни было меры по защите — протекции — своего внутреннего рынка от конкурентов извне.

Правда, это у неё не всегда получается. Из повести «Скотный двор» Эрика Артура Блэра, более известного под псевдонимом Джордж Оруэлл, мы знаем: все животные равны, но некоторые равнее. Так вот те, которые равнее, благополучно закрывают свой рынок для тех, кто почему-то им неудобен, и в то же время настаивают, чтобы перед ними самими все двери открывались.

Но это — текущие политические нюансы. Они не отменяют главной мысли теоретических противников протекционизма. Ведь мысль эта довольно проста. Разделение труда повышает его эффективность. Чем глубже разделение, чем больше операций, на которые разбита та или иная производственная функция, тем выше производительность каждого этапа, и тем соответственно больше суммарная производительность труда

всех, кто в этом разделении участвует. В пределе, когда в разделении труда так или иначе задействовано всё человечество, достигается, очевидно, максимальная теоретически возможная производительность, что само по себе, конечно же, очень полезно.

Но, как известно, у каждого достоинства есть свои недостатки, и недостатки эти чаще всего — продолжения достоинств.

В частности, разделение труда повышает производительность не в последнюю очередь потому, что каждый его участник строго специализируется на конкретных операциях. Благодаря специализации он лучше осваивает то, что ему надлежит делать, обзаводится необходимым инструментарием.

Между тем мир не стоит на месте. Он развивается постоянно. Появляются новые улучшенные технологии производства уже существующих изделий, появляются новые изделия, появляются даже принципиально новые рода деятельности вообще. Чем уже специализация, тем сложнее перестраиваться, тем сложнее осваивать что-то новое. Поэтому те, кто слишком уж хорошо специализирован, при любых переменах оказывается не у дел.

Уж на что хорошо специализировались динозавры! Их были многие десятки тысяч видов, идеально приспособленных к жизни в тогдашних условиях, заполнивших любую экологическую нишу, использующих все мыслимые и немыслимые природные ресурсы. Но стоило условиям на земле как-то измениться — и где те динозавры, кроме палеонтологических музеев? А изменение было, судя по всему, небольшое. Скорее всего просто очень уж много пыли поднялось в воздух от упавшего крупного метеорита, и на какое-то время на земле чуть-чуть похолодало.

В мировой экономике едва ли не ежедневно происходят изменения несравненно радикальнее последст-

вий того метеорита. Соответственно тот, кто слишком углубился в свою специализацию, рано или поздно при каком-то очередном изменении окажется выброшен на обочину цивилизации. Например, многочисленные африканские фермеры, выращивавшие всякие экзотические фрукты, остались не у дел, когда выращивание этих же фруктов с большей эффективностью освоили в Израиле, где солнца тоже хватает, а воду научились использовать по технологии капельного орошения, так что местных скудных запасов хватает на щедрейшие урожаи, хотя Иордан мельче нашей Яузы.

Многочисленные нефтяники и газовики всего мира регулярно испытывают множество проблем при каждом колебании конъюнктуры сырьевого рынка. Причём они не могут даже сократить производство до уровня, соответствующего размаху этих колебаний. Так, в Саудовской Аравии практически вся энергетика работает на попутном газе, выходящем из скважин вместе с нефтью. Если слишком сократить нефтедобычу, начнут останавливаться электростанции.

Поэтому любая страна должна не только развивать те виды деятельности, которые уже освоены, уже идеально получаются. Приходится поддерживать и многие менее эффективные занятия.

Кое-что — для подстраховки. Та же Саудовская Аравия за бешеные деньги выращивает у себя пшеницу, ибо опасается: вдруг какие-то политические потрясения затруднят её продовольственное снабжение.

Кое-что — для тренировки. Так, развить авиационную промышленность с нуля в условиях свободной конкуренции невозможно. Но если потратить на её развитие некоторое время и соответствующие деньги, то вполне можно серьёзно потеснить уже признанных специалистов. Например, Бразилия заметно потеснила многие страны на рынке самолётов среднего размера.

Дмитрий Иванович Менделеев когда-то рассчитал оптимальную для России систему таможенных тарифов. Под её протекцией многие отрасли промышленности столь развились, что к Первой мировой войне мы оказались подготовлены куда лучше, чем десятилетием ранее к войне с Японией.

Протекционизм — одна из множества разновидностей страховки. Как на любую страховку, на протекционизм приходится тратить какие-то деньги. Никто не гарантирует, что эти деньги вернутся, ибо никто не гарантирует потрясений такого масштаба, что придётся вводить в действие страховку. Но обходиться вовсе без страховки, мягко говоря, неразумно.

Поэтому России вряд ли следует сейчас вступать в ВТО. Предстоящие экономические потрясения будут столь велики, что без той самой страховки, которую правила этой организации запрещают, нам не обойтись.

Осознанная необходимость

Свобода — маневрирование в пределах

Старинная революционная песня начинается словами:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе.
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Третья строка — по сути, цитата из трудов Маркса и Энгельса. Карл Генрихович и Фридрих Фридрихович не раз описывали коммунизм как переход из царства необходимости в царство свободы.

Правда, они же учили: свобода — осознанная необходимость. Когда точно знаешь рамки, в которых можно двигаться, то свободен выбирать любые варианты поведения внутри этих рамок. Если же ограничения пока не познаны, приходится либо перестраховываться, самоограничиваясь сверх необходимого, либо то и дело натыкаться на пределы, познавая их ценой синяков да шишек.

Это с незапамятных времён знают люди искусства. Они даже говорят: форма освобождает. Жёсткий структурный канон — вроде четырнадцати строк сонета или

трёх единств классицистской драматургии — не только позволяет помериться силами с коллегами, работающими в той же форме. Он ещё и высвобождает творческие силы для поиска содержания. А уж вложить его при должном уровне технического мастерства можно в любую избранную форму.

В науке связь свободы с необходимостью и того очевиднее. Пока люди не понимали земное тяготение — они могли сочинять красивые легенды о полёте Дедала и катастрофе его сына Икара, но даже не надеялись создать работоспособные летающие конструкции. Воздушный шар братьев Монгольфье — следствие осознания связи всемирного тяготения с законом Архимеда. Постижение законов Ньютона превратило ракеты из оружия в средство освоения ближнего космоса. Изучение же теории относительности Эйнштейна, переходящей в ньютонову физику при привычных нам условиях, рано или поздно — вместе с другими открытиями — позволит в разумные сроки добираться не только до границ нашей Солнечной системы, но и далеко за них (как далеко, предпочитаю пока не загадывать: слишком уж велик риск разбиться о какую-то ещё не познанную необходимость и не дотянуть до соответствующей свободы).

Каждый следующий шаг на пути научного познания открывает нам всё новые необходимости — а значит, и новые свободы. Как отмечал Эйнштейн, бог утончён, но не злонамерен: законы природы сложны, но неизменны, и по мере выявления существующих препятствий на пути к избранной нами цели природа не сможет создавать взамен новые. Единожды найденный нами путь к этой цели останется работоспособен навсегда — даже в том случае, если мы впоследствии откроем к ней же новые пути.

Маркс и Энгельс жили в эпоху бурных научных открытий. Привычную атмосферу торжества свободы пу-

тём познания необходимости они распространили и на общественные науки. Для них коммунизм — вовсе не общество полной вседозволенности, коим в ту пору грезили анархисты. Ныне о вседозволенности мечтают либертарианцы — я и сам склонен к этому экономическому течению — и либералы — я и сам высоко ценю это направление политики. Коммунизм — скорее система, где каждый в полной мере осознаёт обязанности, налагаемые на него самой необходимостью жизни в обществе и взаимодействия с другими его членами — а потому свободен в выборе форм исполнения своих обязанностей и способов получения удовольствия от самой деятельности.

Правда, основоположники изрядно недооценили глубину познания, необходимую для достижения такой свободы. Так, только в 1970-е математически доказано: составление — а тем более оптимизация — производственного плана для целого государства, где создаются десятки и сотни миллионов названий изделий и деталей, требует вычислительных ресурсов, заведомо недоступных человечеству в обозримом будущем. Следовательно, ещё многие поколения не смогут избавиться от стихии рынка — не располагая точными сведениями о ней, останутся не свободны от неё.

По многим подобным причинам общепринято мнение: желательно свести к минимуму внешнее ограничение свободы. Мол, раз уж всё равно все мы зависим от непредсказуемых обстоятельств, нужно предоставить каждому как можно больше свободы для их преодоления. Надо только избегать при этом явных конфликтов — по формуле равноправия: свобода Вашего кулака заканчивается там, где начинается мой нос.

Увы, современное общество столь тесно взаимосвязано, что носы с кулаками сталкиваются в самых неожиданных местах независимо от воли самих их облада-

телей. Так, источником нынешнего кризиса, уже сотрясающего всю реальную экономику, стали биржевые спекуляции с производными — то есть не завязанными напрямую на какие-то реальные товары и услуги, а зависящими только от биржевых же обстоятельств — ценными бумагами. Долгое время американские законы ограничивали работу с ценными бумагами вообще и производными в частности. В начале этого тысячелетия почти все ограничения отменены — под лозунгом свободы. И вскоре возникла новая необходимость — выкарабкиваться из-под обломков этой свободы.

Закономерности общественной жизни куда сложнее, чем представлялось ещё полтора века назад. Более того — они скорее всего куда сложнее, чем думаем мы сегодня. Соответственно нам предстоит ещё не один раз и не один год натыкаться на правила, установленные царством необходимости. А дорогу в царство свободы надо прокладывать не грудью, а головой.

Пирамида потребностей

В эпоху кризиса нельзя просто съёжиться

Несколько слов о распродажах.

Нынче они повсеместно изобилуют. Как-то, проезжая по Тверской, я увидел сообщение о распродаже буквально в каждой витрине. Причём, судя по всему, это не рекламные фокусы, какими ещё недавно грешили наши торговцы — повышали цену за две недели до праздника и через неделю возвращали к прежнему уровню, после чего сообщали о новой грандиозной предпраздничной распродаже. Сейчас цены снижаются всерьёз. Реально очень дёшево распродаются солидные коллекции почтенных фирм. Что поделаешь — кризис.

Когда глядишь на массированные распродажи, возникает естественный вопрос: что мешает всем участникам экономической деятельности вести себя таким вот кризисным образом — снизить цены, всё распродать, снизить зарплату сотрудников, и тем самым обеспечить дальнейшее вращение колёс экономического механизма, пусть на меньшем уровне, но всё так же бесперебойно?

Понятно, каждому обидно отдавать что-то по дешёвке, никто не хочет терпеть убытки. Но ведь когда кризис всё равно начался, убытки так или иначе в итоге неизбежны. Понятно, что убытки эти будут намного

больше в случае остановки экономики, чем в случае её работы в распродажном режиме, то есть по сниженным ценам при сниженных зарплатах. Казалось бы — вполне естественный выход из критического положения экономики в целом.

Но, как известно, всякая сложная проблема допускает множество простых, очевидных, легко исполнимых неверных решений. Вот и идея всеобщей распродажи, к сожалению, не сработает. Ибо существует пирамида потребностей.

Само это понятие ввёл американский социолог Абрахам Харолд Григорьевич Маслов. Смысл довольно прост: потребности неравнозначны, и заботиться о высших можно лишь после того, как удовлетворены низшие, первоочередные.

Если деньги набрались только на две недели отдыха в году, то Вы, скорее всего, не будете все эти четырнадцать дней метаться из конца в конец мира, а просто найдёте какой-нибудь не слишком дорогой пляж и будете на нём отлёживаться, набираясь сил на полсотни недель предстоящей работы.

Если удаётся наскрести всего на одну пару брюк в год, то Вы не будете думать, прилепили на них китайцы марку «Calvin Klein» или марку «Donna Karan, New York». Вы будете беспокоиться, прослужат брюки весь год или расползутся по швам на второй неделе.

Ну а если Вам хватает средств только на то, чтобы с голоду не помереть, то Вы вряд ли будете на последние гроши покупать новое бальное платье.

Королеве Марии Антуанетте Франц-Стефановне Хабсбург, жене Луи Луи-Фердинандовича Бурбона, казнённой французскими революционерами, традиционно приписывают фразу, сказанную за несколько десятилетий до её рождения какой-то французской принцессой: «У народа нет хлеба? Тогда почему же не едят

пирожные?» Эта фраза чётко иллюстрирует забвение принципа пирамиды потребностей: человек должен прежде всего удовлетворить потребности низшего уровня, и только тогда появляется возможность перейти на высший.

Если Вам хватает денег на десяток килограмм хлеба в день, то Вы ведь не будете есть этот десяток килограмм хлеба. Хлеба купите грамм двести, зато прикупите к нему сыра и колбасы, а поскольку скорее всего что-то останется, сможете ещё чем-нибудь себя побаловать. Когда растёт материальное благосостояние, люди постепенно поднимаются вверх по пирамиде потребностей — от выживания к самореализации.

Кстати, по этой же причине высокая духовность прямо противоположна бедности, а не является её синонимом, как нас издавна пытаются убеждать. Грубо говоря — человек, тратящий все силы на выживание, чаще всего просто не имеет дополнительных сил на то, чтобы проявлять тонкие душевные движения. Исключения возможны — но столь редки, что не меняют общего правила.

В кризис ресурсы значительной части людей сокращаются. Понятно, эти люди не ужимают все свои разнообразные потребности строго пропорционально, а спускаются по пирамиде потребностей вниз, вовсе отказываясь от заботы о некоторых не остро насущных нуждах. А это в свою очередь означает: бизнесы, ориентированные именно на удовлетворение высших потребностей, оказываются почти не востребованы. Нужда в соответствующих товарах и услугах не уменьшается пропорционально общему сокращению экономики — она вообще может упасть до нуля. Соответственно и все, кто был занят удовлетворением исчезающих потребностей, лишаются своих доходов. Значит, они падают к самому подножию своей собственной пирамиды

потребностей. И тем самым понижают пирамиду потребностей общества в целом.

То есть даже если все продавцы и производители попытаются пойти на пропорциональное сокращение цен, сбалансированного сжатия всех раздувшихся экономических пузырей не получится. Кризис — не просто сокращение объёмов. Это прежде всего качественное изменение всех пропорций.

С другой стороны, закон пирамиды сулит и некоторые перспективы. В самом деле, если какие-то потребности — пусть и простейшие — сокращаются меньше, появляется возможность переориентировать бизнес на их удовлетворение. Таким образом те, кто умеет быстро замечать новое и резко маневрировать, могут не только не потерять, но даже кое-что выгадать. Кризис, как известно, это всегда не только новые проблемы, но и новые возможности.

Внутренние резервы

Малый круг финансового кровообращения

Нынешний всемирный кризис — следствие американского неумеренного потребления. До поры до времени его финансировали кредитами. В результате американцы накопили такие долги, что при нынешнем темпе погашения возвращать их придётся ещё паре поколений. Таким должникам больше никто не верит — и приходится ограничивать аппетит. А ведь на американский рынок ориентируется добрая половина мирового экспорта. Значит, весь мир вынужден сокращать производство. И, следовательно, также потреблять меньше: ведь нормальные люди, в отличие от обитателей общества потребления, покупают на то, что уже заработали.

Но из каких источников систематически выдавались кредиты гражданам Сияющего Города на Холме?

Простейший ответ общеизвестен. Федеральная Резервная Система рисует всё новые эффектные числа на счетах входящих в неё банков, бюро гравировки и печати казначейства Соединённых Государств Америки печатает на чистохлопковой бумаге красивые рисунки — и весь мир отдаёт за художественные фантики всё необходимое щедрым американцам.

Увы, очевидная схема не стыкуется. Безудержная эмиссия валюты оборачивается столь же безудержной

инфляцией. Между тем курс доллара даже в худшие дни бушеномики падал куда медленнее, чем следовало бы из гипотезы о чисто эмиссионном источнике американского процветания. А в первые месяцы кризиса — вопреки многосотмиллиардному впрыску явно ничем не обеспеченных долларов — курс вообще изрядно вырос. Следовательно, изрыгаемые ФРС потоки лишь омывали мировую экономику, но затем неукоснительно вливались обратно в закрома звёздно-полосатой родины.

Чем пышнее расцветает экономика, тем заметнее в ней доля денег, естественным образом не находящих сиюминутного применения. Кое-что резервируется для подстраховки, кое-кто из деловых людей просто не видит в данный момент подходящих путей дальнейшей экспансии.

Временный излишек надо вложить надёжно и по возможности выгодно. А порою и средства, уже используемые в деле, хочется перевести на более эффективные рельсы. Тут и набегают услужливые американские финансисты — кто с хитроумными схемами отчётности вроде печально знаменитой Enron, кто с банальными пирамидами вроде многослойных производных бумаг, кто просто с гордыми дипломами Magister of Business Administration, якобы гарантирующими наилучшее возможное применение чужих денег...

Применение нашлось прекрасное. Хвалёное американское потребление оплачивается из кармана самих производителей. Им остаются щедрые обещания грядущих баснословных доходов от чудодейственных талантов американских инвесторов. А их же собственные реальные деньги бегают по кругу: выручка от продажи — американские ценные бумаги — кредиты и прочие пособия американским покупателям — выручка от продажи...

В конце концов несостоятельность американских обещаний стала очевидна даже рядовым американцам — не говоря уж о серьёзном бизнесе. Сейчас из-за границы притекают в основном деньги самих же американцев, вложенные в реальную — а потому надёжную — экономику, но репатриируемые под откровенными угрозами вроде террористического налёта на Мумбай. На долгосрочное поддержание спроса их не хватит. Промышленность мира обвалится?

Вряд ли. Не одни американцы нуждаются в одежде, транспорте, компьютерах. Европейский Союз уже давно поставляет за океан ту же продукцию, что расходится и среди его собственных граждан. Нынче спрос на неё сокращается. Но западноевропейский рынок сопоставим с американским, так что перестройка экономики ЕС скорее всего пройдёт не в катастрофическом режиме.

Куда сложнее Бразилии, Индии, Китаю. Там значительная часть населения вовсе не вовлечена в классический цикл экономики, живёт натуральным хозяйством. Соответственно трудно переориентировать на эту консервативную массу производство, развивающееся в последние годы на американские деньги, а потому рассчитанное в основном на динамичные американские нужды. Но мастерство, накопленное многолетней работой на заморского дядю, позволяет справляться и с задачами посложнее. Деньги же, нужные на реорганизацию, найти поначалу легко: надо кредитовать не привычных покупателей, а собственных сограждан. Как только спрос обретает платёжеспособность, он тянет за собою предложение. Главное — успеть: как только тот же Китай прекратит массированные закупки американских ГКО — доллар посыплется так быстро, что изрядную часть китайских валютных запасов не удастся использовать для дальнейшей раскрутки внутреннего рынка.

Экономисты объединяют Россию с этими странами в группу БРИК. Но наш народ далеко не так жёстко разделён. Да и промышленность ещё в советские времена формировалась в основном под внутренние нужды, а на экспорт ориентируется разве что оборонка. Зато и кредитное стимулирование внутреннего спроса уже используется столь активно, что проблемы нашего потребительского рынка едва ли не острее американских. Главная из них: часть наших потребностей, покрываемая импортом, значимее, чем в Америке.

Но нам ещё не поздно использовать тот же приём, что пригодится прочим членам БРИК. Стабилизационного фонда хватит на отсрочки по изрядной части уже выданных потребительских кредитов и даже на предоставление новых. Правда, без множества давно назревших реформ двигатель внутриэкономического сгорания не заработает. Но и без него, похоже, не обойтись.

Закон Саймона

Сырьё всегда дешевле труда

В докладе «Пределы роста», подготовленном под руководством Дерека Медоуза по заказу сообщества видных учёных и политиков — Римского клуба, впервые сформулирована идея ограниченности наших возможностей. Но общеизвестной и общепризнанной в широчайших массах она стала вследствие активной и эффектной агитации поборников охраны окружающей среды. Их вождь — профессор экологии Стэнфордского университета Пол Эрлих — оказался не только неплохим биологом, но и блистательным пропагандистом.

Но против прославленного агитатора выступил мало кому известный профессор экономики Мэрилендского университета Джулиан Саймон. Он заявил: по мере исчерпания ресурса его цена растёт — значит, задолго до этого исчерпания наука и инженерия найдут способ заменить его чем-нибудь подоступнее и поэтому подешевле. А чтобы доказательство было нагляднее, Саймон предложил пари: цена любого сырья в ближайшие десять лет упадёт.

Эрлих принял вызов. Условия пари были для него крайне выгодны: если за десять лет подорожает хотя бы один из пяти выбранных лично им видов сырья — он победит.

Эрлих выбрал пять металлов — редких и совершенно необходимых. Вольфрам — основа жаростойких сплавов, необходимых энергетике, и керамики для металлообрабатывающих инструментов. Медь — протянутые по миру провода: линии связи, электропередачи, электродвигатели... Никель и хром — нержавеющие стали, защитные покрытия. Олово — защита консервных банок и медной посуды. Всё это отрасли необходимые и быстроразвивающиеся. По мере их роста цена сырья обязана вырасти!

А через десять лет Пол Эрлих вынужден был публично заплатить Джулиану Саймону за проигранное пари. И никто из экологистов более не рискует этот вызов принять. Подвёл их технический прогресс.

В момент заключения пари цены всех выбранных Эрлихом металлов росли. Поэтому инженеры нашли способы обойтись без дорогого сырья.

Режущий инструмент теперь состоит в основном не из карбида вольфрама, а из корунда: окись алюминия составляет чуть ли не десятую долю земной коры, входит в любую глину, её запасов хватит миру на миллионы лет. По этой же причине алюминий потеснил медь из проводов. В системах связи медь сменило стекловолокно (сырьё — обычный песок). Слой олова на консервных банках стал тоньше в десятки раз — защиту их ныне обеспечивают прежде всего синтетические лаки. Усовершенствованы способы нанесения хромовых и никелевых покрытий: они стали плотнее — значит, можно их делать тоньше. Да и сплавы выработаны новые, с меньшей долей вольфрама, никеля, хрома.

Самих этих металлов на Земле не стало больше (разве что никелевые месторождения нашлись новые). Но потребляют их куда меньше. Цена соответственно упала. Не помогла Эрлиху даже инфляция. Как раз в десятилетие знаменитого пари она была весьма ощутима.

Но выбранные им металлы подешевели намного заметнее бумажных денег.

Экспорт невозобновляемого сырья кажется привлекательным именно в расчёте на его подорожание по мере исчерпания. Но ещё ни разу расчёт не оправдался. А судя по работам Саймона, не оправдается и впредь.

Социальная программа кандидата в президенты Чили Сальвадора Альенде Госсенса была феерически щедра в расчёте на подорожание меди: у Чили — чуть ли не крупнейшие в мире запасы. Но медь начала дешеветь вскоре после выборов. Социалиста во дворце ла Монеда подпирали слева коммунисты из правящей коалиции. Он не рискнул отменить щедрые посулы. И за три года довёл страну до такого разорения, что даже дисциплинированный генерал Аугусто Пиночет Угарте не выдержал и 11 сентября 1973 года возглавил первый за добрую сотню лет мятеж чилийской армии — иначе андскую республику разорвала бы в клочья гражданская война.

Кое-кто считает: энергоносителей закон Саймона не касается. Мол, энергию ничем не заменишь. А будешь жечь уголь вместо нефти — борьба с золой и копотью съест весь выигрыш в цене.

Но уголь — не всегда копоть. Подземная газификация извлекает из угольного пласта не более двух третей заключённой в нём химической энергии. Зато на выходе — газ, по чистоте не уступающий нынешнему природному (и для химического синтеза удобнее).

Бывший неудачливый разведчик Владимир Богданович Резун заявил, что в 1941 году Советский Союз собирался парализовать германскую армию захватом румынских нефтепромыслов. На самом деле эти промыслы обеспечивали работу только флота: остальная техника Германии питалась бензином, синтезированным из угля.

Есть и другие источники жидкого топлива. Одних битуминозных сланцев хватит на тысячелетия.

А уж нехимические энергоресурсы и подавно грандиозны.

Правда, проект международного исследовательского термоядерного реактора — ИТЭР — был заморожен ещё при Клинтоне из-за дороговизны. Но эксперты сразу предсказали: как только нефть дойдёт до полусотни долларов за баррель, ИТЭР разморозят. Прогноз оправдался: шестьдесят бушевских долларов, при которых переговоры по ИТЭР возобновились, в тот момент равнялись пятидесяти клинтоновским.

Экономия энергии — тоже часть закона Саймона: проще не тратить ресурс, чем искать ему замену.

Словом, не полагайтесь на сырьевые доходы: человеческий разум преодолеет любые пределы роста.

Болезнь Саудовской Аравии

Ограничение экономических взаимоотношений

Несколько слов об экономических инструментах межгосударственной борьбы.

Государственное ограничение экономических взаимоотношений либеральные экономисты зовут болезнью Саудовской Аравии. Между тем это едва ли не самая распространённая в веках и странах форма политического давления.

Известный журналист (и довольно удачливый политик) Владимир Ильич Ульянов справедливо учил: политика — концентрированное выражение экономики. Но само концентрирование порождает, как положено по законам диалектики, переход количества в качество. У политики рождаются собственные интересы, далеко не во всём сводимые к экономике.

Естественно, амбиции надлежит соизмерять с возможностями.

Наполеон Карлович Бонапарт пытался разорить Великобританию, запретив континентальной Европе торговать с нею. Британцам это не слишком мешало — владычица морей находила покупателей и на других континентах. А для продажи европейцам товар называли американским. Британцы даже создали за свой

деньги несколько заводов за океаном и при необходимости ставили на своих изделиях их клейма. Европа же всячески изворачивалась, чтобы обойти невыгодную ей блокаду. Несчастный для Наполеона восточный поход — начало конца его величия — задуман всего лишь как средство заставить Россию — вопреки интересам её собственных экспортёров — блюсти запрет на торговлю с Великобританией.

Безуспешна была и экономическая блокада Кубы Соединёнными Государствами Америки. Главный в ту пору геополитический конкурент СГА — СССР — готов был покупать кубинский сахар даже в убыток себе, лишь бы завести базу поблизости от вражеского континента.

Но у любого оружия случаются неудачи. Они не умаляют его значения.

На 6 октября 1973 года выпал по иудейскому лунно-солнечному календарю Судный день. Десять дней после новогодия бог подводит итоги людских дел и в судный день выносит каждому приговор на следующий год. По канону в этот день надлежит поститься и молиться, дабы приговор не был слишком суров.

Даже из армии распускают верующих по домам — на молитвы. В укреплениях вдоль Суэцкого канала и на Голанских высотах остались **единичные** патрули из приверженцев других религий. Поэтому египетские и сирийские войска без особого труда прорвались на крошечную израильскую территорию.

Но малый размер — не только недостаток. Солдаты вернулись на фронт чуть ли не за день. Ещё через пару дней мобилизовались резервисты. А через неделю, остановив и окружив прорвавшихся, Армия Обороны Израиля перешла в контрнаступление, неизбежно победное с учётом арабских политических (и вытекающих отсюда военных) традиций.

Тогда арабские страны, экспортирующие нефть, прекратили поставку «до тех пор, пока Израиль не вернётся на исходные рубежи». К СССР, традиционно поддерживавшему арабов (потому что у них в ООН два десятка голосов, а у Израиля один), вынужденно присоединился весь западный мир. Израилю пришлось повернуть свои танковые колонны в сорока километрах от Каира и Дамаска и к 24 октября действительно вернуться в укрепления.

Политической цели — спасения от разгрома — арабы добились. Но за пару недель нефть подорожала на порядок. Арабы почувствовали вкус шальных денег. И договорились с прочими экспортёрами — ограничивать торговлю и впредь, чтобы удерживать высокую цену. Политический манёвр принёс очевидную экономическую выгоду.

Экономика всё-таки первична. Через несколько лет по закону Саймона нефть вновь — невзирая на все сговоры экспортёров — стала дешеветь. Даже новый мощный политический ход — многолетняя война Ирака с Ираном — лишь немного оттянул обвал рынка.

Саудовская Аравия сыграла на понижение по классическому принципу «что не можешь уничтожить — возглавь». Резко нарастив экспорт, она обвалила рынок в одночасье.

Для неё это было не слишком болезненно: издержки нефтедобычи на юге Аравийского полуострова низшие в мире. Зато конкуренты, чьи производственные расходы не в пример выше, изрядно пострадали.

Особый удар пришёлся по СССР. К тому времени Союз, также привыкший безудержно тратить шальные нефтяные деньги, втянулся в войну, веками бушующую между бесчисленными племенами, кланами и группировками в Афганистане. Как только поток нефтедолларов иссяк, турбина советской военной машины заглохла. А заодно и прочая экономика посыпалась.

Сырьевой дубинкой били не только арабы. СГА в 1941 году организовали нефтяную (и по многим другим видам сырья) блокаду Японии в тот момент, когда её экономика уже полностью перестроилась на военный лад. Если бы Япония отказалась от военных планов, она бы разорилась при обратной перестройке. Вступив же в войну, она лишилась возможности дальнейшего расширения военного производства. СГА понесли изрядные потери в начальной фазе войны. Но когда японские силы первого удара исчерпались, исход решило экономическое превосходство СГА — в том числе и в части доступа к сырью.

Жаль, что у России сейчас нет внешнеполитических рычагов эффективнее нефтегазового. Но его использование — не преступление (и уж подавно не болезнь), а общепринятая норма.

Нидерландская болезнь

Слишком хорошо — тоже плохо

Мы обычно называем Голландией целое государство. Но это лишь одна из семи Соединённых Провинций, создавших — после долгой освободительной войны с Испанской империей — республику (а впоследствии королевство) Nieder Landen — низкие земли.

Такое название — символ многовековой борьбы с природой. Более половины страны лежит заметно ниже уровня моря. Ряды исполинских плотин, отделяющих осушённые земли от водной стихии, прорываются штормами довольно редко (в последний раз — уже добрых полвека назад). Но просачивание сквозь мельчайшие поры — как в самих плотинах, так и в грунте, на который они насыпаны — остановить невозможно. Воду откачивают многие тысячи ветряков — благо недостатка в ветре, непрерывно дующем с моря, страна отродясь не испытывала. Бесчисленные крылья, вертящиеся на равнинах до самого горизонта — не просто милая экзотика, а свидетельство неудержимого упорства и редкостного трудолюбия нидерландцев.

Соседство с непрестанной опасностью не располагает к фантазиям. Поэтому нидерландцы — народ здравомыслящий.

Казалось бы, столь работящим и рассудительным людям никакие экономические хвори не страшны. Но именно Нидерланды не раз являли миру клинически чистые образцы хозяйственных болезней.

Одна из самых ранних — безудержное пьянство. Нидерланды исповедовали весьма строгую версию протестантизма. Эта строгость способствовала войне за независимость от испанских католиков. Но любая монополия опасна. Став единственной законной, конфессия на добрый век покончила с развлечениями. Едва ли не единственным способом отдыха, не противоречащим канону, оказалось пьянство. Русским купцам XIX века закон отводил на запои три недели в году. Нидерландский закон XVII века либеральнее: он признавал недействительной любую подпись под официальным (в том числе и финансовым) документом, поставленную после 15 часов — к этому времени любой благочестивый нидерландский негоциант был столь пьян, что легко подмахнул бы даже собственный смертный приговор.

Одна из первых коммерческих пирамид — также нидерландское достижение.

В XVII веке с Ближнего Востока привезли новый цветок, похожий на пышный головной убор тюрбан. Спрос подхлестнул цену экзотической новинки. Разнообразие генофонда тюльпана и лёгкость его мутаций открыли громадный простор селекционерам. Каждое новое достижение ввиду редкости ценилось неимоверно. В скором времени едва ли не каждый свободный гульден вкладывался в луковицы новых редких сортов тюльпана, ибо буквально на следующий день рост цен позволял выручить уже два-три гульдена.

Пирамида растёт, пока вне её остаются люди, готовые подложить под неё свои деньги в надежде на выигрыш. Тогда этого ещё не знали. Пирамида охватила все Нидерланды — и рухнула. Лёгкие доходы вкладывались

в различные необязательные траты, свободных денег не оказалось ни у кого в стране: разорены оказались практически все. Экономика королевства восстанавливалась несколько десятилетий.

Нынче нидерландской болезнью зовут последствия лёгкой добычи дорогого сырья. В самих Нидерландах это случилось вскоре после Войны Судного дня в октябре 1973 года, когда арабские страны установили эмбарго на экспорт нефти в Европу и тем самым подняли цену нефти во многие десятки раз. До того многие месторождения — вроде континентального шельфа в Северном море или болот Самотлор в Тюменской области — не использовались ввиду катастрофической сложности и дороговизны добычи. Теперь они в одночасье стали рентабельны. Рачительные нидерландцы, естественно, тут же развернули добычу нефти у своих берегов.

Нефтедобыча стала многократно рентабельнее любого иного производства в стране. Соответственно все доходы от нефти — и иные свободные средства — вкладывались только в нефтедобычу. Прочие же потребности стало выгоднее покрывать импортом, нежели собственным производством.

Импорту способствовал рост курса местной валюты. Ведь за ней стояли теперь не только товары, произведённые на скромной территории Нидерландов, но и грандиозные нефтяные потоки. За каждый гульден стало возможно приобрести куда больше, чем прежде.

Зато экспорт из Нидерландов стал невыгоден. Марка, франк или песета, вырученные от продажи товаров местного производства, оборачивались меньшим, чем прежде, числом гульденов. Это дополнительно сокращало желание развивать собственное производство.

Без производства раскрутилась инфляция. Как ни прирастал курс гульдена — число гульденов внутри страны, вырученных за нефть, росло ещё быстрее. А об-

щий объём потребления физически не мог расти с той же скоростью. Соответственно и цены росли.

Через несколько лет вся экономика Нидерландов перестроилась на сырьевой лад. Кроме нефтедобычи, развивалась разве что сфера услуг — не повезёшь же квартиру к подметальщикам в Испанию! Промышленное производство, включая высокотехнологичное сельское хозяйство, почти заглохло.

А ещё через несколько лет — по экономическому закону Саймона — нефтяной рынок рухнул. Нидерланды вновь — как после тюльпанной лихорадки — на годы остались без свободных средств и жизнеспособных производств.

Аргентинская болезнь

Структурные перекосы — не единственное несчастье экономики

Несколько слов о крайностях, возможных в любой экономической теории.

Я сам склонен к либерализму в экономике. Многие мои единомышленники не раз критиковали Аргентину за попытки исправить структурные перекосы с помощью государственной промышленной политики. Даже называли их аргентинской болезнью. Но такое вмешательство — далеко не единственная (и по мнению большинства специалистов, даже не главная) из множества болезней, связанных в сознании современных экономистов с заокеанской страной, ещё полтора века назад претендовавшей на первое место в мировом хозяйстве.

Самый известный аргентинский кризис — на рубеже тысячелетий — разразился внезапно. Ещё вчера страну ставили нам в пример, заслушивались лекциями тамошних руководителей экономических ведомств, прочили творцов аргентинского экономического чуда в главные консультанты последефолтной России... И вот уже на улицах Буэнос-Айреса толпы граждан, разгневанных утратой работы и сбережений, громят отделения банков и роскошные магазины, жгут автомобили, перекрывают улицы, свергают министров и президентов.

Тогдашние СМИ редко называли причину бунта вслух, поскольку любому из расхожих политических убеждений противоречил какой-нибудь компонент этой причины.

Аргентина строго соблюдала рекомендации Международного Валютного Фонда. Этот — крупнейший в мире — кредитор предоставляет займы на довольно стандартных условиях: приватизация как можно большей части экономики, сокращение налогов, отказ от любых форм вмешательства государства в хозяйственную деятельность.

Условия в целом разумные. Частный владелец, впрямую заинтересованный в больших долгосрочных доходах, при прочих равных условиях добивается большей эффективности предприятия, чем чиновник, чьи доходы и устойчивость служебного положения зависят от чего угодно, только не от результатов собственной работы. По той же причине получатель дохода распорядится им в среднем разумнее, нежели чиновник, изымающий часть дохода в виде налога. А уж вмешательство чиновника в работу частного предприятия и вовсе оборачивается, как правило, такой катастрофической некомпетентностью, что дешевле откупиться (и это в свою очередь порождает коррупцию).

Но МВФовские условия, хотя и необходимы для развития экономики, но далеко не достаточны. В частности, не гарантируют, что страна отыщет доходное место в международном разделении труда. И в любом случае выгода от них наступает далеко не сразу — «а кушать хочется всегда».

МВФовские кредиты призваны покрыть неизбежные государственные расходы на тот период, пока экономика, освобождённая от чуткого казённого руководства, придёт в себя и заработает. Увы, по одному из законов Паркинсона «расходы растут с доходами».

Любой демократический лидер, получив в своё распоряжение дополнительные деньги, не удержится от соблазна истратить какую-то их долю на подкормку собственных избирателей — чтобы они, увидев быстрый рост своего благосостояния, поддержали его политику.

Аргентинский уровень социальных расходов был в несколько раз выше латиноамериканского среднего. Это не слишком много: континент в целом небогат. Но достаточно, чтобы рядовые аргентинцы были благодарны своим демократически избранным вождям — и чтобы кредиты таяли куда быстрее, чем рассчитывали эксперты МВФ, согласуя условия их выдачи.

Экономика же росла именно тем темпом, какой предсказали МВФовцы. Для покрытия кредитов уже не хватало регулярных доходов. Приходилось занимать уже не только у МВФ, но и у коммерческих банков. До поры до времени те давали охотно — в расчёте как раз на благоприятные МВФовские прогнозы. Но в конце концов кредиторы разобрались в обстановке — и отказали в новых займах. Кредитная пирамида Аргентины рухнула — с очевидными последствиями.

Экономические взаимосвязи бывают очень неочевидны. У нас аргентинский бунт зовут свидетельством пагубности следования рекомендациям МВФ. На самом же деле он лишь доказал: исполнять только часть сложного комплекса взаимосвязанных мер куда опаснее, нежели действовать по всем правилам. И даже хуже, чем вовсе ничего не делать.

Российские экономические руководители об этом всегда хорошо знали. Так, многие меры, которые они сами сочли необходимыми для реанимации нашего хозяйства, были по их настоянию вписаны в условия предоставления МВФовских кредитов. Если какой-нибудь политик пытался безграмотным вмешательством нарушить ход оздоровления страны, его популизм пресека-

ли уже не собственными рассуждениями наших экономистов, а ссылками на волю МВФ.

Но не всякое вмешательство — безграмотное. Уж если рынок сам приводит к структурному перекосу — исправить дело без внерыночных мер невозможно. Надо либо ждать изменения самой конъюнктуры рынка, либо управлять.

Неумелый врач может и уморить больного. А жадный врач того и гляди искусственно затянет болезнь, чтобы подольше сохранить доступ к кошельку пациента. Но все эти перекосы не отменяют главного: к сожалению, случается, что без врачебной помощи не обойтись. И такая помощь — вовсе не самостоятельная болезнь. Это признак куда более сложного расстройства. И если бороться с врачами — расстройство только усилится. Бороться надо с теми неполадками, что заставили обратиться к лекарям экономики.

Венесуэльская болезнь

Национализация опасна не для всех

Несколько слов об опасностях и выгодах национализации.

Сейчас политику массовой национализации частной собственности зовут венесуэльской болезнью. Но случалась она много раз и во многих странах. В образцово капиталистической Великобритании лейбористы, придя к власти сразу после Второй мировой войны, национализировали целые отрасли. Возможно, потому, что при послевоенном разорении не видели иного способа поддержать их существование.

Многократные национализации позволили всесторонне изучить их практически неизбежные последствия. Сдержать их удаётся, разве что если государственное предприятие реально конкурирует с частными (как Renault во Франции). Если же национализирована монополия, катастрофа неминуема.

Предприятие, щедро подпитанное казёнными — то есть для его менеджеров даровыми — деньгами, сперва расширяется и процветает. Но сравнительно скоро качество работы ухудшается. Ведь оценивают его теперь не столько потребители (своим трудовым рублём или фунтом), сколько чиновники разных рангов. А их дохо-

ды если от чего и зависят, то уж точно не от работы подведомственных заведений.

Затем падает и количество. Его оценить проще, чем качество. Так ведь и найти уважительные причины сокращения объёмов производства несложно. Тем более что главная из этих причин объективна. Потребители стараются заменить некачественные товары и услуги чем-нибудь более приемлемым.

Наконец, казённая продукция дорожает: количество упало, а сократить число рабочих мест или зарплату работников не согласится ни демократически избранный чиновник (ему нужны голоса и на следующих выборах), ни тем паче диктатор (он не имеет внятных способов изучать общественное мнение — и опасается незримых течений).

Есть и другие — помимо подъёма цены — способы поживиться из казённого котла. В казённой нефтяной компании ЮКОС едва ли не каждый её администратор, начиная с уровня мастера, имел персональную скважину — доход из неё капал прямо в его кошелёк. Как только частные хозяева покончили с этой формой хищений, прибыль компании выросла в несколько раз.

ЮКОС являл и другие примеры эффективности частного управления. Так, там внедрили новую компьютерную систему управления всеми скважинами и насосами. Даже создали самостоятельную компанию СибИнТек для разработки управляющих программ. СибИнТек решил поставленные ЮКОСом задачи — и ушёл на вольные хлеба. Несколько сот молодых сибиряков, изучив за нефтяные деньги искусство программирования, теперь зарабатывают благополучие собственными силами.

Ходорковского ругали за организацию аукциона по ЮКОСу: он не допустил конкурентов к торгам и отдал государству примерно 300 миллионов долларов. Чест-

ный аукцион принёс бы, по экспертным оценкам, раза в три больше. Но когда государство решило изъять основу могущества олигарха, слишком увлёкшегося политикой (и на мой взгляд, далеко не безупречного в ней), акции ЮКОСа стоили десятки миллиардов. Правда, к тому времени нефть подорожала чуть ли не впятеро. Значит, чистая прибыль — за вычетом издержек на добычу и транспортировку — выросла раз в десять. Но по меньшей мере три «крата» роста цены компании — следствие не выгодных внешних обстоятельств, а несомненной эффективности приватизации.

О ЮКОСе я говорю так подробно потому, что компания — один из очень немногих в нынешней России примеров национализации. Правда, ещё Сибнефть выкупили — хотя и по реальной цене. Но её как раз приватизировали неэффективно. Первый покупатель — Березовский — превосходный изобретатель схем ведения дел, но далеко не лучший организатор. Главный же способ его деятельности — приватизация менеджмента, то есть подкуп руководителей компаний, ему не принадлежащих — и вовсе годен только для работы с казёнными корпорациями (так, в правлении Общественного Российского Телевидения все представители государства дружно голосовали под диктовку Березовского). Не удивительно, что Абрамович — не столь изощрённый политик, но хороший управленец — выкупил Сибнефть у Березовского куда дешевле, чем продал государству.

Других сколько-нибудь серьёзных случаев национализации в новейшей российской истории не заметно. Правда, массовое вмешательство чиновников в хозяйственную жизнь иной раз называют квазинационализацией.

Формы вмешательства разнообразны — и зачастую разно*без*образны. Мелочная регламентация того, что

должен регулировать — изменением спроса, — сам рынок. Нелепые и каждодневно усложняющиеся налоговые и таможенные правила. Принуждение к оплате властных затей — от посадки газонов до городских праздников — под лозунгом социальной ответственности бизнеса (хотя именно бизнес даёт властям налоги, в том числе и на все их затеи). Наконец, прямые поборы и взятки.

Но чиновный произвол — ни в коей мере не национализация. Инициатива здесь исходит не от государства как целого. И интересы государства — пусть и превратно понятые — ни в коей мере не защищаются. Ибо нельзя путать интересы государства с интересами отдельных его чиновников. Так же как интересы страны — с интересами государства.

Словом, национализации у нас пока далеко не так много, чтобы считать её болезнью. Ведь и доля сырья, добычей которого не слишком сложно распоряжаться, в нашем доходе явно меньше, чем в венесуэльском.

Шадриковое хозяйство

Планомерное истребление отечественной экономики

Отец великого теоретика и организатора кораблестроения, одного из основателей прикладной математики, Алексея Николаевича Крылова работал какое-то время управляющим в имениях помещиков Родионовых. Академик вспоминает: «У Родионовых было в Вятской губернии десять тысяч десятин векового вязового леса. Вязы были в два и в три обхвата, но никакого сплава не было, поэтому в лесу велось шадриковое хозяйство, теперь совершенно забытое. Это хозяйство состояло в том, что вековой вяз рубился, от него обрубали ветки и тонкие сучья, складывали в большой костёр и сжигали, получалась маленькая кучка золы; эта зола и называлась шадрик и продавалась в то время в Нижнем на ярмарке по два рубля за пуд; ствол же оставлялся гнить в лесу. После этого не удивительно, что от вековых вязовых лесов Вятской губернии и воспоминаний не осталось. В каком ином государстве, кроме помещичье-крепостной России, могло существовать подобное хозяйство?»

Риторический — во время написания мемуаров — вопрос академика теперь вновь актуален. Россия ещё не вполне крепостная. Но уже в заметной мере капита-

листическая. И относится к своим нынешним ресурсам примерно так же, как помещики Родионовы к вековым лесам.

Всё ещё не забыт закон о государственном предприятии, проведенный Николаем Ивановичем Рыжковым в бытность его председателем совета министров СССР. Бывший директор Уралмаша — завода заводов — хорошо помнил, как сковывали его инициативу предписания высшего начальства, и предоставил коллегам права, не ограничиваемые никем и ничем. Едва ли не каждый завод в считанные месяцы оброс десятками дочерних и партнёрских кооперативов. К ним продукция уходила по заниженным ценам, чтобы прибыль от последующей продажи осталась за пределами заводской кассы. Порою перепродавалось и сырьё (под лозунгом «от нашего труда оно только подешевеет»), оставляя предприятие вовсе без работы, зато избавляя директора от забот о поддержании многосложной трудовой жизни.

Массированная чубайсовская приватизация объяснена именно желанием прекратить ползучую рыжковскую. Но обернулась очередной волной хищничества. Уже не только сырьё и продукция, но и само производственное оборудование распродавалось по цене металлолома, а то и впрямь шло в лом. Сейчас то и дело сносятся производственные здания, уступая место жилью, офисам или даже автостоянкам. Громадный капитал, накопленный усилиями нескольких поколений, сожжён на шадрик.

Не одна Россия прославилась самоубийством экономики. В прибалтийских республиках и Галичине (восточном склоне Карпат, где коренные жители искренне считают именно себя украинцами) уничтожено практически всё созданное в имперское и советское время и хоть как-то связанное с промышленным про-

изводством. Здания, иной раз готовые дожить чуть ли не до четвёртого тысячелетия, в лучшем случае превращены в склады транзитного импорта: при нынешнем развале экономики без него не обойтись ни в одном постсоветском уголке. Сходная картина и в странах, перешедших из Совета Экономической Взаимопомощи в Европейский Союз.

Среди предприятий, скупленных на шадрик, немало высокотехнологичных. Закрытие такого завода парализует многие десятки смежников. Новая ракета «Булава» через раз летает, по выражению ракетчиков, «за бугор», ибо изрядную часть комплектующих для неё делают в новых местах, где все тонкости приходится осваивать с нуля. Поневоле усомнишься в классическом совете: не искать злой умысел в том, что объясняется обычной глупостью.

Настало время строить новый лес заводов и институтов. На него тут же нашлись новые шадрикожоги — с законодательным инструментом. Каждое слово о необходимости сокращения регламентации хозяйственной активности сопровождается делом — рождением десятков новых ограничений. Зачастую противоречащих не только здравому смыслу, но и друг другу. Ради получения чиновником откупного рубля хозяйствующие субъекты теряют от кривых инструкций — по разным оценкам — десятки и даже сотни рублей. Вполне шадриковый коэффициент полезного действия!

Многие считают: выйти из шадрикового тупика можно только назад — в сторону социализма. Но шалости вроде благосклонного принятия подношений ревизором, зародившиеся ещё задолго до гоголевской пьесы, в советское время никуда не исчезли.

Вряд ли спасёт и дальнейшее развитие капитализма в России. В лучшем случае борьба вокруг разрушительных законов сместится с уровня их применения на уро-

вень их принятия. Например, американская система лоббирования — институционализированной коррупции — уже позволила принять такие шадрикодельные нормы, как печально известный закон о копировании в цифровую эпоху, фактически выбивающий из-под ног новых творцов опору, созданную предшествующими поколениями, только ради того, чтобы в дальнем зарубежье, куда выведены рабочие места, не наштамповали слишком много продукции по американским рецептам, сбивая тем самым её цены.

Шадриковое хозяйство, по словам Крылова, возникло лишь вследствие отсутствия сплава — системы прямой связи производителей с потребителями. Нужно и нам строить качественно новую систему хозяйствования. Тогда варварское разрушение ради грошовой выгоды вернётся в разряд преступлений.

Санитары леса

Спекулянты способны стабилизировать экономику

Несколько слов о спекуляции.

Те из вас, кто — как и я — достаточно долго пожил в советское время, привыкли воспринимать это слово как оскорбительное. По советскому законодательству спекуляция считалась преступлением и каралась надо сказать, довольно сурово. Как покушение на основы советского образа жизни в целом и советского управления экономикой в частности.

Но изначальное значение слова вовсе не столь уж страшное. Спекуляция по латыни — высматривание. Спекулянтами называли тех, кто пытался выводить какие-то закономерности не из прямых экспериментов, а из спекуляций, то есть из теоретического рассмотрения различных альтернатив. Когда научные методы усовершенствовались и развились, слово закрепилось за теми, кто пытался из аналогичного рассмотрения делать экономические выводы.

В практической экономике, в отличие от науки, эксперименты довольно затруднительны. Поэтому спекуляция тут неизбежна и необходима. Спекулянт, рассмотрев какую-то существующую тенденцию на рынке, может сделать из неё далеко идущие выводы и действо-

вать в соответствии с этими выводами. Если его выводы окажутся верны, он заработает, ну а если нет, так сам виноват — надо было думать лучше.

Естественно, по поводу одного и того же явления разные спекуляции могут приводить к разным выводам. Соответственно бо́льшую часть спекулятивных сделок разные спекулянты совершают друг с другом. Таким образом то, что проигрывает один, выигрывает другой.

Чистая спекуляция — как говорит теория игр, «игра с нулевой суммой» То есть в ней нет ни суммарного выигрыша, ни суммарного проигрыша. Но когда спекуляция налагается на реальную экономику, возможен и выигрыш, и проигрыш. Поскольку реальная экономика — это как раз игра с ненулевой суммой.

На этом, кстати, строились все рассуждения Маркса. Понятие «прибавочного продукта», лежащее в основе всей его теории, по сути дела сводится к тому, что человек способен сделать больше, чем съесть. Поэтому, если люди действуют разумно, в экономике в целом постоянно нарастает число благ. Но с другой стороны, оно может и падать, если люди действуют неразумно и съедают больше, чем производят. Маркс полагал даже, что рабочим выгодно выкупить у капиталистов всё производство, управлять им централизованно, отдавать капиталистам то же, что те получали раньше, а самим получить выигрыш именно благодаря централизации управления.

Он, к сожалению, неправ. Как показали в 1970-х годах советские математики Глушков и Канторович, централизованное управление достаточно сложной экономикой приводит не к выигрышу, а к проигрышу. Но в те времена, когда работал Маркс, экономика была ещё так проста, что такая операция действительно могла дать некоторый выигрыш.

Что же происходит, когда в экономику с ненулевой суммой включается спекуляция? Производитель может заключать сделки не непосредственно с потребителем, а через спекулянтов, делающих предположения о грядущих колебаниях спроса и предложения. При грамотном порядке заключения сделок спекулянты берут на себя бóльшую часть рисков, связанных с этими будущими колебаниями. Значит, и производитель может работать увереннее, и потребитель может в меньшей степени опасаться скачков цены. Таким образом стабилизируется экономика в целом. Естественно, это делается не бесплатно. Спекулянты за свой риск получают какие-то вознаграждения. То есть в среднем часть дохода, который в ином случае весь достался бы производителю, переходит спекулянту. Но переходит не в силу его жульнических намерений, а как разумная и в целом справедливая плата за страховку.

Собственно, страховые компании тоже в какой-то мере занимаются спекуляцией. Просто у них не отдельные сделки, а очень большой объём сделок разного рода. Настолько большой, что риск, усреднённый по всем этим сделкам, невелик. Но когда речь идёт о сделках, почему-либо не укладывающихся в этот массив, приходится прибегать не только к страховщикам, но и к спекулянтам, работающим на риске отдельных сделок.

Почему же спекулянтов так не любили в советское время? Не только потому, что в условиях плановой экономики весь риск брали на себя планирующие органы, но и потому, что в условиях плановой экономики риска меньше. Грубо говоря, если по плану задумано сделать меньше хорошей обуви, чем её нужно людям, то этот план останется неизменным. Превышение спроса над предложением сохранится надолго. Соответственно долго можно будет заключать сделки в расчёте на это превышение.

В сочетании с плановой экономикой спекуляция оказывается не рискованной. Поэтому даёт постоянную прибыль. Но прибыль эта представляет собой плату уже не за риск, а за неизбежные ошибки планирующих органов. Спекуляция в конечном счёте изрядно способствовала стабилизации потребительского рынка социалистических стран и заметно отдалила кризис социализма. То есть в какой-то мере тоже сыграла страховую роль. Но всё-таки в советское время эта роль была не главной.

Так же как не главная она в наши дни, когда спекулянты долгое время паразитировали на ошибках капиталистических плановых органов, на неограниченном вбрасывании денег на рынок. То есть не делали главного, чего ждёт общество, ради чего их терпит — не стабилизировали экономику.

Дал нам пример Бонапарт

Старые шаблоны — источник новых проблем

Несколько слов об устарелых шаблонах.

В 1797 году, когда Юзеф Выбицки сочинял гордое «Ещё Польша не погибла», оптимистично выглядели строки:

Da nam przykad Bonaparte,
Jak zwyciężać mamy.

Дословно:

Дал нам пример Бонапарте,
Как побеждать должны.

Как раз в том году молодой корсиканец захватил Италию и уже считался величайшим военачальником революционной Франции. С его позволения польский генерал Ян Генрик Домбровски формировал в Италии польские легионы для освобождения своей страны, тремя годами ранее полностью поделённой между Австрией, Пруссией и Россией.

Легионам, чей гимн писал Выбицки, не судилось дойти до родных земель. Бонапарт использовал поля-

ков для усмирения волнений итальянцев. После мирного договора, утратив надежду на возрождение Великой Польши «от моря до моря» (то есть от Чёрного до Балтийского!), они возроптали. Их отправили подавлять негритянский мятеж на острове Гаити. Оттуда вернулся лишь каждый двадцатый. Но из польских эмигрантов набралось новое войско и поучаствовало в изъятии запада Польши у Пруссии. На отбитых землях прошёл набор воинов для сражений уже с Россией — где и закатилась счастливая звезда императора Наполеона.

Домбровски внакладе не остался. Россия дала полякам куда больше прав, чем своим коренным регионам. Царство Польское обрело конституцию (в самой России её вовсе не было), стало управляться своей администрацией, сохранило привычный злотый, только главой государства стал русский император Александр I (в Варшаве его представлял брат Константин в качестве наместника). Поляки, служившие Франции, смогли попасть на российскую службу в сходных чинах. Домбровски стал польским сенатором и генералом от кавалерии.

Прочие польские дворяне тоже не пострадали. Так, мелкопоместный шляхтич Тадеуш Бенедиктович Булгарин стал известным русским писателем — и не стеснялся остро конфликтовать с куда более родовитым Пушкиным.

Но царская приязнь не помешала гордой шляхте восстать против России. В 1831 году — в разгар бунта — мазурка Домбровского стала национальным гимном. А через 95 лет объявлена гимном государственным. По сей день поляков призывают брать пример с полководца, противопоставившего себя всему миру и, естественно, утратившего всё. Судя по некоторым примечательным деятелям, призыв иной раз находит отклик в сердцах.

Так, Игнацы Мосьцицки, Юзеф Бек и Эдвард Рыдз-Смиглы перед Второй мировой войной поссорили страну со всеми соседями.

Древние рецепты бытуют не в одной политике. Изобилие советов по выходу из начавшегося кризиса исходит из опыта прошлых потрясений. А ведь мир переживает спад очередной длинной волны Кондратьева. Все кризисы предыдущих трёх десятилетий пришлись на её подъём и потому проходили во многом самостоятельно: централизованному управлению надо было только не мешать общей повышательной тенденции. Теперь же необходимо противодействовать не только обстоятельствам, породившим текущие неурядицы, но и глобальному многолетнему тяготению хозяйства вспять.

На почве прошлых кризисов возникли деривативы — платные права сделок с другими ценными бумагами, полезный инструмент страхования некоторых инвестиционных рисков. Увы, как отметил ещё Теофраст Бомбаст Ауреол фон Хохенхайм (он же Парацельс), только доза делает лекарство ядом и яд лекарством. Наращивание всё новых слоёв производных сделок в конце концов оторвало деривативы — и их цены! — от производственного базиса.

Возможность же кредитования под залог любых — в том числе и производных — ценных бумаг создала новый механизм генерации необеспеченных денег. Вред инфляции установлен ещё во времена потока золота и серебра из Южной Америки, утопившего хозяйство величайшей в ту пору Испанской империи. Ныне эмиссионные органы официально считают главной своей задачей стабилизацию валют. Но с кредитованием под деривативы они доселе не сталкивались. А потому не выработали новых приёмов стабилизации финансов.

При таком механизме кризиса классический метод Джона Мэйнарда Кейнса — впрыскивание в экономи-

ку всё новых денег — может лишь утяжелить ход экономической болезни. Хотя бы потому, что на каждый цент субсидий тут же нарастёт доллар новых бумаг, производных от сделок с этим центом.

Вовсе заблокировать биржи нельзя. Как показал лауреат Нобелевской премии по экономике Фридрих Август фон Хайек, принципиально невозможен более эффективный носитель экономической информации, нежели деньги (и представляющие их ценные бумаги), обращающиеся на свободном рынке.

Придётся заморозить рынок деривативов — зафиксировать состояние всех сделок по ним и отсрочить платежи до конца кризиса. Новые сделки пока допустимы только по бумагам, чья цена напрямую зависит от реальных товаров и услуг, но не от других бумаг. Так сохранятся ориентиры для выбора оптимального направления дальнейшей деятельности производителями и потребителями этих товаров и услуг, но в то же время экономика в целом избавится от безудержного потока производных денег, ныне размывшего все управляющие плотины и затворы — от макроэкономической стратегии до локальной тактики.

Технология непростая. Вырабатывать её придётся почти с нуля. Но это куда полезнее следования старым примерам — хоть Кейнса, хоть Бонапарта.

Суслов против Косыгина

Советский союз погубила дорогая нефть

Несколько слов о том, как погибает великая сырьевая держава.

Глубинные причины невозможности централизованного управления экономикой целого государства установлены только в 1970-е годы (я кратко описал их в 1996 году в статье «Коммунизм и компьютер»). Но интуитивно её ощутили, как только СССР, выкарабкавшись из послевоенной разрухи, добрался до уровня сложности, в полной мере проявляющего эти причины.

В 1950 году по инициативе Джугашвили открылась дискуссия об экономических проблемах социализма. В других тогдашних научных спорах выступление самого генсека закрывало тему. Так, после статьи «Марксизм и вопросы языкознания» единственной обсуждаемой темой в соответствующей дискуссии осталась гениальность вождя. Экономические же его труды прочие спорщики восприняли всего лишь как очередное мнение опытного практика, подлежащее дальнейшему теоретическому разбору.

Органы внутренней охраны не дремали. Двоих участников дискуссии арестовали и осудили. Но — по тем временам — баснословно легко: всего на пять лет лагеря общего режима, с правом условно-досрочного осво-

бождения, без поражения в правах. В пересчёте на реалии брежневской эпохи — нечто вроде выговора без занесения в личное дело.

Джугашвили при всех своих несомненных недостатках и сомнительных достоинствах был марксистом — исходил из первичности экономики в решении любых общественных задач. Очевидно, он понял: серьёзный, без политических заклинаний, экономический анализ накопившихся проблем — единственный шанс найти подходы к их решению.

В конце концов учёные пришли к выводу: необходимо — осторожно, плавно, под контролем центра — возродить рыночную экономику. План возрождения, достаточно полный и подробный для практической работы, составил в 1963 году харьковский профессор Либерман.

План советских экономистов стал исполнять Косыгин, в октябре 1964-го сменивший Хрущёва на посту председателя совета министров. На двух последовательных пленумах ЦК КПСС в 1965 году он продавил постановления о введении элементов рынка в промышленности — в марте и сельском хозяйстве — в сентябре.

Оценка производства по прибыли, материальное стимулирование, право оптовой торговли, прочие естественные экономические меры сработали. Восьмая — косыгинская — пятилетка стала единственной за всю историю СССР, выполненной по всем основным показателям.

Увы, Косыгин унаследовал всего одну из двух хрущёвских должностей. Партию возглавил Брежнев. Правда, на XXIV съезде КПСС доклад председателя совета министров — впервые с ленинских времён — был больше доклада генерального секретаря. Но высшая власть всё же принадлежала партии, а не сформированному ею правительству.

Коммунистические идеолУХи во главе с секретарём ЦК по идеологии Сусловым были против любых реформ. Их поддержали возрождённые после ухода Хрущёва отраслевые министерства. Особо бурным стало давление после легендарной Пражской весны 1968-го: вот, мол, к чему приводят послабления — к попытке строить социализм с человеческим лицом!

В конце 1973 года вследствие Войны Судного дня катастрофически подорожала нефть. Открытое в 1960-х Самотлорское месторождение — в непролазных болотах на севере Сибири — внезапно превратилось из гиблого места, нерентабельного для промышленного освоения, в золотое дно.

Пока невозможность централизованного управления была очевидна, Брежнев вынужденно поддерживал Косыгина. Теперь же дырки в экономике легко затыкались пачками нефтедолларов. И высшая партийная власть повернулась к хозяйственникам спиной.

Очередные постановления ЦК (и совета министров, подчинённого партийной дисциплине) последовательно отменяли все достижения предыдущих лет. Материальные стимулы превратились в обязательные подачки, зависящие от чего угодно, только не от результатов собственной работы. Государство верстало планы независимо от реальных возможностей предприятий. Робкие попытки свободной оптовой торговли вновь сменились централизованным распределением едва ли не каждой гайки.

Рецепт Либермана вполне осуществил только Дэн Сяопин — ему удалось пережить своих Сусловых. Не зря его зовут отцом китайского чуда.

СССР же до поры до времени не замечал собственного застоя. Нефть покрывала затраты на импорт пристойно сшитых костюмов и нормально работающих станков. Разве что особо сложную технику нам не про-

давали — холодная война не прекращалась. Зато в рамках той же холодной войны мы щедро снабжали оружием потенциальных союзников по всему миру.

Увы, по закону Саймона нефть подешевела уже в начале 1980-х. Пришлось возвращаться к реформе. Горбачёв до конца 1986 года не сказал ничего, чего не было бы в докладе Косыгина в 1970-м. Но времени уже не было. Действовать пришлось в пожарном порядке — и стройный рецепт Либермана сменился хаотическими рывками, приведшими к обвалу. Та самая нефть, которая могла смягчить тяготы перехода к рынку, стала проклятием страны.

Институты против смуты

Из наследия вождя реформ

Несколько слов о вреде всякой смуты.

В последнем прижизненном труде «Смуты и институты» признанный вождь отечественных экономических реформаторов Егор Тимурович Гайдар на множестве примеров из всемирной и отечественной истории доказывает печальную мысль: разрушить организационные структуры, обеспечивающие успешное взаимодействие множества людей в едином обществе, можно за считанные дни, а то и часы; построение же новых структур, без которых общество не способно существовать, неизменно отнимает долгие годы.

Даже если новое неизмеримо эффективнее старого, громадные хозяйственные потери на переходе влекут множество смертей от голода. Да и отсутствие организованного противодействия преступлениям поднимает их волну.

Немалая часть преступлений оказывается вынужденной. Егор Тимурович исследовал, как в 1918 году нарождающейся власти пришлось обеспечивать в первую очередь государственно важные структуры — вроде вооружённых сил — ради скорейшего восстановления самой возможности взаимодействия всех слоёв общества на всей территории страны. Это заставило объявить

преступлением мешочничество — поездки на село с грузом, посильным для переноски на себе, ради натурального обмена с крестьянами. Миллионы горожан оказались вынуждены нарушать закон ради продолжения собственного существования. С точки зрения власти их деяния немногим лучше уличного грабежа и карались практически так же. Жестокости тут не было (хотя ожесточение, порождённое уже идущими конфликтами, несомненно, присутствовало с обеих сторон). Было трезвое — хотя и циничное вследствие свежеусвоенного материализма — осознание властью печальной формулы: «Что может быть ценнее человеческой жизни? Две человеческих жизни».

Удивительно схожи в разных землях и эпохах и судьбы зачинателей смуты. Те, кто надеется извлечь из крушения существующих организованных структур личную выгоду, редко доживают до становления условий, позволяющих хотя бы внятно сформулировать, в чём эта выгода может заключаться. В лучшем случае эмигрируют, как большинство политиков, в феврале 1917-го уговоривших Николая Второго Александровича Романова отречься от престола. А чаще — сочиняют извращённые судебные технологии взаимоистребления, как герои Великой французской революции.

Сильные мира сего опираются не столько на собственные мышцы и нервы, сколько на обширную паутину общественных взаимосвязей. Смута рвёт всю ткань общества со всеми паутинами, сплетёнными из её нитей. Всякий надеющийся, как и прежде, ловить зазевавшихся мух, да ещё и ожидающий, что в обвальной неразберихе они будут летать вслепую и чаще попадаться, рискует оказаться вовсе без опоры. Сплести же новую паутину — дело далеко не секундное: далеко не каждый успеет вновь прочно приклеиться к обществу.

После нескольких перетасовок наверху оказываются те, кто не только готов свалить вину за все неполадки на предыдущее поколение управленцев, но и искренне верует в их вину. Кто сам готов пользоваться служебным положением и склонен полагать, что так поступают все. Кто верует в некие политические доктрины. Кто объясняет злым умыслом даже последствия обычной глупости.

И это также неизбежно. В атомизированном обществе, где даже жизненно важные взаимосвязи утрачены, срабатывают только простейшие — одноходовые — решения. А что может быть проще, нежели бросить очередных козлов отпущения на пики изголодавшейся парижской толпы или штыки кронштадских матросов, озверевших от бездельного ожидания грядущих сражений!

Альтернативных проектов устройства общества всегда немало. Все их сторонники одновременно желают осуществить свои идеи на пустом месте, свежеобразованном после краха существующих управленческих структур. Столкновения — вплоть до гражданской войны — неизбежны.

Да и сторонники восстановления разрушенной системы никуда не исчезают. Как справедливо отметил Гайдар, распад занимает считанные дни. Ведь все звенья управления взаимосвязаны и взаимоподдерживаются. Устранение верхушки обрушивает всю пирамиду столь внезапно, что велик соблазн списать провал на заговор или случайную ошибку — и попытаться всё исправить силой.

Последствия любой смуты почти не зависят от исходного повода к массовому признанию нелегитимности существующей системы государственного управления. Они всецело определяются самим фактом разрушения этой системы и принципиальной невозможностью быс-

трого формирования и мгновенного признания легитимности новой системы того же назначения.

Всякий, кто отрицает право существующей власти на само её существование, кто призывает к немедленному её уничтожению, кто повторяет формулу Эжена Потье «Весь мир насилья мы разрушим до основанья», открывает путь насилию, голоду, неравенству несравненно худшему, нежели то, что тщится отменить. Сколь ни преступна власть, её низвергатели куда преступнее. Даже если их намерения столь же чисты и благородны, как у Мирабо с Робеспьером или Родзянко с Шульгиным, не говоря уж о Касьянове с Каспаровым. Вот неоспоримые выводы из исторических фактов, отобранных Егором Тимуровичем, и убедительного анализа, проведенного им в последние месяцы трагически оборвавшейся жизни. Будем достойны завещания великого реформатора.

Самотермидорианец

Революционная пауза

Несколько слов о самоубийстве революций.

Революция всегда заходит заметно дальше тех позиций, кои в состоянии удержать. Чем больше накоплено предреволюционных противоречий, чем яростнее революционный порыв, чем радужнее надежды общества, чем больше охваченных этими надеждами людей и слоёв, тем глубже откат, тем болезненнее он переживается, тем больше требует жертв.

Непосредственно в процессе революции ещё не ясно, какая часть общества готова к преобразованиям — и к каким. Вдобавок достоинства намечаемых изменений чаще всего неплохо проработаны теоретиками, а неизбежные побочные эффекты в полной мере выясняются лишь экспериментально — по мере того, как общество, проломившее старую стену, бьётся лбом о новые. Поэтому какие-то позиции — завоёванные, казалось бы, навсегда, — приходится сдавать. Иной раз даже ценой жизни тех, кто эти завоевания обеспечил.

Хрестоматийнейший пример послереволюционного отката дала Великая французская революция. 27 июля 1794 года был арестован Максимилиан-Франсуа-Мари-Исидор Бартелеми-Франсуа-Максимиллианович де Робеспьер, успевший заслужить прозвище Непод-

купный и репутацию безжалостного палача, вместе со своими ближайшими сподвижниками по Большому Террору. На следующий день их казнили. Прочие пламенные революционеры в считанные дни перековались в столь же пламенных казнокрадов. Уже через пять лет страну возглавил генерал Наполеон Бонапарт, а ещё через пять он провозгласил себя императором. Словом, жизнь стала настолько спокойной, насколько это вообще возможно во время общеевропейской войны.

По новому календарю, введённому революцией, день переворота выпал на 9 термидора. С тех пор откат из-за невозможности удержать революционные завоевания называют термидором, а его организаторов — термидорианцами.

Профессиональный революционер Владимир Ильич Ульянов прекрасно знал этот закон. И не раз говорил соратникам: нам надо самотермидоризоваться, иначе на смену придут термидорианцы без мысли о революции.

В 1921 году он — вопреки воле изрядной части своей партии — ввёл Новую Экономическую Политику. Во внутрипартийных дискуссиях она определялась как средство удовлетворения мелкобуржуазных инстинктов основной массы тогдашнего населения — крестьян. Но более подкованным единомышленникам Ульянов представлял НЭП ещё и как тот самый самотермидор, который уже давно теоретически указан им как средство предотвращения массовой и окончательной контрреволюции.

НЭП обладала и собственными внутренними противоречиями. В конце концов — уже после смерти Ульянова — большевики сочли более целесообразным возврат к марксовым идеям централизованного управления экономикой. Но сама возможность этого движения (по их представлениям — вперёд) создана прежде всего ульяновским частичным отступлением.

Олицетворением нового революционного периода нашей истории долго был Борис Николаевич Ельцин. Оценки его деятельности весьма противоречивы

Такова судьба едва ли не любого реформатора. Скажем, преобразования, совершённые Петром I Алексеевичем Романовым, доселе — через три века — оцениваются весьма неоднозначно: то ли он перевёл страну на качественно новый путь развития, то ли в попытке ускорить эволюционную европеизацию, начавшуюся ещё при его отце Алексее Михайловиче, разорвал естественную связь сословий и поколений и тем самым породил множество внутренних противоречий, не вполне изжитых и по сей день.

Поэтому не буду вдаваться в анализ конкретных действий — и последствий частого бездействия — Ельцина. А вот следующий президент России, Владимир Владимирович Путин, не только многократно отзывался о периоде правления Ельцина как об эпохе бедствий, но и на многих ключевых направлениях отказался от значительной части достижений эпохи его президентства. Многие средства массовой информации, ранее резко критиковавшие власть, перешли в руки новых владельцев и стали существенно лояльнее (а то и вовсе отказались от политики). Главы субъектов федерации при Ельцине избирались — теперь назначаются президентом (хотя и по согласованию с соответствующей законодательной властью). Спектр политических партий и неправительственных организаций, влияющих на жизнь страны, заметно сократился (а в парламенте одна партия вообще располагает конституционным большинством, то есть способна проводить любые решения, невзирая на волю других сил — даже президента).

Путина отобрал в преемники лично Ельцин — после пробы множества кандидатов. Особо рьяные поборники демократии считают этот выбор едва ли не главной

ошибкой первого президента. Но не так уж много было у него ошибок — и уж во всяком случае не после столь долгих проверок.

В советское время Ельцин занимал высочайшие посты в коммунистической партии: первый секретарь Свердловского областного и Московского городского комитета, кандидат в члены политбюро. С трудами Ульянова знакомился хотя бы по долгу службы (а может быть, и по увлечению: Ульянов — сильный публицист и оригинальный политик).

Теорию самотермидоризации Ельцин скорее всего знал. Может, с 1988 года он искал как раз того, кто проведёт термидор с минимальными потерями и не отступит слишком далеко?

Эмиссия вместо золота

Источники прибыли при разных денежных системах

Несколько слов об обеспечении денег.

Нынешний экономический кризис порождён денежной эмиссией. От лишних денег стараются избавиться, скупая любые доступные товары и услуги. Оборот денег ускоряется, цены растут, и прирост товарной массы, выраженной в этих ценах, опережает прирост денежной. Чем больше денег в обороте, тем острее их не хватает для его обслуживания. Номинальная инфляция порождает реальную дефляцию. Нехватка денег обрывает многоходовые цепочки экономических взаимодействий и постепенно парализует всю экономику.

Причиной перепроизводства денег лично я считаю неумеренный вывод рабочих мест из Соединённых Государств Америки (и в меньшей степени — из Европейского Союза) в регионы дешёвой рабочей силы. С точки зрения управленцев это — изрядная экономия на зарплате. Но для успокоения работников говорили о постиндустриальной экономике, где обязанность человека — только создавать новое или в крайнем случае оказывать услуги, непосильные технике.

Увы, далеко не каждый способен творить востребованное другими. Да и сфера услуг не бесконечна. Меж-

ду тем рабочая сила не бесплатна и в Китае. Даже если львиную долю выручки забирают правообладатели разработок — её не хватит на полную оплату всего потребляемого той же Америкой. Особенно если учесть, что грабёж под новомодным лозунгом охраны прав разработчиков порождает всё новые технологии ухода от выплаты лицензионных отчислений.

Вот и пришлось содержать значительную часть американцев на пособия по безработице, замаскированной исполнением бессмысленных и безрезультатных обязанностей. Платятся пособия деньгами, чью необеспеченность скрывают финансовые игры (в основном вокруг производных — то есть оторванных от реального состояния экономики — ценных бумаг).

Избыточность денежного потока маскировали, сбрасывая его в накопления частных лиц и государственных структур других стран, где американцы скупали всё доступное, щедро расплачиваясь незаработанным. В конце концов деньгами перенасытились все мыслимые сточные каналы. Инфляция стала очевидна. Кризис перешёл в явные формы.

Но может ли современная экономика вообще удержаться от избыточной эмиссии? Новомодные теории уверяют: чтобы обеспечить стабильную прибыль, необходимо постоянно вбрасывать в экономику всё новые деньги. Ибо откуда ещё взяться прибыли?

Между тем прибыль — просто часть труда сверх минимума, необходимого человеку для собственного жизнеобеспечения. Но и она постепенно расходуется. Производственное оборудование, инфраструктура, здания (хоть жилые, хоть производственные) не вечны. Чтобы оценить расходы на их возобновление, надо исследовать не только амортизационные отчисления конкретных предприятий: немалая часть инфраструктуры создаётся и возобновляется и на средства самих потреби-

телей соответствующих услуг, и за счёт казны (то есть из налогов и прочих сборов)...

Прибыль была значительна даже в эпоху, когда деньгами были только драгоценные металлы, а их добыча составляла ничтожно малую долю общего производства, так что денежная масса практически не росла. Более того, из сравнения типичного ссудного процента в Средние века и наши дни очевидно: в тех сферах, где натурального хозяйства и бартерного обмена не хватает, а нужны именно деньги, норма прибыли в те времена была куда выше нынешней.

Вдобавок ещё в те времена были известны способы ускорения денежного — и товарного — оборота. Так, иудейский канон уже добрых три тысячелетия считает неприемлемой прибыль сверх шестой доли суммы сделки. Тем не менее еврейские купцы чаще всего богатели даже быстрее своих коллег иных вероисповеданий: отдавая товар сравнительно дёшево, они привлекали основную массу покупателей и за отчётный период совершали куда больше сделок.

Итак, для обеспечения прибыли эмиссия не нужна. Её оправдание ссылками на необходимость поддержания нормы прибыли — маскировка её реальной сущности: перераспределения жизненных благ от тех, кто хоть как-то связан с их производством, к тем, кто ограничивается лишь потреблением. Не зря народный комиссар финансов РСФСР и СССР Гирш Янкелевич Бриллиант (по партийному псевдониму — Григорий Яковлевич Сокольников) заявил: «Эмиссия — опиум для народного хозяйства».

Лауреат премии по экономическим наукам в память Альфреда Бернхарда Эммануэлевича Нобеля, учреждённой Государственным Банком Швеции, Фридрих Август Августович фон Хайек показал: деньги — наилучший теоретически возможный носитель информа-

ции, значимой для принятия экономических решений. Любые манипуляции с деньгами так или иначе приводят к ошибочным решениям. В частности, избыточная эмиссия порождает избыточный же спрос: потребители отдают производителям не средства, достаточные для возмещения фактических затрат, а нечто не обеспеченное реальными ценностями, не способное поддержать производство. Отсюда — срыв производственных процессов.

Раньше прекратим эмиссию ради поддержания существующей (уже давно перекошенной) структуры глобальной экономики — раньше выстроим новую, свободную от дефектов, вызвавших нынешний кризис. И раньше двинемся к новому кризису. Ибо развитие всегда порождает противоречия и само движется противоречиями. Главное — вовремя изыскивать способы их разрешения с наименьшими потерями.

Антикризисное единство

Внутренний рынок может заменить мировой

Несколько слов о том, как мы можем выйти сухими из кризиса.

Все мы знаем: новая разработка — дело дорогое. И чем выше достигнутый уровень развития науки и техники, тем разработка дороже. Грубо говоря, то, что можно было придумать дёшево, уже придумано.

Деньги, потраченные на разработку, надо возместить. А как? Только включить эти расходы в общую цену товара. Но тогда мы оказываемся перед серьёзной угрозой: конкуренты могут просто воспроизвести нашу находку и пустить её в продажу дешевле, потому что они не тратились на её создание.

Так называемые «законы об интеллектуальной собственности» тут мало помогут. Как отметил ещё полтора века назад глава лондонского профсоюза переплётчиков Томас Джозеф Даннинг, при трёхстах процентах прибыли нет такого преступления, на которое капитал не рискнул бы даже под страхом виселицы. Соответственно единственный способ предотвратить копирование — продажа товара в стольких экземплярах, чтобы на каждый из них пришлась лишь очень малая доля общей цены разработки; если она составит малую долю

всей цены этого экземпляра, затраты на обход закона не окупятся.

Ещё в конце 1970-х группа западноевропейских экономистов пришла к выводу: существует порог численности общего населения рынка, дающий какие-то шансы окупить новую разработку. Если общее население меньше этого порога, новинка гарантированно не окупится независимо ни от каких иных обстоятельств. Численность населения — необходимое условие, хотя, к сожалению, далеко не достаточное.

Когда эти исследования были проведены, порог численности населения составлял для Западной Европы примерно триста миллионов человек. У нас оплата разработчиков относительно оплаты серийных изготовителей несколько ниже, чем на Западе. Поэтому советский порог составлял около двухсот пятидесяти миллионов. Население Советского Союза тогда было гораздо больше.

А западные европейцы приняли меры: немедленно начались переговоры по преобразованию Европейского Экономического Сообщества в Европейский Союз, ради формирования единого рынка, превышающего порог самодостаточности, чтобы новые разработки можно было окупить внутри этого рынка, не рассчитывая на экспорт за его пределы. По той же причине тогда же начались переговоры о создании Североамериканской Зоны Свободной Торговли в составе Канады, Соединённых Государств Америки и Мексики.

И те, и другие переговоры, как известно, завершились успешно. Сейчас на Западе порог самодостаточности в соответствии с прогрессом техники дорос уже до четырёхсот миллионов — но рынки там куда обширнее.

Ну а мы, как всегда, пошли другим путём, как призывал ещё Владимир Ильич Ульянов. Мы свой единый рынок раздробили на куски. Правда, сейчас, из-за того,

что оплата разработчиков ещё упала, у нас порог самодостаточности снизился приблизительно до двухсот миллионов человек. Но ни одна из республик былого Союза не имеет этих двухсот миллионов: даже в России сегодня всего примерно сто сорок шесть.

Выход из положения — создание так называемого Единого Экономического Пространства. Белоруссия, Казахстан, Россия и Украина в совокупности образуют тот самый самодостаточный рынок, который может вообще не обращать внимания ни на какие внешние события. Какие кризисы ни бушуют за пределами самодостаточного рынка, он при грамотной организации может выживать самостоятельно.

Правда, американцы сейчас как раз на своём рынке, хотя он и самодостаточный, породили кризис и теперь будут внутри себя его переживать. Европейцы пока слишком завязаны на американский рынок, так что им тоже будет тяжело. Мы же в принципе можем, создав Единое Экономическое Пространство, вообще не обращать внимания на кризис за его пределами.

Проблема тут только одна: идею Украины как самостоятельного государства и украинцев как самостоятельного народа придумали поляки — и полтора века назад административно поддержали австрийцы — в качестве антироссийского инструмента. С тех самых пор идея независимости Украины в принципе неотделима от идеи противостояния Украины всей остальной России.

Пока Украина независима, она в Единое Экономическое Пространство не пойдёт. Просто потому, что в таком пространстве смысл её независимости теряется — соответственно теряется надобность в независимых правителях. Ещё в XVII веке гетман Дорошенко пытался присоединить Украину к Турции, мотивируя это тем, что если украинцы объединятся с единородны-

ми, единоязычными, единоверными русскими, то сольются с ними, и не будет им нужен отдельный гетман и отдельная казачья старш*и*на. А вот если пришить Украину к иноверной, иноязычной, инородной Турции, то она всегда останется самостоятельной и всегда будет нуждаться в самостоятельных же управленцах.

Иными словами, чтобы вся Россия — в том числе и Украина — спаслась от всемирного кризиса, нужно, чтобы народ Украины отказался от независимости и от независимых правителей. Организация референдума, правомочного принять такое решение, теоретически возможна, но практически весьма сложна, и я не уверен, что с этой задачей кто-то справится до того, как вторая волна кризиса грянет в полную силу. Но другого выхода из кризиса у нас — ни у украинцев, ни у остальных русских — нет.

Пустые поезда

Спираль цен способна удушить всю экономику

Между Москвой и Одессой я обычно езжу поездом. В четырёхместном купе, но зачастую вдвоём или даже в полном одиночестве. А часть купе и вовсе пустует. Верхние полки заняты, только если едет семья и не желает разбегаться по двум купе. Сходная картина и на других маршрутах. Причём не только в купейных вагонах. По дороге не раз доводилось проходить и через плацкартные. Там тоже заполнение — примерно половина вместимости.

Почему — понятно. В 1995-м, когда я только что перебрался в Москву на сравнительно стабильное проживание, билет в Одессу стоил примерно сорок долларов. Теперь он подорожал втрое с лишним. Насколько я могу судить, доходы тех категорий граждан России, для кого деньги важнее времени (так что поезд предпочтительнее самолёта), хотя и растут, но далеко не так стремительно, как тарифы РЖД. Соответственно сами поездки откладываются до последней возможности. Пассажиропоток падает.

Между тем энергозатраты на перемещение каждого отдельного пассажира — лишь ничтожно малая доля общих расходов железной дороги. Купейный вагон раз

в десять тяжелее всех пассажиров, способных туда вместиться, со всем их мыслимым багажом. Львиная доля энергии идёт на движение самого вагона — независимо от загрузки. Да и проводникам — при всём уважении к их нелёгкому труду — почти всё равно, обслуживать три дюжины пассажиров или одну: в плацкартном-то вагоне они даже с полусотней справляются.

Содержание самих путей сообщения тоже влетает в изрядную копеечку: рельсы надо регулярно осматривать и время от времени заменять, даже если поезда по ним прокатываются не ежеминутно и даже не ежедневно. А уж станционное хозяйство и подавно поглощает деньги пачками: чего стоят хотя бы бесчисленные стрелки, нуждающиеся в постоянном надзоре!

Словом, от снижения пассажиропотока расходы железной дороги практически не уменьшаются. Следовательно, на долю каждого пассажира приходится всё больше затрат. Приходится соответственно наращивать цену билетов. Тем самым планка отсечения неимущих поднимается. Людей, способных позволить себе дальнее следование, оказывается меньше. Ценовая спираль уходит на новый виток. Что я и наблюдаю уже полтора десятилетия.

Остановить раскрутку можно разовым снижением цен. Средства на него можно взять, например, из доходов от грузоперевозок. Но ныне модная экономическая теория считает перекрёстное субсидирование искажающим текущее состояние компании, а посему запрещает даже в критических обстоятельствах.

Впрочем, грузовые тарифы тоже растут: по мере спада многих производств и оттока части перевозок с железной дороги пришлось раскладывать прежние издержки на меньший грузопоток. Увеличиваются суммарные транспортные затраты производителей, снижается конкурентоспособность значительной части оте-

чественной промышленности. Монополист понемногу душит всю страну.

Вдобавок сокращение дальних перевозок замыкает отдельные части страны на себя. Стальные нити, когда-то сшившие всю нашу громадную страну от Бреста до Владивостока, рвутся. Поневоле вспомнишь транспортную теорему, сформулированную известным аналитиком стратегий Сергеем Борисовичем Переслегиным: если регионы развиваются быстрее связей между ними, государство разваливается.

Транспортная теорема уже действовала во время Гражданской войны. Вскоре после неё Феликс Эдмундович Дзержинский, возглавив отрасль, приказным порядком снизил все тарифы. Начался рост объёма перевозок. Через считанные месяцы железная дорога стала рентабельна благодаря валовому доходу.

Попутно Дзержинский исправил стратегическую ошибку своего предшественника. Лейба Давидович Бронштейн вкладывал казённые средства в обновление подвижного состава: в частности, закупил за рубежом тысячу паровозов. Дзержинский же восстанавливал станционное хозяйство. Оборот подвижного состава ускорился в разы, и потребность в нём соответственно сократилась.

Через пару лет на посту председателя Высшего совета народного хозяйства Дзержинский вновь снижает цены — уже по всей промышленности. Управленцам приходится затягивать пояса: чиновный аппарат заводов резко сокращается. Зато сжимаются знаменитые ножницы цен: до назначения Дзержинского промышленные товары в стране дорожали, а сельскохозяйственные дешевели, что изрядно тормозило общее развитие. Если бы главу советской экономики не убил через два с половиной года такой работы инфаркт (от бурного спора в ходе заседания ВСНХ), ещё многие внутрен-

ние противоречия, неизбежные при любом устройстве общества, удалось бы разрешить в режиме диалектического, движущего, развития, а не антагонистического, разрушительного для всех участников, конфликта.

Нынче у нас противоречий ничуть не меньше. Но решать их каждый пытается за чужой счёт, а не в режиме поиска взаимовыгодных ходов. Пустые купе — легко заметный, но далеко не самый крупный пример подрыва страны примитивным меркантилизмом, готовым выгадать копейку ценой рубля будущих потерь (ибо копейка ложится в свой карман, а рубль вынимается из чужого). Как бы не пришлось нам вслед за Борисом Борисовичем Гребенщиковым петь:

Пустые поезда,
нагие города,
пришедшие, увы,
в упадок навсегда.

Черкизон и копирайт

Что действительно стоит защищать от копирования

Несколько слов о брэнде и его подделке.

В июне 2009 года на крупнейшем рынке Москвы, Черкизовском, обнаружены бессчётные контейнеры контрабанды (по сообщениям СМИ, до двух миллиардов долларов). Прежде всего — контрафактной.

Сам этот термин ныне включён в юридическую фикцию «интеллектуальная собственность». Я — противник этой фикции в целом именно потому, что в ней объединены качественно разные понятия, дабы некоторыми заведомо полезными оправдать некоторые иные, столь же заведомо вредные.

Брэнд — понятие, противопоставленное контрафакту, — тоже выглядит фикцией. Многие брэнды куда дороже всех охваченных ими реальных ресурсов — товаров, услуг и средств их обеспечения. Так, в цене брэнда Coca-Cola основную долю составляют последствия вековых расходов на рекламу. Из примерно десяти-пятнадцати миллионов долларов (по экспертным оценкам) цены брэнда «Что? Где? Когда?» по меньшей мере половина — цена сотен часов эфирного времени, затраченного в советское время на отработку всех нюансов

совмещения коллективного мышления с увлекательностью телевизионного шоу.

Но как правило, основная часть цены брэнда напрямую связана с тем, что он даёт своим потребителям. Покупая товар с фирменной эмблемой, мы рассчитываем на определённый, гарантированный фирмой уровень качества. Он, естественно, далеко не бесплатен. Соответственно и цена продукции одного назначения, но разных брэндов может заметно различаться.

Поддельный товар не гарантирует соответствия ожидаемому стандарту. Цена же его отличается от оригинала куда меньше, чем следовало бы по реальному качеству: всё, что серьёзная фирма тратит на поддержание надлежащей организации труда и всяческий сервис, приятно согреет карман торговца подделкой. Вся разница между реальной стоимостью подделки и ценой полноценного товара — прямой убыток потребителя.

Подделки могут вынудить добросовестных производителей вовсе уйти с рынка. Примеры тому бытовали ещё в глубочайшей древности. Так, археологи обнаружили: эпоха феодального распада Руси ознаменовалась, помимо прочего упадка, изменением технологии производства ножей. Классический древнерусский нож ковали из тонкой высокоуглеродистой пластины с двумя низкоуглеродистыми обкладками. Мягкие бока истираются быстрее твёрдой сердцевины — по ходу работы нож остаётся острым. Но кто-то упростил работу — на низкоуглеродистый нож наварил узкую высокоуглеродистую кромку. Такой нож поначалу — при продаже — режет не хуже самозатачивающегося, но очень скоро тупится и дальше — даже при регулярной заточке — работает плохо. Зато куда дешевле. Ведь при тогдашней металлургической технологии легко получить почти чистое и поэтому мягкое железо или чугун, где углерода так много, что он выпадает из раствора в от-

дельные хлопья — зародыши будущих трещин. Промежуточный же состав — высокоуглеродистую, но ещё не хрупкую (в отличие от чугуна) сталь — даже сегодня куда сложнее делать, чем крайние варианты. А уж в ту пору халтурщики получали изрядную сверхприбыль по сравнению с честными мастерами. В конце концов конкуренция вынудила всех ножовщиков перейти на примитивную технологию. Потребители же полностью потеряли возможность приобрести удобный долговечный инструмент. Самозаточку пришлось переоткрывать уже в XX веке.

Если бы рядовой покупатель мог прямо на базаре отличить нож с наварной кромкой от трёхслойного, первый же фальсификатор был бы разоблачён и с позором изгнан. Увы, на такую экспертизу способен даже не каждый кузнец. Не зря в нашу эпоху беспрестанного роста технической сложности продукции процветают сертификационные и экспертные службы — от знаменитой немецкой независимой Stiftung Warentest до российского государственного Геннадия Григорьевича Онищенко. Контрабандные поставки проходят, как правило, мимо бдительного экспертного взгляда, а потому остаётся лишь напомнить старинное римское правило caveat emptor — бди, покупатель!

Правда, ныне популярна передача заказов дешёвым исполнителям. Значительная часть контрафакта выпускается теми же мастерами и на тех же предприятиях, что и оригинал. Так что качество изделий не страдает. Но брэндовладелец вправе отказать в сервисе. И покупатель теряет ту часть уплаченного, что должна идти на этот сервис — а идёт в карман ловкачам.

Ценность многих брэндов ещё и в их редкости. Вспомните, как разбегаются дамы, по нелепой случайности вышедшие в свет в одинаковых платьях! Они боятся не только сравнения своих внешних данных, уже

не маскируемых различиями нарядов, но и подозрения в попытке экономить покупкой готового вместо заказа. Клиенты Черкизовского рынка вряд ли беспокоятся о таких мелочах — но избыточные Louis Vuitton и DKNY водятся даже в самых фешенебельных салонах всего мира, то и дело напоминая самим Виттону и Каран: негоже поручать шэньчжэньскому дяде Ляо всю работу!

Запрет точного копирования образцов, защищённых брэндами, имеет позитивный экономический смысл. Принуждение в данной сфере останется необходимо даже в идеальнейшем обществе свободной информации.

Правда, брэнд можно обойти: ещё памятны всяческие Abibas и Pavasonyk. Так ведь и призыв caveat emptor тоже не отменит ни Онищенко, ни даже снос Черкизовского рынка.

Газ и тормоз

Социально-экономический компромисс

Несколько слов о компромиссе экономики с социальной сферой.

Трудами великих советских математиков Виктора Михайловича Глушкова и Леонида Витальевича Канторовича строго доказано: управление современной развитой экономикой из единого центра многократно менее эффективно, нежели самостоятельно развивающаяся рыночная экономика. И ещё задолго до теоретического анализа советский опыт доказал: централизованное планирование может обеспечить прорыв на любом выбранном направлении — но только ценой несоразмерных потерь во всех прочих отраслях, так что суммарный темп развития оказывается меньше, чем без вмешательства государства.

Иной раз перекосы оправданы. Так, если страна воюет или хотя бы готовится к неминуемой войне, возможны тяжелейшие жертвы. Великий кораблестроитель Алексей Николаевич Крылов, истребуя у Государственной Думы фантастические по тому времени полмиллиарда рублей на возрождение разгромленного Японией флота, отметил: один захват Петербурга окупит для возможного противника всю войну благодаря конфискации столичных ценностей. Для предотвраще-

ния подобных убытков не жаль на какое-то время и затянуть пояса (да, вы правильно поняли: это я о Петре Аркадьевиче Столыпине и Иосифе Виссарионовиче Джугашвили).

По счастью, человечество всё ещё не научилось воевать непрерывно. В мирное же время нужда в экономических перекосах, неизбежно порождаемых любым централизованным вмешательством, далеко не очевидна: суммарное торможение вроде бы ничем не оправдывается.

Рынок веками работал без прямого государственного руководства. С конца наполеоновских войн в мире господствовал чистый капитализм. И экономика развивалась так быстро, что идея прогресса стала едва ли не новой религией. Мир менялся не только количественно, но прежде всего качественно. Возникли новые отрасли промышленности, новые виды транспорта, новые методы лечения... даже новый метод художественного творчества — научная фантастика.

Увы, прекрасная эпоха привела к Первой мировой войне. А затем — к Великой депрессии. После чего классический капитализм кончился: государственное вмешательство в экономику из экзотики стало общепринятой нормой.

Последствия государственной активности неоднозначны. Та же Великая депрессия у себя на родине — в Соединённых Государствах Америки — растянулась на целое десятилетие. Многие полагают: без порождённого Второй мировой войной всплеска потребностей она бы тянулась ещё дольше. Судя же по опыту всех предыдущих кризисов перепроизводства, стихийный рынок изжил бы даже такой крупный спад в худшем случае года за три-четыре.

Когда депрессия началась, президент Херберт Кларк Джессевич Хувер и не пытался лечить её: соглас-

но рыночной доктрине республиканской партии он лишь поощрял благотворительную раздачу еды бесчисленным безработным. Но — как отмечал ещё Иисус Иосифович Давыдов — не хлебом единым жив человек. Безработные рабочие, разорившиеся фермеры, лишившиеся клиентов адвокаты и медики быстро сформировали критическую массу, готовую на бунт. На другом берегу Атлантики такая же негодующая толпа привела к власти Адольфа Алоизовича Хитлера, едва не принесла успех Освалду Эрналду Освалдовичу Мосли, учинила фашистский путч во Франции...

Не от хорошей жизни следующий президент — демократ Фрэнклин Делано Джеймсович Рузвелт — пригласил в советники группу учеников Джона Мэйнарда Невилловича Кейнса и согласно их рецептам затеял общественные работы. Он безудержно тратил деньги, принесённые в казну ростом налогов и инфляционной эмиссией (то есть в конечном счёте ресурсы тех, кто ещё делал хоть что-то полезное), на имитацию безработными полезной деятельности. Попутно создано немало ценного — например, густая сеть автострад и каскад ГЭС на реке Теннесси. Но главная цель была проста: не допустить взрыва.

Принцип, найденный в экономической буре 1930-х, остаётся неизменным. Главная задача государства — предотвратить бури социальные. Пусть даже ценой тяжких экономических потерь. Ибо непредвиденные социальные последствия бывают несравненно болезненнее. Скажем, без германского национального социализма, приведённого к власти именно Великой депрессией, Вторая мировая война могла обойтись без геноцида и была бы немногим страшнее Первой.

Правда, перебор хуже недобора. Рецепт Кейнса — лечить депрессию инфляцией — употребляли столь долго и неумеренно, что к концу 1960-х добились стаг-

фляции — сочетания инфляции с застоем. Предупреждал же Кейнс: трюк работает только до конца первого экономического цикла — затем лишние деньги надо убрать из экономики, пока они не разрушили механизм ценообразования.

Но для устойчивости движения — в том числе и экономического — без тормозов не обойтись. На трассах Формулы-1 карбоновые тормозные диски приходится менять после каждого заезда. Экономическая гонка куда сложнее — и тормоза в ней ничуть не менее полезны.

Рыночный двигатель должен остаться мощнее государственных тормозов. Лучшие аналитики ищут оптимальные их соотношения в зависимости от неповторимого сочетания обстоятельств. Но сам принцип гармонии газа и тормоза приходится учитывать по крайней мере до тех пор, пока ничего лучшего для экономического движения не изобретено.

Математика в экономике

Управленческие ограничения снимаются кризисами

Несколько слов о пределах управляемости.

Напомню: великие советские математики академики Виктор Михайлович Глушков и Леонид Витальевич Канторович установили: задача планирования экономики целого государства в мирное время не может быть решена из единого центра сколько-нибудь эффективно.

Насчёт мирного времени я не зря сказал. Глушков и Канторович исходят из общего числа уравнений в задаче материального планирования. В военное время производство в целом резко переориентируется на решение очень ограниченного круга задач. Видов изделий становится меньше в десятки, а то и сотни раз. Трудоёмкость задачи планирования сокращается в тысячи или даже в миллионы раз. И с ней может справиться единый центр.

Советская экономика являла чудеса в предвоенный период, когда создавалась промышленная и сельскохозяйственная база, в конечном счёте обеспечившая нашу армию всем необходимым. Советская экономика во время войны была непостижимо эффективна. Располагая существенно меньшими ресурсами, чем одна Германия, не говоря уж об объединённой Европе, мы тем

не менее смогли произвести гораздо больше оружия и боеприпасов.

Но советская экономика забуксовала в мирное время, практически сразу же после восстановления разрушений, причинённых войной. Одна из причин этой пробуксовки — не единственная, но достаточная, чтобы объяснить всё, что с нами потом происходило — рост числа названий производимой продукции.

Но есть ещё одна причина. Жизнь не сводится к расчёту. Один из лауреатов Нобелевской премии по экономике — Фридрих Август Августович фон Хайек — помимо прочего показал: основная часть информации, необходимой для принятия экономических решений, появляется только в процессе экономической деятельности и принципиально не может быть определена заранее. Пока кто-то не рискнёт сделать торт «Птичье молоко», никто — в том числе и сам рискующий — не может знать, что этот торт понравится столь многим.

Эта принципиальная неопределённость приводит не только к тому, что систему уравнений планов производства нельзя решить в разумные сроки. Главное — эту систему невозможно построить заранее, до самого производства. Её приходится непрерывно перестраивать по мере работы. Если бы каждый из нас мог докладывать в некий единый центр обо всех своих изменениях во вкусах и предпочтениях и обо всех своих свежих идеях, центру пришлось бы пересчитывать план производства по меньшей мере ежедневно. А ведь даже в теоретически идеальном случае сбалансированный план вычисляется за годы, а оптимальный — за миллионы лет. Да и сам этот идеальный случай невозможен. Невозможен именно потому, что мы в принципе не можем располагать заранее всей информацией, необходимой для нашей же деятельности.

Это порождает множество сложностей. Одна из них — экономические кризисы, неизбежные именно потому, что принимать решения приходится в условиях неопределённости, и какие-то из этих решений обязательно оказываются ошибочными. Причём принципиально невозможно, так сказать, размазать эти ошибки ровным слоем по всей экономической активности. Какие-то направления активности неизбежно кажутся привлекательнее для многих людей. Соответственно там концентрируется больше усилий. Даже если в этой экологической нише мог разместиться один производитель, для десятка она оказывается избыточной. Отсюда так называемые кризисы перепроизводства — наиболее частый, хотя и наименее разрушительный из всех типов кризисов.

Есть и другие источники ошибок. Фон Хайек показал: в экономике принципиально невозможен более надёжный носитель информации, нежели деньги. Любая попытка заменить деньги какими-то другими средствами передачи и анализа информации может дать локальный выигрыш, но в стратегическом плане — в масштабах всего рынка и на долгих промежутках времени — любая из этих локально выигрышных стратегий даёт крупный проигрыш по сравнению с обычной рыночной экономикой, основанной на деньгах.

В частности, всевозможные методы управления экономикой при помощи вброса в неё денег, ещё в 1920-х годах предложенные Джоном Мейнардом Джон-Невилловичем Кейнсом и с тех пор многократно усовершенствованные его учениками, в стратегическом плане опасны. Они искажают переносимые деньгами сигналы. Вброс лишних денег порождает большой спрос, но обеспеченный лишь формально. То есть в обмен на усилия производителей запрошенной продукции её потребители не могут дать адекватного своего

продукта — они могут дать только ничем не обеспеченные деньги.

Нынешний кризис, как я уже не раз говорил, происходит как раз из избытка денег, из инфляции. То есть в конечном счёте — из нарушения завета фон Хайека. Более того, сейчас для лечения болезней, порождённых кризисом, в экономику вбрасывается с каждым днём всё больше денег. И перекосы растут.

Того и гляди, под грузом лишних денег рухнут целые отрасли, не говоря уж об отдельных производителях. Тогда ассортимент производства в целом скукожится до размера, допускающего полный расчёт из единого центра. И о потребительских предпочтениях, чью важность так живописал Хайек, можно будет забыть по меньшей мере до тех пор, пока прямое управление не сформирует новую структуру экономики. Стоит ли доводить до таких крайностей?

Единого центра не будет

Возможности информационных технологий не безграничны

Несколько слов об ограниченности возможностей информационных технологий в экономике.

Каждое новое техническое достижение обещает несравненно больше, чем даёт фактически. Илья Арнольдович Файнзильберг, более известный как писатель Илья Ильф, писал: «В фантастических романах главное это было радио. При нём ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет».

Ещё в середине 1960-х знаменитая фирма «Международные деловые машины», которую мы чаще называем сокращённо «IBM», начала выпуск компьютеров общего назначения, равно пригодных и для научно-инженерных расчётов, и для экономических. До того машины так или иначе специализировались под конкретную сферу применения, а тут появилась техническая возможность создать машину, достаточно производительную на любых задачах. Пошла первая волна массовой эйфории «вот сейчас мы компьютеризируем офис и всё у нас будет в полном порядке».

Но в 1970-х годах автор и руководитель проекта Общегосударственной автоматизированной системы управления народным хозяйством СССР — сокращённо

ОГАС — великий математик Виктор Михайлович Глушков подсчитал: а сколько, собственно, нужно арифметических действий для решения экономических задач. Если не вдаваться в мелкие технические тонкости, то задача балансировки плана производства — система линейных уравнений. Число действий, необходимых для решения такой системы, примерно пропорционально кубу числа самих уравнений. А каждое название товара или детали (вплоть до отдельных винтиков), чьё производство необходимо запланировать, даёт отдельное уравнение.

Строго говоря, в уравнениях планирования очень большая часть коэффициентов нулевая. Поэтому показатель степени в формуле времени решения такой системы — примерно два с половиной.

Когда Глушков в 1976 году впервые опубликовал эти свои рассуждения, общее количество наименований изделий и деталей в Советском Союзе как раз перевалило за два десятка миллионов. Отсюда несложно подсчитать: весь тогдашний вычислительный парк всего мира не справился бы с задачей балансировки плана для Советского Союза и за тысячу лет.

Но ведь нам надо не только балансировать, но ещё и оптимизировать. То есть из множества разных вариантов производственного плана выбрать наилучший. А тут тоже появляется немалая сложность. Другой великий советский математик Леонид Витальевич Канторович получил Нобелевскую премию за то, что нашёл методы оптимизации некоторых частных видов задачи планирования. В общем же случае ради оптимизации надо, грубо говоря, решить ещё столько систем уравнений, сколько уравнений есть в самой системе. Поэтому к показателю степени в формуле числа действий, нужных для решения системы уравнений, добавляется ещё единица. Соответственно получается показатель степени

три с половиной. Это значит: даже весь нынешний вычислительный парк всего мира справится с задачей планирования производства для СССР образца 1976 года за ту же тысячу лет.

А ведь мир не стоит на месте. Даже наша страна сейчас далеко не такова, какова была в семьдесят шестом. При всём очевидном сокращении многих направлений производства реальная номенклатура изделий выросла во многие десятки раз. Значит, время, необходимое для построения оптимального плана, выросло во многие тысячи раз.

Если же не решать полную задачу оптимизации, то скорее всего наступит беда. Как показал тот же Канторович, поверхность отклика, где ищется оптимум решения экономической задачи, очень неровная. Пики в ней соседствуют с громадными провалами. Если задачу решать приближённо, то с почти полной гарантией мы попадаем именно в такой провал. Решение, которое можно построить централизованным управлением в приемлемые сроки, оказывается хуже теоретического идеала в десятки раз.

Экономисты сумели представить в математическом виде и рыночную систему управления. Она также не даёт точного решения задачи балансировки производства, не говоря уж о его оптимизации. Но судя по приближённым аналитическим оценкам эффективности расчётов, фактически выполняемых этой системой, рыночные решения задачи планирования хуже теоретического идеала, грубо говоря, в разы. Но не в десятки раз. Централизованное планирование может теоретически обещать нам рост уровня жизни раза в два—три, а на практике обеспечивает падение уровня жизни раз в пять—десять.

Понятно, производство житейских благ — ещё далеко не всё. Надо ещё грамотно ими распорядиться. По

этой части план несомненно и намного эффективнее рынка: даже при заметно меньшем, нежели Западная Европа, производстве на душу населения сами эти души в Советском Союзе куда меньше страдали от явных бедствий вроде голода и бездомности. Но средний уровень жизни всё же был куда хуже. Что и стало одним из поводов к развалу страны.

Естественно, между крайностями «чистый рынок» и «чистый центр» существует множество компромиссных вариантов. Правда, все доселе испытанные компромиссы неустойчивы — довольно скоро ресурсы из планового сектора перетекают в рыночный. Но математики и политики не теряют надежду найти наилучшее, гармоничное сочетание разных способов управления. Я тоже ищу.

Мода против экономии

В честь новой модели «мини» юбку не назовут

Несколько слов об автомобиле, в чью честь когда-то назвали юбку.

Создавая для British Motors Corporation малый автомобиль, Александер Арнолд Константин Исигонис действовал с изяществом, достойным его эллинских предков: не просто решился на экзотический в 1959 году передний привод, но впервые поставил двигатель поперёк автомобиля. Четыре цилиндра рабочим объёмом 848 кубических сантиметров уместились меж нишами десятидюймовых колёс, коробка передач встала под мотором, радиатор ушёл вбок в крыло, и длина сократилась на добрых полметра. Заодно во всей трансмиссии — кроме дифференциала — остались только цилиндрические шестерни, куда прочнее и дешевле конических.

В 1956 году Великобритания попыталась отвоевать национализированный Египтом Суэцкий канал. В союзники она втянула Израиль и Францию. Так что к 1959-му в этих трёх странах бензин был недёшев: нефть в Европу шла в основном с арабских месторождений. Но Austin Seven — он же Morris Mini Minor, то есть «мельче мелкого» — вышел не только редкостно компактным.

Он ещё и экономичен. В отличие от, скажем, нынешних грошовых струйных принтеров с разорительно дорогими картриджами — баснословно скромные даже тогда 497 фунтов стерлингов (по тогдашнему курсу чуть больше 1236 грамм золота) отпускной цены не оборачивались непомерными эксплуатационными расходами.

Великобритания после Второй мировой войны утратила былое изобилие колоний и оказалась вынуждена перестроить всё своё хозяйство. По ходу перемен экономили даже на нарядах: на полутрущобных улицах стали привычны юбки длиной с дикарскую набедренную повязку. Модельерша Мэри Куант, патентуя подсмотренную там (или, возможно, взятую из коллекции Анри Курережа на 1923 год) юбку, назвала её в честь единственного автомобиля, бывшего ей в тот момент по карману (и похожего, по её словам, на дамскую сумочку с колёсиками).

В конце концов бывшая великая империя освоилась в новом статусе, реорганизовалась в расчёте на новых поставщиков и новые рынки сбыта. Автомобиль, блистающий прежде всего сверхэкономичностью, через 15 лет ушёл с конвейера.

Увы, экономические успехи охватили не всю страну. Легендарный британский автопром ныне по большей части поглощён германским (а остаток скупила Америка). В частности, название и облик «Мини» приобретены BMW. Новая версия классической микролитражки обогатилась узнаваемыми приметами стиля самой спортивной из германских марок. Мотор мощнее, подвеска заточена под скорость, даже ощущения водителя эмоциональнее...

Первым в глаза бросается изменение чисто внешнее — но технически важное. Исигонис подвесил двери «Мини» на петли с выступающими обтекателями, а дверные проёмы окаймил объёмистыми желобами для

стока дождевой воды. Теперь дверные петли внутренние, а желобов нет вовсе. Но они вроде и не нужны: современные материалы отделки салона мало чувствительны к намоканию. Да и завихрения воздушного потока на сложном профиле жёлоба создают заметное сопротивление. Кузов нового «Мини» стал глаже и обтекается лучше. Ведь нынче экономичность ещё важнее, чем после Суэцкого конфликта. Ближний Восток бурлит не переставая. Нефть не подешевеет по крайней мере до тех пор, пока президентом Соединённых Государств Америки остаётся республиканец. Не зря нынешние автомобили всё сильнее смахивают на обмылки: обтекаемость превыше всего!

Но ведь полвека назад законы аэродинамики были такими же. Неужто Исигонис их вовсе не знал?

«Мини» — автомобиль городской. Даже после всей спортивной стилизации ему куда легче живётся на переполненных улицах, чем на скоростных трассах. А в городе максимальная скорость не так велика, чтобы беспокоиться о вихре на водосточных желобах.

Зато беспрестанные разгоны требуют тем меньше энергии, чем меньше масса автомобиля. Исигонис возмущался: из металла одной двери американского автомобиля выйдет полноценный европейский. По авторскому замыслу двери «Мини» едва ли не просвечивают. А желоба и обтекатели дверных петель служат заодно рёбрами жёсткости — не дают прогибаться кузову из необычайно тонкой стали.

Новый «Мини» съедает поменьше бензина, чем классический вариант. На легендарных германских автобанах. Но в городских лабиринтах его обтекаемость не имеет шансов проявиться всерьёз. Зато лишние килограммы массы кузова, неизбежные ради повышения жёсткости, с гарантией съедают лишние граммы бензина при каждом переключении светофора.

Современные материалы и способы проектирования позволили заметно сократить прибавку массы. Но всё же отказ от найденного Исигонисом нюанса формы кузова несомненно вреден для экономичности в городском цикле.

Конструкторов BMW подвели рефлексы, заточенные под спортивный стиль. Малый автомобиль занимает совершенно иную экологическую нишу и соответственно оптимизируется по другим критериям.

Мало обрести право распоряжаться творением гения. Надо ещё проникнуться его духом, постичь глубину его замысла, понять его цель, определить направление движения к ней. Иначе копия — даже точная формально — останется бессодержательна.

Гражданский танк

Все советские инженеры ориентировались на требования войны

Несколько слов о готовности инженеров к войне. Один из наших автомобилей — если не ошибаюсь, «Москвич-408» — рекламировался за рубежом как самая прочная советская машина, ездившая по европейским дорогам со времён Т-34. Рекламисты — скорее всего, неосознанно — обратили внимание на одну из ключевых особенностей всей нашей техники.

Что требуется от танка в первую очередь? Прочность, огневая мощь, высокая проходимость. Комфорт воину не обязателен. Боевое отделение Т-5 «Пантера» чуть ли не вдвое шире и заметно выше, чем Т-34, так что танкистам в бою и походе куда удобнее — зато и весила «Пантера» раза в полтора больше, и попасть в неё несравненно легче. А уж о живучести ходовой части и вовсе можно не беспокоиться: при активных боевых действиях танк подобьют — а значит, и чинить будут задолго до износа подвески.

Правда, погоня за боевой живучестью иной раз мешает даже военным.

Наши командиры до середины войны неохотно пользовались радиосвязью — предпочитали телефон и связных. Это изрядно затрудняло взаимодействие. Бо-

лее того, иной раз — особенно в первые месяцы войны — командиры даже самого высокого ранга вовсе не представляли себе ни расположения подчинённых им соединений, ни их состояния, ни планов. Но тогдашние наши радиостанции, мягко говоря, не слишком удобны. Конструкторы гнались за прочностью и надёжностью, но не добились ни стабильности настроек (в танках пришлось выделить отдельного радиста только для постоянной подстройки частоты), ни правильной передачи тембра, ни хотя бы чёткой слышимости. Военным и впрямь зачастую было куда проще подавать флажные сигналы, командовать «делай как я», давать самолётам указания с помощью ракет и растягивания длинных полотнищ, чем сквозь шумы и помехи объясняться устно. Только к середине войны, используя англо-американские наработки (а то и просто поставки по ленд-лизу), нам удалось оснастить рациями приемлемого качества и пехоту (до роты включительно), и каждый танк и самолёт. Тогда и начались у нас уже не отдельные удачи, а непрерывные успехи: ведь в войне правильное взаимодействие разных видов давления на противника чаще всего куда важнее силы каждого из этих видов по отдельности.

Избыток надёжности не лучше любого другого избытка. Скажем, автомат Калашникова стреляет в самых немыслимых условиях. Но для обеспечения такой работоспособности газоотвод рассчитан на максимальную степень загрязнения, а зазоры столь велики, что подвижные детали явно болтаются. В результате кучность огня в пару раз хуже, чем у столь же легендарной — но созданной в рамках совершенно иной концепции боевого применения — М-16.

Надёжность порою мешает даже долговечности. Тот же «Калаш» выдерживает десять тысяч выстрелов, прежде чем шатание затворной ямы породит неприем-

лемые выбоины на её направляющих. А производители М-16 гарантируют восемьдесят тысяч выстрелов. Правда, за цену одной М-16 можно купить добрый десяток АК. Долговечность же в бою не особо важна: редкий пехотинец успеет исчерпать ресурс АК — даже с учётом нормального (а не принятого в пехоте последних советских и первых постсоветских лет) режима стрелковых тренировок.

В гражданских же применениях работоспособность при любых обстоятельствах — и подавно далеко не единственное требование.

Советские автомобили — даже представительского класса — приспособлены к бездорожью настолько, что американцы шутят: «Чего только не придумают русские, чтобы не строить дороги!» А толку? Всё равно «чем круче джип, тем дальше бежать за трактором». Зато комфорт в наших машинах всегда был весьма условен. Оно и понятно: когда тащишься по выбоинам и ухабам, никакая мягкость сидений не спасёт, а уж о форме пепельниц вовсе не думаешь.

Война требует ещё и ремонтопригодности. По армейским нормативам времени ясно: разобрать, почистить и собрать АК куда проще, чем М-16, а ведь от этой операции зависит работа оружия и жизнь его владельца. Ключевые агрегаты Т-34 — мотор, трансмиссию, пушку зачастую меняли в полевых условиях силами самого экипажа, а «Пантеру» приходилось буксировать к умельцам в полевые ремонтные мастерские. Вот и легковые наши автомобили до сих пор без особых проблем чинит любой слесарь с гаечным ключом — зато в автосервисе западного образца машину могут чуть ли не рентгеном просветить, выявляя проблемы, способные осложнить жизнь водителя через недели и месяцы.

Всю нашу гражданскую технику с незапамятных времён проектировали — да, пожалуй, и до сих пор

проектируют — люди, думающие прежде всего об условиях большой войны (именно большой — у локальных войн своя специфика, и кучность капризной М-16 там зачастую бывает важнее безотказности АК). Да и заказчики зачастую рассуждают, как в анекдоте: «Вдруг война, а я уставший». Порою это и впрямь необходимо: скажем, родоначальником класса городских внедорожников стала «Нива», отчётливо воплощающая отечественный инженерный менталитет. Но куда чаще возникают конструкции, оптимизированные под гипотетический наихудший случай — но именно поэтому далеко не оптимальные для тех условий, где им фактически предстоит работать.

Наши недостатки — продолжение наших достоинств.

«Пантера» загрызла хозяев

От технического превосходства до экономического краха — один шаг

Несколько слов о разорительном совершенстве. За всё надо либо платить, либо расплачиваться. В частности, техническое совершенство приходится оплачивать усложнением производства. В экономических шахматах, как и в обычных, начальный — тактический — успех часто оборачивается в конечном — стратегическом — счёте изрядными потерями.

В 1943 году танковый парк Третьей Германской империи пополнился сразу двумя новыми базовыми моделями. В отличие от четырёх предыдущих, они получили официальные собственные имена: пятая — «Пантера», шестая — «Тигр».

Шестой танк формой корпуса более всего напоминал четвёртый (поэтому, кстати, впоследствии добрую половину подбитых «четвёрок» в боевых отчётах наших и союзных войск зачисляли в «Тигры»). Правда, броня куда толще, пушка длиннее и мощнее — 88 миллиметров вместо прежних 75. Но при беглом взгляде в бою это незаметно.

Зато Т-5 трудно спутать с предыдущими творениями германских инженеров. Они впервые в истории своего бронестроения ориентировались на идею формы, най-

денную американским инженером Кристи, а до совершенства доведённую нашими Кошкиным и Морозовым. Броня «Пантеры» наклонилась под тем же углом к горизонту, что у советского Т-34.

Были и другие достоинства. Пушка, сохранила привычный немецким танкистам калибр 75 миллиметров, но удлинилась до 70 калибров и по бронепробиваемости значительно превысила пушку тридцатьчетвёрки калибром 76,2 миллиметра. Даже 85-миллиметровая пушка, появившаяся на новой модификации тридцатьчетвёрки к концу 1943-го, пробивала не больше «пантеровской». Гусеницы «Пантеры» расширились едва ли не до размера Т-34, так что проходимость стала вполне пристойна. «Пантеру» построили как бы вокруг Т-4, так что в боевом отделении стало ещё просторнее и комфортнее — работа танкистов заметно упростилась.

Увы, большой корпус даром не даётся. Первые модификации Т-4 весили около 20 тонн, последние — 25. Опытные образцы «Пантеры» зашкалили за 36,5 тонны, практически все серийные версии перевалили далеко за 40: последняя модификация добралась почти до 45. Для сравнения: Т-34 начался с 26 тонн и дошёл до 32, а ИС-2 весил 46 тонн — практически столько же, сколько «Пантера». Между тем по немецкой — основанной на калибре пушек — классификации «Пантера» относится к средним танкам, а ИС-2 со 122-миллиметровой пушкой, рассчитанной на сокрушение бетонных долговременных огневых точек, к тяжёлым. Не зря немцы уже к концу 1943-го перешли на классификацию по весу и признали «Пантеру» тяжёлым танком.

Раз «Пантера» почти вдвое тяжелее предшественника, на неё и сырья уходило вдвое больше. А во второй половине войны, по мере отступления, Третья империя располагала с каждым днём всё меньшими сырьевыми ресурсами. Из-за нехватки легирующих компонентов

броня «Пантеры» утратила вязкость и легко раскалывалась. На броню Т-4 присадок хватило бы.

Вдвое возрос и расход горючего. Между тем империя почти не располагала доступом к нефтяным ресурсам. Вся наземная техника двигалась на бензине, синтезированном из угля. Он в несколько раз дороже природного. Поэтому Германия хотя и обеспечивала свои потребности, но сил и средств на это уходило куда больше, чем у стран антигитлеровской коалиции. С появлением Т-5 расходы в топливном секторе экономики заметно возросли.

Т-5 по трудозатратам — и в производстве, и в эксплуатации — практически равноценен двум Т-4. Боевые же возможности двух «четвёрок» заметно — хотя всё же и не вдвое — выше одной «Пантеры». Переход на новый — несомненно куда более совершенный технически — основной танк не повысил, а заметно сократил потенциал германских броневых войск.

Между тем потенциал совершенствования Т-4 был ещё далёк от исчерпания. Скажем, созданная для «Пантеры» пушка монтировалась в просторной башне «четвёрки» без проблем. Бронезащиту танка довели до вполне пристойного уровня: 85-миллиметровый снаряд Т-34 пробивал её, но далеко не с любой дистанции. А простейшие меры вроде навески на лобовую броню запасных траков обеспечили защищённость, сопоставимую даже с «Пантерой». Так что Т-4 выпускали до конца войны.

Вариант «четвёрки», равноценный «Пантере» по вооружению и лобовой броне, весил бы около 30 тонн. И трудоёмкость возросла бы примерно на шестую, а то и на пятую долю. Но по сравнению с «Пантерой» это всё ещё необычайно легко и дёшево. По мнению многих военных специалистов, переход к Т-5 был стратегической ошибкой.

Германская военная мысль всегда тяготела к сверхоружию, способному одним ударом решить исход всего сражения, а то и войны в целом. Немецким генералам — как и военным всего мира — глубоко чужды мысли о трудоёмкости, цене, ресурсах и прочих экономических категориях. Когда все эти особенности мышления сошлись в одной точке, получился Т-5 — едва ли не совершеннейший по тому времени в чисто техническом отношении, но экономически провальный настолько, что фактически разоружил собственную армию.

Мыльный пузырь от Матфея

Биржевая игра требует профессионального предвидения

Несколько слов об одной из причин нестабильности рыночных механизмов.

Тема очень актуальная при нынешнем кризисе. Ещё недавно он оставался чисто финансовым. Страдали только структуры, непосредственно управляющие деньгами, и страдали в той мере, в какой их деятельность отражалась на биржах. И долгое время казалось, что лишь через биржи нестабильность распространяется на реальную экономику.

Биржи изначально изобретены не для того, чтобы на них играли краткосрочные спекулянты, способные иной раз за день либо удесятерить своё состояние, либо разориться до того, что проще из окна выброситься, чем дальше жить. В 1929 году, в разгар Великой депрессии, говорили, что в Нъю-Йорке наблюдается банкиропад.

Но первоначально биржа возникла, чтобы всякий желающий расширить своё дело мог предложить долю участия в нём всем, кто хочет выгодно вложить свободные в данный момент деньги. Предприниматель обретает деньги на расширение дела, а владельцы этих денег — уверенность в будущих доходах.

Для оценки перспективности возможных дел нужны кое-какие сведения и личный опыт. Поэтому в нормальных условиях на бирже торговали лишь очень немногие — по сравнению со всем населением страны — профессионалы. Но людей, желающих вложить свободные деньги, всегда хватает. Из них и выделилась особая прослойка биржевых игроков, рискующих не только своими деньгами, но и чужими, и, естественно, отвечающих за эти риски, если их оценка оказывается неверной.

Механизм довольно разумный. Больше денег идёт в те приложения, которые считает выгодными не только сам владелец дела, но и его потенциальные клиенты, потенциальные партнёры. То есть ещё до того, как дело развернётся, можно получить какую-то оценку того, в какой мере его стоит разворачивать.

Но дальше сработало то, что ироничные экономисты называют «закон Матфея». Я часто цитирую стих 12 главы 13 Благой вести от Матфея: «Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет». Если вам предлагают на выбор очень много каналов вложения средств, а вы не располагаете собственными возможностями надёжной их оценки, куда будете вкладывать? Очевидно, в те дела, что и без вашей поддержки растут быстрее всего.

С одной стороны, это тоже неплохо: быстро растущее дело, скорее всего, уже доказало свою полезность — стало быть, вы просто поддерживаете выбор общества. Но с другой-то стороны это может нарастить дело сверх всякой меры. В конце концов его товары и услуги не найдут себе достаточного потребителя. И «мыльный пузырь», раздутый совокупными усилиями многих тысяч (а в нынешние времена — и миллионов) инвесторов, рано или поздно схлопнется.

Чем больше непрофессионалов действует на рынке ценных бумаг, тем быстрее надуваются «пузыри» — ведь

непрофессионалы, естественно, следуют мнению большинства. «Закон Матфея» работает тем неукоснительней, чем меньше у участников рынка иных соображений.

О нескольких успешно переживших прошлую Великую депрессию крупнейших деловых людях Соединённых Государств Америки рассказывают одну и ту же легенду — благодаря чему он её пережил. Мол, однажды шёл он на Нью-Йоркскую фондовую биржу, а чистильщик обуви перед биржей поинтересовался у него курсом акций какой-то фирмы и сказал, что намерен прикупить на свои доходы — естественно, очень маленькие по любым меркам — несколько акций и сейчас выбирает, в какие вложить деньги. Этот бизнесмен, придя на биржу, начал немедленно распродавать все свои акции и переводить их в деньги. Именно потому, что понимал: когда на рынок выходит столько абсолютно некомпетентных людей, что даже чистильщик обуви становится биржевым игроком, «мыльные пузыри» неизбежны, и крах последует в очень скором будущем. Так оно, к сожалению, и оказалось.

Непосредственным толчком к нынешнему кризису послужил крах «пузыря» ипотеки. За несколько лет до того лопнул «пузырь» интернет-бизнеса — но тогда финансистам удалось накачать экономику новыми деньгами и запустить их поток в новое русло. Причём нам, пожалуй, повезло. Многие некомпетентные спекулянты тогда с живым интересом поглядывали на биотехнологии, надеясь заработать на них — и там тоже мог надуться и лопнуть «пузырь». По счастью, эта отрасль осталась в стороне от взбесившихся денег. Поэтому можно надеяться, что она надолго окажется жизнеспособной. Ведь в неё сейчас вкладывают только люди компетентные и вкладывают столько, сколько она способна эффективно переварить. Надеюсь, она выживет даже в ходе кризиса.

Сейчас те, кому удалось вовремя вывести деньги из «пузырей», в основном расходуют запасы только на текущие нужды и ждут, пока обстановка в экономике стабилизируется до уровня, позволяющего выбрать новые направления вложений, не опасаясь обвалов. Но горячие головы всё ещё ищут новые «пузыри» в надежде обогатиться, пока те не лопнули. А значит, ставят развитие экономики под новые угрозы, оттягивая выход из кризиса.

Так что сейчас лучше довериться профессионалам. Те златых гор не сулят, зато и чужие деньги на ветер обычно не бросают. Приличных банков и инвестиционных фондов у нас достаточно, чтобы, разложив по ним деньги, не испытать потери большей, чем по экономике в целом.

Репутация по Безиковичу

Не бойтесь оказаться неумелыми

Несколько слов о необходимой небрежности.

Замечательный англо-русский математик Абрам Самойлович Безикович сказал: «Репутация математика определяется числом данных им плохих доказательств». Ему ли не знать! Самому Безиковичу принадлежат десятки плохих доказательств — они и сделали его знаменитым.

Труды первооткрывателей всегда неуклюжи. Точки опоры, найденные то счастливыми озарениями, то «усильным, напряжённым постоянством», поначалу неизбежно слишком редки для создания сплошного пути. Промежутки приходится заполнять любыми подручными средствами. Многие вре́менные мостки заменяет изящными стационарными конструкциями уже не сам творец, а кто-то из его последователей. Главное — чтобы проложенный маршрут был достаточно соблазнителен для дальнейшего движения.

Первый пулемёт Хайрема Стивенса Максима невообразимо сложен по устройству и неудобен в производстве по сравнению с давно освоенными картечницами — системами непрерывной стрельбы с ручным приводом. С момента первого выстрела в 1883 году история этого нагромождения рычагов, пружин, профилиро-

ванных направляющих наполнена беспрестанными уточнениями допусков, заменами материалов, усовершенствованиями технологий...

Неизменным осталось главное: Максим первым создал действующую систему, свободную от главного недостатка картечниц — возможности принудительного отпирания затвора при затяжном выстреле. Порох, почему-то не вспыхнувший сразу, срабатывает уже при открытом стволе, а то и после попадания патрона в систему выброса стреляных гильз. Разрыв поражает всё окружающее пламенем и мелкими осколками. Повреждения механизма и ранения расчёта неизбежны. Поэтому привод картечницы крутили неторопливо — в расчёте на самые медлительные из тогдашних капсюлей — и боязливо, а страх в бою опаснее любого врага.

Десятки инженеров, включая самого Максима, постепенно усовершенствовали едва ли не все детали этого пулемёта. Общие же принципы — перезаряжение усилием отдачи, предложенное ещё металлургом Генри Бессемером, и запирание рычажной парой, найденное самим Максимом, — нашли куда более совершенное воплощение в конструкции Хуго Борхардта. Впрочем, и её вскоре радикально перекомпоновал Георг Иоганн Люгер — и по сей день она известна под торговой маркой Parabellum (si vis pacem para bellum: если хочешь мира — готовься к войне). Но и этот образец грозной эстетики смерти в конце концов уступил место иным конструкциям, зачастую заметно менее изящным, зато куда более простым в производстве и надёжным в применении.

Люгера с Борхардтом знают — за пределами тесного мирка создателей и фанатичных ценителей оружия — несравненно меньше, нежели Максима. Хотя его конструкция несомненно плоха на фоне почти любого последующего огнестрельного творения. Правило Безиковича работает!

И работает в любом деле. Джеймс Клерк Максвелл описал электромагнитное поле системой из 20 уравнений с 12 неизвестными. Практически пользоваться теорией стало возможно лишь после того, как Оливер Хевисайд преобразовал систему в 4 дифференциальных уравнения, создав для этого новые разделы в векторном исчислении. Но и новые уравнения носят старое имя Максвелла.

Хевисайду для славы хватило собственных находок. Так, он придумал способ сведения дифференциальных уравнений к алгебраическим, и математикам пришлось искать обоснование удобного открытия. Он же вычислил: на высоте 100–120 километров воздух так ионизирован, что достаточно длинные радиоволны отражаются от него и могут обогнуть всю Землю. Радисты доселе именуют распитие спирта, выданного для очистки многочисленных контактов, промывкой слоя Хевисайда.

Неуклюжи бывают не только творения, но и сами творцы. Крайне застенчивый Фрэнклин Уинфилд Вулворт не мог — по обычаю того времени — торговаться с покупателями. Потому и придумал открытое указание фиксированных цен. Это вызвало гнев его тогдашнего работодателя: нельзя выжать из каждого клиента максимум — значит, выгода упущена. Вулворт же основал собственное дело и стал одним из богатейших предпринимателей своей эпохи (не беднее Максима), ибо возместил потенциальный недобор реальным оборотом.

Сегодня неуклюжа вся мировая экономика. В ней накопились бесчисленные перекосы, породившие кризис. Он сделает невыгодными ещё многие привычные направления деятельности, а потому для его преодоления нужно найти и освоить иные изобильные поприща.

На каждом новом пути неизбежны новые сложности. Не только от нехватки личного опыта отдельных предпринимателей. Но и потому, что в деле, ещё вовсе

никем не изведанном, не у кого получить полезный совет. Придётся действовать методом тыка, то и дело набивая шишки.

Никто не гарантирует, что в конце каждого тоннеля найдётся свет. Тупиковых путей всегда несравненно больше, нежели плодотворных. Правда, за битого двух небитых дают — но дадут ли самому битому новый кредит под залог опыта, обретённого столь дорогим путём?

Единственное, что заставляет идти вперёд, — твёрдое понимание: раз старые пути завели в тупик, поиск иных решений оказывается не просто выгоден, но жизненно необходим.

Пусть путь, найденный вами, мостят и обустраивают последователи — первооткрыватель тоже внакладе не останется. Не бойтесь выглядеть неуклюже!

Репутация ударника

В судьбе мелочей не бывает

В 1938 году в очередном конкурсе на винтовку для Красной Армии победил не Сергей Гаврилович Симонов, как все ожидали, а его давний — и куда менее удачливый — конкурент Фёдор Васильевич Токарев.

Винтовка Симонова лучше по всем статьям. На три четверти кило легче токаревской. На двадцать пять деталей меньше. Шестнадцать пружин вместо двадцати двух. Семь марок стали вместо дюжины. Её производство заметно быстрее и на пару процентов дешевле.

Вдобавок на вооружении с 1936-го уже состояла винтовка Симонова. Причём не самозарядная, какую требовал новый конкурс, а куда более сложная автоматическая. Таких произвели почти 40 тысяч. Они неплохо показали себя в испанской войне.

Хотя, конечно, и недостатков хватало. Главный из них выявил опыт боевого применения. Автоматический огонь мощными винтовочными патронами из лёгкого оружия — такая нагрузка на стрелка, что попасть в цель почти невозможно. Потому и решили вернуться к самозарядке — без стрельбы очередями.

У Токарева к моменту конкурса тоже были разработки, принятые на вооружение. Но в других категориях. Он переделал первый в мире станковый пулемёт Хай-

рема Стивенса Максима в ручной — но система всё равно осталась тяжеловата, поэтому облегчённых Токаревым машин выпустили меньше трёх тысяч, а затем появился полноценный ручной пулемёт Василия Алексеевича Дегтярёва. Пистолет «Тульский Токарев» хорош и по нынешним временам — но до винтовки ему далеко. А вот множество вариантов самозарядной винтовки, предложенных Токаревым раньше, отвергнуты по бесспорно серьёзным причинам.

Да и на новом конкурсе претензии к токаревской винтовке были заметно основательнее, чем к симоновской. Против самозарядки Симонова был только один важный довод. На испытаниях у неё поломался ударник. Дефект чисто производственный. Конструктор тут, в сущности, ни при чём. Недаром на дополнительных испытаниях — весной 1939 года — никаких нареканий к винтовке не было.

Неожиданный результат конкурса породил множество легенд. Многие обвиняют Токарева в доносе на конкурента. Но тогда бы Симонова просто арестовали. Раз он остался на свободе — значит, и винтовку ни в чём не обвинили.

Журнал «Оружие» уже больше года перепечатывает знаменитый труд «Материальная часть стрелкового оружия», созданный под руководством академика Анатолия Аркадьевича Благонравова и вышедший в двух томах в 1946 году. Я в юности прочёл его от корки до корки — но поскольку тогда знал об оружии очень мало, многие важные подробности просто не оценил по достоинству. Только сейчас обратил внимание, что в описании автоматической винтовки Симонова сказано: «В первых образцах ударник имел два боковых окна... Наличие двух окон в ударнике способствовало быстрому появлению трещин в этих местах и поломкам». Вроде техническая мелочь — а всё же ключ к исторической загадке.

В винтовке Симонова поломалась деталь, с которой и в предыдущей системе были проблемы. Естественно, члены конкурсной комиссии, знакомые с предысторией этого класса оружия, решили: конструктор повторил старую ошибку. А ведь были в автоматической винтовке Симонова и другие скрытые дефекты, выявленные и устранённые лишь на основе долгого опыта. Так не лучше ли взять изделие другого конструктора? Пусть оно похуже — но в предыдущих изделиях Токарева скрытых дефектов было меньше.

Симонов — хороший конструктор. Вскоре встали на вооружение ещё два его творения — самозарядное противотанковое ружьё в 1941-м и самозарядный карабин в 1945-м.

Восстановлению репутации Симонова изрядно поспособствовал и опыт винтовки Токарева. Уже в 1939 году её в пожарном порядке стали облегчать и с 1940-го выпускали новый вариант. Но и он не прижился в войсках. Самозарядка сложнее обычной винтовки, солдат не успевали обучать её обслуживанию — и в бою она давала сбои.

Это не в укор ни Симонову, ни Токареву. Задача создания автоматической винтовки под мощный патрон — на пределе возможностей тогдашней техники. Кроме Союза, самозарядку — Джона Кантиуса Гаранда — до войны ввели на вооружение только Соединённые Государства Америки: в том же 1936-м, когда в наши войска поступила автоматическая винтовка Симонова. У немцев — при всей их высочайшей технической культуре — приличная самозарядка получилась лишь в 1943 году — и то лишь под ослабленный патрон.

После удачного немецкого опыта автоматические винтовки делают в основном под сравнительно слабые патроны. Таковы наш автомат Калашникова, американская М-16, многие менее известные, но не менее

качественные системы. Правда, сейчас — с появлением недорогих оптических прицелов — возродился интерес к винтовкам под патрон классической мощности. Но у них нынче компоновка другая — на штыковой бой их теперь не рассчитывают, зато отдача воспринимается легче, потому и огонь кучнее.

Перед войной объективно лучшей была, по мнению специалистов, самозарядка Симонова. Но от неё отказались, по сути, потому, что своей предыдущей разработкой конструктор сам себе испортил репутацию. Не зря учат: береги платье снову, а честь смолоду.

Творцы и создатели

Инновация — работа многоэтапная

Несколько слов о разных этапах творчества.

Советская техника в целом пользовалась не высочайшей в мире репутацией. Исключение — техника военная. По нашей традиции личные имена разработчиков получали очень немногие виды её — самолёты и стрелковое оружие. Так что чуть ли не единственный наш конструктор, известный всему миру — Михаил Тимофеевич Калашников.

МихТим (этой аббревиатурой он подписал материалы, поданные на конкурс 1945 года) зачастую считается чуть ли не изобретателем автомата. Саму концепцию этого класса оружия выработал ещё Владимир Григорьевич Фёдоров: оптимальный для того времени промежуточный патрон (сильнее пистолетного, но заметно слабее классического винтовочно-пулемётного) он спроектировал в 1912 году, а его автомат (под японский патрон, близкий к фёдоровскому) серийно делали с 1916-го десять лет подряд. Промежуточные же патроны и автоматы под них массово выпускали немцы с 1943-го. Но Калашников создал конструкцию столь простую и надёжную, что обращение с нею посильно самому необученному бойцу в самых тяжких условиях. Именно с его лёгкой руки автомат стал основным пехотным оружием.

Но титул изобретателя автомата неточен ещё в одном отношении. Калашников придумал немало — от счётчика моточасов (в ту пору ресурс танкового двигателя — несколько десятков часов работы, так что следить приходилось за каждой минутой) до замедления отката затвора винтовой парой. Но как раз в автомате Калашникова ни одну деталь, ни один узел, ни один принцип взаимодействия не изобрёл сам МихТим. Над отладкой серийного производства и модернизацией работало изрядное конструкторское бюро под руководством Калашникова, КБ завода «Ижмаш», несколько военных НИИ.

Спусковой механизм всех АК — творение Джона Мозеса Джонатановича Браунинга. Он же изобрёл первые работоспособные варианты газоотводного механизма. Дульный тормоз АК-74 создал Пётр Андреевич Ткачёв из ЦНИИ точной механики — конструктор весьма изобретательный, но не вписавшийся в армейскую бюрократию. Каждая деталь имеет автора, хорошо известного специалистам. И ни у одной автор не Калашников.

Отчего же именно ему досталась всемирная слава? Наверное, оттого, что Калашников — конструктор. И блестящий.

К моменту конкурса он уже многое изобрёл — и коечто даже внедрил. Но тут он, судя по всему, сознательно отказался от вольного творчества и взял на себя работу куда менее броскую. МихТим отобрал из многих тысяч решений, изобретённых задолго до него, десятки узлов и деталей, наилучшим образом решающих задачи, поставленные в условиях конкурса. Согласовал параметры взаимодействия всего отобранного. Придал системе оптимальные размеры и форму. Даже пошёл на нарушение одного из конкурсных условий: укоротил полуметровый ствол на шесть сантиметров — и доказал

комиссии, что общая боеспособность автомата от этого только возросла.

Изобретение — лишь первый этап громадной работы.

Почему Санта Клаусы всего мира ходят в красном с белой отделкой? В годы Великой депрессии мало кто располагал деньгами на средневековый костюм: Николай — епископ провинции Ликия (живший в городе Миры, откуда и прозвище Мирликийский) — благотворительствовал в IV веке, но традиция связывать с его именем рождественские подарки возникла куда позже. Coca-Cola за свой счёт распространила многие тысячи нарядов — своей фирменной расцветки. Но автор мощной рекламной идеи так и остался безвестным. Ведь работали многие. Кто-то в бюрократическом механизме большой корпорации должен был его поддержать, кто-то — выделить деньги, кто-то — организовать заказ пошива и продумать систему распространения...

От идеи до воплощения — немалый и нелёгкий путь. Первый его шаг — далеко не всегда самый трудный. Поэтому и прославиться может не только изобретатель. Заслуги Браунинга (или, скажем, незаурядного изобретателя Сергея Ивановича Мосина) неоспоримы — но и Калашников достоин своей славы.

Денег ему она не принесла. В советское время лицензии на производство АК раздавались по политическим поводам, а уж автору и подавно не причиталось ничего, кроме похвал. Нынче МихТим зарабатывает лицензиями на сопутствующие товары — от ножа до водки с его именем.

Зато славу и богатство, связанные с техникой, можно обрести, даже вовсе никоим образом не соучаствуя в её разработке.

Оливер Фишер Винчестер не пытался изобретать новые типы оружия или хотя бы конструировать новые образцы. Но в 1855 году при разорении фирмы, создан-

ной Горацием Смитом и Даниилом Вессоном, он — крупнейший акционер — взялся за реорганизацию, чтобы его вложения не пропали даром. Смит и Вессон вскоре создали новую фирму: опыт деловой неудачи подсказал им, как действовать эффективнее. Винчестер же и впредь сотрудничал с большинством лучших конструкторов своего времени, закупал разработки других фирм, налаживал производство, рекламу и сбыт... Даже сейчас — через 128 лет после его смерти, многократно сменив владельцев — завод в Нью-Хэйвене, Коннектикут, по праву носит его имя.

Не зря американцы говорят: доллар тому, кто придумал, десять тому, кто сделал, сто тому, кто продал.

Как застрелить винтовку

Руководитель без знания отраслевой специфики разрушителен

Несколько слов об опасности профессиональных управленцев.

Конструкторы охотничьей винтовки модели семьдесят прославленной фирмы Винчестер — как и разработчики большей части магазинных винтовок всего мира — взяли за основу затвора ещё более прославленную разработку Петера Пауля Франц-Андреасовича Маузера, в основных подробностях воплощённую уже в армейской винтовке 1898 года и с тех пор воспроизводимую с минимальными технологическими дополнениями.

Выбрасыватель стреляных гильз чаще всего размещён в пазу затвора и при его закрывании последовательно упирается в гильзу своим скосом, откидывается в сторону, переваливает через край, цепляется за гильзу крючкообразным концом. Маузер сделал широкий выбрасыватель, не вращающийся вместе с затвором, а движущийся в отдельном пазу ствольной коробки: затвор тянет его взад-вперёд через кольцо, прикреплённое к выбрасывателю и наброшенное на затвор. Гильза, поднимаясь из магазина, сразу попадает краем под выбрасыватель и плотно прижимается донышком к ча-

шечке затвора. Дальше патрон движется строго по оси ствола, не болтаясь из стороны в сторону.

В армейских условиях строго осевая подача патрона несущественна. А вот охотникам нежелательна даже мелкая неровность в головной части пули: животное — в отличие от человека — желательно не ранить, а сразу убить, так что требования к кучности огня куда выше боевых. Да и конструкции охотничьих пуль куда разнообразнее армейских: тонкий край развёртывающего пулю углубления, пластмассовый заполнитель этого углубления, а то и вовсе оголённый свинец. Всё это не только легко повреждается, но может даже заклиниться на входе в ствол и замедлить повторный выстрел: добыча уйдёт. Выбрасыватель Маузера, предотвращающий все эти неприятности, стал основой большинства затворов охотничьих винтовок. Англичане — доселе престижнейшие производители охотничьего оружия — говорят: лучшие ружья и винтовки делаем мы, а вот лучшие затворы приходится покупать у немцев.

Винчестер-70 строился не вокруг покупного затвора. Американцы умеют всё изготавливать самостоятельно — пусть и менее точно, чем европейцы, но быстрее и дешевле. Так что затвор делали на месте. И делали хорошо: винтовка не только была в числе популярнейших в Западном полушарии, но и в Восточном неплохо продавалась.

Формула «лучшее — враг хорошего» порою действует слишком буквально. В начале 1960-х фирму возглавили профессиональные управленцы: с дипломами магистров делового администрирования, обширным опытом финансовых успехов, наилучшими рекомендациями с мест предыдущей работы (как известно, безопаснейший способ избавиться от сотрудника — рекомендовать его на повышение где-то в сторонке)... У них было на первый

взгляд всё необходимое для дальнейших творческих успехов.

Вскоре борьба за удешевление производственных процессов добралась до флагманского изделия. В частности, широкий невращающийся выбрасыватель с отдельным направляющим пазом уступил место узкому зацепу, качающемуся в пазу затвора и вращающемуся вместе с ним. Патроны уже не захватывались в начале подачи, а проталкивались в ствол по случайной траектории, определяемой колебаниями рук охотника в спешке лихорадочного азарта. Пули на подходе к стволу сминались, а то и застревали.

Далеко не каждый охотник интересуется подробностями внутреннего устройства своих огнестрельных инструментов. Винтовку с давней почтенной репутацией довольно долго покупали в прежнем режиме. Но рассказы о нежданных осечках и промахах с каждым днём звучали всё чаще. В конце концов выяснилось: причина странного поведения старого, но грозного оружия — изменения в конструкции. Пришлось скоропостижно восстановить выпуск старого затвора с фиксацией патрона в начале хода подачи. А заодно — сменить марку на Винчестер-700: старое название оказалось безнадёжно скомпрометировано. Добавились расходы на рекламную раскрутку нового названия.

Но и это не вполне помогло. Рынок оружия в мирное время — один из самых насыщенных. Добротный ствол выдерживает многие тысячи выстрелов, сохраняя кучность в доли угловой минуты. Обычно же на привычных для охотника дистанциях приемлем разброс в одну-две минуты — тут и десятки тысяч выстрелов получатся. Надёжность большинства прочих узлов примерно такая же, а ломкие мелочи несложно заменить. Новое оружие покупают разве что в тех — далеко не частых — случаях, когда оно явно и намного превосходит

прежнее. Между тем производственные мощности оружейников строятся с оглядкой на чрезвычайные обстоятельства. Даже охотничий дробовик незаменим при штурме окопов: картечный выстрел вдоль траншеи выметает вражеских бойцов начисто. Избыток производительности порождает конкуренцию, почти невообразимую на других рынках. Нишу, ненадолго освобождённую старой винтовкой, тут же заняли другие фирмы. Спрос на Винчестер-700 стал в разы меньше, чем на Винчестер-70 парой лет ранее.

Общее образование — в том числе и управленческое — вряд ли может кому-то сильно повредить. Но без хорошего владения проблематикой конкретной отрасли — а порою и конкретного изделия — оно немногим полезнее мощного мотора в автомобиле без руля на дороге без указателей.

Коммерческое бессмертие

Когда скорость важнее качества

Телезрители знают меня в основном по передачам «Брэйн-ринг» и «Своя игра». В обеих отвечают наперегонки. Пусть ты знаешь по теме вопроса целые тома, а соперник одно слово — но если он нажал кнопку на миллисекунду раньше и правильно ответит, то ты проиграл.

Особо обидно, если ответ понятен ещё во время чтения вопроса — но соперник раньше среагировал на стартовый сигнал. В жизни такое тоже бывает. Так, объявление конкурса — сигнал. Не успел оформить все документы или почта их доставила не вовремя — ты не у дел.

Зато если уж успел — ты безусловный победитель. Причём в жизни — несравненно дольше, чем в спорте.

Первый язык программирования сравнительно высокого уровня, придуманный в 1954 году ФОРТРАН (Formula Translation), примитивен, как положено первенцу. Более совершенные и комфортные были разработаны уже через пару лет. Но за эти годы учёные — создатели и пользователи нового инструмента — успели написать так много готовых блоков для типовых операций, что переводить их на другие языки куда менее выгодно, чем продолжать писать на этом — неуклюжем, примитивном, изобилующем конструкциями, прово-

цирующими ошибки. Доселе к любому новому поколению процессоров пишут компилятор с ФОРТРАНа. Правда, на персональных компьютерах ими пользуются сравнительно немногие. Зато мощнейшие суперсистемы тратят на исполнение программ, написанных на ФОРТРАНе, порою до девяти машинных команд из десяти.

В отраслях менее динамичных, нежели компьютеры, «коммерческое бессмертие» и подавно случается едва ли не на каждом шагу.

Главный вклад в разработку нашей винтовочной гильзы внёс генерал Вельтищев ещё в 1889 году — для однозарядной винтовки. На вооружение гильза принята в 1891 году вместе с магазинной винтовкой Мосина. С годами технологию производства гильзы отработали до такого совершенства, а патронов с нею наштамповали так много, что под неё доселе разрабатывают новые системы. Хотя особенности её устройства, оптимальные для однозарядной винтовки рядового пехотинца, крайне затрудняют работу магазинных и ленточных систем подачи, ограничивают кучность огня, мешают выполнить многие другие современные требования. А под новое оружие — вроде единого пулемёта Калашникова или снайперской винтовки Драгунова — продолжается выпуск патронов. Конца этому порочному кругу не предвидится.

Механизмы первых пишущих машинок тяжелы и неуклюжи. Потому медлительны. Чуть быстрее постучишь по клавишам — рычаги не успеют вернуться на место и сцепятся. Пока облегчить механику не удавалось, инженеры придумали выход: разложили часто используемые буквы подальше друг от друга. Средняя скорость печати — с учётом потерь времени на распутывание рычагов — выросла. Когда наконец появились быстрые конструкции, люди уже привыкли к раскладке

QWERTY и не хотели переучиваться. А уж при слепой десятипальцевой печати можно приспособиться к любой раскладке. Так что быстрая раскладка, разработанная Двораком, хотя и значится в настройках операционных систем, но на практике не используется. А вот русская раскладка ЙЦУКЕНГ сделана уже для сравнительно быстрой механики, так что оптимальна для русского языка (включая украинский и белорусский диалекты), а не порождена коммерческим бессмертием первых решений.

Коммерчески бессмертны и многие наши обычаи. Атеизм долго не мог объяснить, откуда берутся правила: что такое хорошо и что такое плохо. Но и вероучители не проясняли, отчего законы и морали столь многообразны. Изучение законов эволюции показало: разные территориальные, национальные и социальные группы человечества непрерывно опробуют разные варианты устройства общества и способов его поведения — так же, как природа непрерывно испытывает разные варианты устройства живых существ и их сообществ. Те, кто удачнее устроен внутри и точнее соответствует внешним условиям, выживают лучше и размножаются интенсивнее, так что в конце концов вытесняют менее приспособленных. Стабильное процветание общества — свидетельство удачного выбора образа деятельности. Таких образов много — но если уж один из них выбран, то до поры до времени его придерживаются даже вопреки изменениям в обществе и мире.

Наука ещё не научилась предсказывать пути развития эволюции. Ведь точность таких предсказаний принципиально ограничена. Одно из примерно равноценных продолжений может оказаться выбрано случайным образом — но дальнейшее развитие столь зависимо от этого выбора, что прочие варианты лишаются всяких шансов на демонстрацию собственных досто-

инств: затраты на переход всего общества к ним превышают возможный выигрыш.

Эволюционное происхождение и причины устойчивости закона и морали прекрасно обосновал лауреат премии Банка Швеции в память Альфреда Нобеля (в просторечии — Нобелевской премии по экономике) Фридрих Август фон Хайек в книге «Пагубная самонадеянность». На высочайшем макроуровне — та же гонка, что и в повседневном бизнесе.

Опередить конкурентов не менее важно и на микроуровне. Шанс продолжить существование своих генов получает именно первый сперматозоид, добравшийся до яйцеклетки.

Вся наша жизнь — проявление коммерческого бессмертия.

Возобновляемое чудо

Энергетика будущего — не ветряк, а реактор

Человеку, не имеющему ни опыта самостоятельных разработок, ни хотя бы серьёзной подготовки по математизированным наукам и ремёслам, отличия науки и техники от магии представляются если не вовсе надуманными, то по меньшей мере незначимыми. От точных занятий ждут не менее чуда.

В последние предкризисные годы — в связи с очередным циклом роста стоимости сырья в целом и энергоносителей в частности — особое чудо выпрашивалось в энергетике. Особо эффектным направлением энергетического чудотворчества с давних пор служит тема возобновляемых энергоресурсов.

В нашей вселенной действует не только первый закон термодинамики (невозможность вечного двигателя), но и второй (невозможность получить энергию охлаждением одного предмета без нагрева другого) и даже третий (невозможность извлечения из нагретого тела всей содержащейся в нём энергии). Тут никакой энергоресурс нельзя считать вполне возобновляемым. На практике речь идёт о ресурсах, возобновляемых потоком энергии от Солнца (а в очень отдалённой перспективе — и других космических объектов). Но этой энергии хватит ещё на миллиарды лет, так что в рамках на-

ших повседневных планов ресурсы и впрямь можно считать неограниченно возобновляемыми.

Да и технически дело представляется несложным. Солнечный свет можно использовать в полупроводниковых батареях. Вызванный им нагрев — в тепловых станциях. Можно перехватывать результаты нагрева — ветер, речные потоки, морские течения...

Увы, изящные инженерные решения упираются в сухие числа. На уровне орбиты Земли плотность солнечного излучения — 1400 ватт на квадратный метр. До поверхности нашей планеты доходит всего 1100: немалую долю тепловой части спектра перехватывают и переизлучают водяной пар и углекислота — так называемые «парниковые газы» (кстати, это сопоставление чисел уже доказывает лживость парниковой теории глобального потепления: я уже не раз говорил об этой грандиозной коммерческой фальшивке).

Это вроде бы немало. Даже если учесть, что вращение Земли позволяет в каждой данной точке улавливать в лучшем случае порядка четверти потока (в основном он падает не перпендикулярно поверхности, а вскользь). Но на естественные ограничения налагается ещё и техническое, именуемое КПД — коэффициент полезного действия.

Лучшие современные солнечные батареи преобразуют в электроэнергию примерно одну восьмую, а то и десятую долю падающего на них светового потока. Причин этому много. Одна из важнейших в том, что энергия квантов естественного света размазана по всему диапазону возможных частот, а для создания зарядовой пары в полупроводнике нужна определённая энергия. Часть фотонов, падающих на батарею, вовсе не располагает энергией, достаточной для генерации тока, а другая часть использует лишь часть своей энергии: приёмы использования одного фотона для генерации

нескольких зарядов слишком сложны и ненадёжны, чтобы строить вокруг них серьёзную систему.

КПД ветровых турбин тоже далёк от идеала. Вдобавок длинные лопасти, достаточные для работы при слабом ветре, легко разрушаются сильным воздушным потоком. Приходится либо разворачивать их плоскости по ветру, выключая электростанцию как раз в те моменты, когда она могла бы давать наибольшую мощность, либо использовать для лопастей новейшие материалы — особо прочные и поэтому особо сложные в производстве.

Учёные, инженеры, экономисты давно изучили проекты использования возобновляемых энергоресурсов. В обозримом будущем могут быть рентабельны только классические электростанции на реках да немногочисленные приливные станции в нескольких особо удобных бухтах. Остальные чудеса изобретательского гения за весь срок работы выдадут меньше энергии, чем уйдёт на их изготовление. Они полезны разве что в местах, где не наладить энергоснабжение из обычных источников: на уединённых маяках и автоматических метеостанциях, в горных ретрансляторах радиосигнала, в космосе...

Радикальный прорыв в материаловедении мог бы изменить картину. Но пока ничего подобного не предвидится. Материаловедение опирается на физику твёрдого тела, та — на квантовую механику, а последние радикальные квантовомеханические открытия сделаны уже около восьми десятилетий назад (даже лазер, созданный в начале 1960-х — следствие из статьи Эйнштейна, написанной ещё лет за сорок до его сотворения).

Мало помогут и нанотехнологии — главный сегодня источник ожиданий чуда. Механические свойства комбинаций микрочастиц и матриц тоже неплохо изучены.

Радикальный рост прочности (и долговечности) вряд ли уложится в столь скромные затраты, чтобы обеспечить рентабельность тех же ветряков или малогабаритных приливных турбин.

На нынешнем уровне развития науки и техники единственный перспективный вид энергоресурсов — делящиеся материалы. Ядерные станции — самые безопасные (даже с учётом катастрофы в Чернобыле). А при переходе на цикл с преобразованием некоторых неделящихся изотопов в пригодные для реактора — самые рентабельные. Политические угрозы вроде государственного и частного терроризма легко устраняются организационными мерами. Стройте реакторы — и забудьте околонаучные мифы о возобновляемых энергоресурсах.

Безальтернативная энергетика

Ветряки и солнечные батареи не спасут планету

Несколько слов об энергетических альтернативах. Панический доклад о грядущем дефиците нефти — а значит, катастрофическом её подорожании — подкрепили грустные замечания экспертов: мол, альтернативные технологии — вроде солнечных батарей или битуминозных песков — пока нерентабельны и нефть не заменят.

Многие из этих технологий отработаны в незапамятные времена, пригодны к немедленному — и выгодному! — применению. Сдерживает инвесторов неопределённость положения на рынке: нефть неизменно дешевеет лет через десять после очередного всплеска, и вложения, выгодные при нынешней конъюнктуре, могут при спаде нефтерынка стать нерентабельны.

Но кое в чём можно верить даже экспертам. Рецепты, коим обычно сулят самое блестящее будущее — например, ветряные электростанции, — действительно не окупаются. И не окупятся, пожалуй, никогда.

С точки зрения профессиональных экологистов альтернативные энерготехнологии — только те, что опираются на возобновляемые источники энергии. Но любой источник энергии рано или поздно исчерпается.

То, что считают неисчерпаемым экологисты, фактически подпитывается из конечного источника — Солнца. Угаснет оно лишь через миллиарды лет. На наш век хватит. Но мощность Солнца ограничена.

Энергии, выработанной нашим светилом в считанные секунды, человечеству хватило бы на многие века. Но до Солнца полтораста миллионов километров. Его излучение расходится во все стороны равномерно. На уровне земной орбиты на каждый квадратный метр приходит всего 1400 ватт.

Это немало. Искусственные спутники Земли, как правило, питают всю свою разнообразную аппаратуру от солнечных батарей. Пусть те превращают в электричество всего седьмую или даже восьмую часть падающего на них света — нужна лишь батарея побольше.

Но спутники — вершина современной технологии. Да и мощность у них скромна. Не зря для приёма сигнала даже с самых совершенных телеретрансляторов нужны антенны площадью порядка квадратного метра и хитрые многоступенчатые усилители — пусть даже успехи полупроводниковых технологий и позволяют упаковать все эти ступени в компактные микросхемы.

До поверхности Земли доходит всего 1100 ватт на квадратный метр поперечного сечения планеты: атмосфера поглощает часть энергии — знаменитый парниковый эффект несколько охлаждает планету. Общая мощность — примерно 55 триллионов киловатт при ловле энергии в космосе и 44 на поверхности. Нынешнее энергопотребление человечества — порядка десяти миллиардов киловатт — в тысячи раз меньше. Даже с учётом ожидаемого роста — примерно в два с половиной раза в ближайшую четверть века — резерв колоссален.

Увы, по меньшей мере девять десятых солнечной энергии требуется на неэлектрические нужды: от обыч-

ного освещения до фотосинтеза в растениях (в том числе океанских одноклеточных водорослях, вырабатывающих основную часть столь нужного нам кислорода). Да и коэффициент полезного действия всех существующих способов переработки света в электричество весьма далёк от единицы. Даже теоретически мы сможем использовать примерно сотую долю солнечной энергии.

Это тоже на порядок больше, чем нам нужно. Но...

Солнечная батарея площадью один квадратный метр даёт 100–150 ватт в идеальных условиях — когда повёрнута перпендикулярно свету при чистом небе. Среднесуточная её мощность даже на экваторе вдвое меньше. Цена же при нынешних технологиях — примерно 500 долларов. То есть 8–10 долларов за среднесуточный ватт. Обычные же энергоустановки — примерно доллар за ватт. Какая уж тут рентабельность!

Световой поток так неплотен, что для его промышленного использования нужны очень громоздкие установки. Или громадные посевные площади — если (как сейчас модно) перерабатывать на топливо кукурузу и рапс.

Ископаемые топлива — концентрат солнечной энергии, падавшей на Землю миллионы лет. Плотность извлекаемой из них мощности на многие порядки выше плотности солнечного света. Соответственно для её переработки нужны системы несравненно компактнее сопоставимых по мощности солнечных.

Есть и естественные концентраторы солнечной энергии. Но самые удобные из них — реки, собирающие её со многих тысяч квадратных километров — уже используются почти на пределе допустимого: дальше нужны затопление громадных плодородных просторов, строительство в вечной мерзлоте и прочие не менее разорительные затеи.

Нагляднейший пример бесперспективности экологичной энергетики — ветроэлектростанции. Их лопасти должны охватывать огромную площадь для сбора приемлемой мощности даже при слабом ветре. Чтобы при таком размере выдержать напор сильного ветра, их приходится делать из самых прочных материалов по сложной технологии. Между тем основную часть времени ветряк вертится слабо. В итоге энергозатраты на его изготовление зачастую превышают энергию, которую он выработает за весь срок службы.

Порой рентабельностью приходится пренебречь. В космосе не обойтись без солнечных батарей, на уединённых маяках и полярных станциях — без ветряков. Но в качестве массовой замены классической энергетики экологически чистые альтернативы обречены остаться пиаровским инструментом в межотраслевой конкурентной борьбе да инструментом распила казённых бюджетов.

Научное противоядие

Мифы о науке порождены её раздробленностью

Несколько слов о следствиях раздробления науки. Уже не первый век могущество науки превозносится на все лады. Многие полагают осуществимым — хотя бы в отдалённой перспективе — всё, чего человечеству когда-нибудь захочется. В художественном творчестве учёные всё чаще занимают место, доселе отведенное разве что великим волшебникам.

Художественные творцы вправе фантазировать по собственному усмотрению. Гораздо страшнее, когда их примеру следуют вполне серьёзные люди во вполне серьёзных делах. И ожидают от науки то великих чудес, то великих злодейств — безотносительно к реальности.

Страх перед достижениями науки общеизвестен. Ещё Хёрбёрт Джордж Джозефович Уэллс прославился сочинениями об ужасных открытиях: то доктор Моро хирургически придаст животным человеческие черты (а те в конце концов расправятся с ним с человеческой изобретательностью и звериной решительностью), то химик Гриффитт сделается невидимкой (и будет убит окружающими, убоявшимися его уникальных возможностей)... Впрочем, ещё задолго до пессимиста Уэллса пламенный певец гимнов научным возможностям

Жюль Габриэль Пьерович Верн тоже отдал дань всеобщему страху: в «Пятистах миллионах бегумы» профессор Шульце тратит несметные деньги на создание сверхмощных средств истребления.

Впрочем, и без гениальных фантастов страх очевиден и неизбывен. С каждым днём рождаются всё новые пугающие мифы. Природные явления — вроде естественных колебаний концентрации озона или температуры — объявляются делом шаловливых рук человеческих. Подлинные проявления высокого научного мастерства — скажем, замена отбора удачных последствий случайных изменений генофонда целенаправленным формированием нужного набора свойств — и подавно представляются злонамеренно разрушительными.

За большей частью модных страхов просматривается чей-нибудь корыстный интерес. Но урожай выгодных сплетен всходит на хорошо подготовленной почве дозированного невежества. Чтобы поверить, например, в углекислотную теорию глобального потепления, надо по меньшей мере не представлять себе подлинные механизмы теплоотвода от земной поверхности. А ещё лучше — вовсе не чувствовать ключевые закономерности теплообмена. И в то же время необходимо хоть что-то слышать о существовании как самих инфракрасных лучей, так и различий в их поглощении разными газами: человек, вовсе не слыхавший о тепловом излучении, просто не обратит внимания на обширные наукообразные рассуждения профессиональных эколожцев.

Популярность околонаучных мифов опирается на технологию образования, дающую некоторое представление о реальных фактах, но не указывающую реальных же взаимосвязей между ними. Если вовсе не знаком с основами химии, само понятие озонового слоя останется пустым звуком. Если владеешь тонкостями понятия цепной реакции — легко заметишь натяжки в

фундаментальных трудах об опасности фреонов, даже невзирая на Нобелевскую премию, освятившую сии плоды хорошо оплаченной околонаучной фантазии. А вот когда ограничен обрывочным изложением, характерным для современного школьного курса — знаний хватит как раз на некритичное восприятие тщательно перемешанных фрагментов истины и фантазий.

Более того, даже хорошо подготовленный учёный может за пределами своей узкой специальности оставаться наивен, как рядовой школьник. Ведь фундаментальные представления о природных взаимосвязях, выходящих далеко за пределы каждой конкретной науки, считаются нынче философствованием, недостойным серьёзного профессионала. Более того, даже общеизвестное правило «крупнейшие открытия делаются не в рамках научных дисциплин, а на их стыках» принято считать уделом гениев, а не повседневной рекомендацией, задающей оптимальное направление поиска. Можно годами исследовать разновидности какой-то живности — но только Чарлз Робёрт Робёртович Дарвин из многообразия галапагосских вьюрков сделал вывод о независимой эволюции на отдалённых друг от друга островах и в конце концов пришёл к концепции происхождения видов путём естественного отбора случайных изменений, хотя все сведения, необходимые для этого вывода, были доступны биологам ещё за десятилетия до его участия в кругосветном исследовательском плавании.

Идея узкой специализации в науке поддерживается не только общеэкономическим представлением о разделении труда как главном инструменте повышения его производительности. Куда разрушительнее уверенность в невозможности овладеть всеми горами сведений, накопленных многими веками развития науки и техники. Между тем это развитие вовсе не сводится к сбору раз-

розненных фактов. Несравненно важнее построение теорий, охватывающих факты, складывающих цельную систему, позволяющих выводить всё новые факты из немногочисленных уравнений и концепций.

Теории также развиваются, пересматриваются, совершенствуются. Но именно в силу этого беспрестанного совершенствования каждая новая версия теории охватывает всё больше сведений, ранее представляющихся разрозненными. Поэтому суммарный объём теорий, необходимый для постижения мира как единого целого, ещё долго будет оставаться в пределах аналитических способностей отдельного человека.

Самое сильнодействующее противоядие околонаучным мифам — цельное (то есть подлинно научное) представление о мире.

Космическое будущее

Невидимая рука рынка тормозит прогресс

Несколько слов о космическом будущем человечества.

Эту тему подсказал мне мой брат. В отличие от меня, погрязшего в текучке, он — опытный управленец, умеющий работать на перспективу — нашёл время задуматься: почему так медленно осваивается космос. Ведь на заре космической эры — на рубеже 1950–1960-х годов — перспективы представлялись более чем радужными.

Оптимизм изрядно подпитывает неизбежная недооценка трудностей, возникающих по ходу любой разработки. Но всё же пару десятилетий назад возможностей техники хватало, чтобы завести хотя бы постоянную базу на Луне.

Увы, за краткой полосой качественного развития космонавтики наступил этап чисто количественного наращивания. А затем — и количественного спада.

Понятно, почему стабилизировалось число спутников связи. Совершенствование схемотехники позволило нагрузить каждый спутник более разнообразными обязанностями. Аналогично сокращение частоты пилотируемых полётов формально объясняется появлением постоянных орбитальных станций. Вместо того,

чтобы каждую исследовательскую задачу решать запуском отдельного экипажа, теперь нагружают новыми работами тех, кто уже в космосе.

Но всё-таки налицо спад. Прежде всего — в разработке технологий.

Американские космические челноки создавались три десятилетия назад. Первый полёт ныне покойного челнока «Колумбия» — в день космонавтики 12 апреля 1981 года, то есть ровно через двадцать лет после полёта Юрия Алексеевича Гагарина. Кстати, не удивлюсь, если узнаю, что кто-то в Америке выбрал эту дату, чтобы через несколько поколений вести родословную космонавтики не от нашего корабля «Восток», а от их челнока. Тамошние пропагандисты дальновидны, упорны и умеют врать.

Наши технологии ещё старше. В основе всех наших пилотируемых пусков — компоновка, найденная Сергеем Павловичем Королёвым ещё в середине 1950-х в знаменитой ракете Р-7. Корабль «Союз» начали проектировать десятилетием позже — в рамках нашей лунной программы. Правда, наши «Семёрки» и «Союзы» — в отличие от челноков — постоянно модернизируются, ибо одноразовые. Но качественного прорыва не случилось.

Одна из очевидных причин застоя в небе — прекращение противостояния экономических систем. Космические успехи считались серьёзным доводом в пользу коммунизма или капитализма. Теперь вроде бы доказывать нечего.

Но мне кажется, тормоз куда глубже — в близорукости рынка.

Рынок как управляющая структура очень чётко отслеживает текущее состояние. Но довольно плохо и с изрядными сбоями прогнозирует перспективы развития. Это, в частности, одна из причин экономических

кризисов. Когда все ориентируются на одну и ту же перспективу — рано или поздно все неизбежно заходят в один и тот же тупик.

Как только рынок решил, что космос освоен достаточно, чтобы извлекать из него непосредственную коммерческую прибыль, развитие принципиально новых технологий прекратилось. А ведь замыслы были интереснейшие!

Например, на заре космонавтики разработано множество проектов ядерных реактивных двигателей. Для этого изысканы компоновки реакторов, способные при небольшой доработке представлять интерес и для многих земных применений. Но всё это направление исследований закрыли из опасения катастрофы на старте. Правда, ядерный реактор в принципе куда надёжнее химического двигателя, но ведь его ещё отладить надо — опытные образцы всегда шалят! Если бы мы в своё время не пожалели сил и средств на лунную базу, это направление развивалось бы безопасно: на безвоздушной Луне радиоактивная пыль далеко не разлетится! А ядерная энергетика — качественно иной уровень космонавтики в целом. Скажем, полёты на Марс и Венеру не за многие месяцы, а за считанные недели. И расходы на единицу груза ниже на порядки — то есть становятся рентабельны многие новые направления деятельности.

Я мог бы привести ещё многие десятки колоритных примеров. Но и одного этого хватит, чтобы понять, как застой порождается той же близорукостью рынка, что создаёт и множество иных неприятностей. В частности, кризис.

Всё та же близорукость рынка заставляет его в поисках выхода из кризиса многократно метаться во все стороны. Значит, в ближайшее время нам понадобится очень серьёзное государственное управление — для подавления чрезмерных колебаний рыночной стихии.

Существенным элементом государственного выхода из кризиса могло бы стать развитие качественно новых отраслей — в том числе и для космоса.

Казалось бы, сейчас на новшества не хватает средств. Но когда мы начинали развивать космонавтику, страна была несравненно беднее, чем сейчас: первые ракетостроительные заводы заработали через считанные годы после Великой Отечественной войны. И ничего: развили и космические технологии, и ядерные, и даже с голоду не вымерли, несмотря на бесчисленные нынешние вздохи либерального ужаса по поводу тогдашней нищеты.

Да и не одними деньгами измеряется благополучие. Когда полетел Гагарин, мне было семь лет, четыре месяца и три дня. До сих пор прекрасно помню то ощущение счастья — не только у меня, но и у всех, с кем я говорил, кого мог видеть на улице или в телевизоре. Такое счастье победы всего человечества не купить никакими материальными благами.

Керосин или водород

Эффекты масштаба в экономике бывают важнее, чем в природе

Георгий Михайлович Гречко до полётов в космос был конструктором космической техники. В ту пору Сергей Павлович Королёв, чтобы поощрить самостоятельность молодых инженеров, приглашал их на совещания по вопросам, выходящим далеко за пределы их знаний, опыта и ответственности.

На одном совещании Королёв спросил Гречко: какое топливо лучше — водород или керосин? Гречко тогда занимался баллистикой — и для него ответ был далеко не очевиден. Нужные для ответа сведения есть в школьном курсе — но в детстве не каждый обращает на них внимание.

Теплотворная способность керосина в три с лишним раза меньше, чем водорода. Но чтобы водород не выкипел до старта, нужна мощная теплоизоляция и система охлаждения. Масса конструкции съедает ощутимую часть выигрыша в массе топлива.

У геометрически подобных тел площадь поверхности пропорциональна второй степени линейных размеров, а объём — третьей. По мере роста размера на единицу объёма приходится всё меньшая поверхность.

Чем больше ракета, тем меньше тепла притекает через её поверхность к каждому килограмму топлива, тем легче бороться с этим притоком — и тем выгоднее использовать водород. В частности, на водороде летали крупнейшие в мире ракеты — американская «Сатурн-5», летавшая на Луну, советская «Н-1», тоже созданная в рамках лунной программы, советская «Энергия».

Сведения, нужные для ответа на вопрос Королёва, есть в школьном курсе не только физики, но и биологии. Правило Бергмана указывает: животные одного вида крупнее на севере, чем на юге. Чем крупнее животное, тем меньше теплопотери в расчёте на единицу массы, а потому легче поддерживать на морозе постоянную температуру тела.

От размеров зависит не только поверхность. Масса пропорциональна третьей степени размера, а поперечное сечение конечностей — второй. Крупнее тело — больше нагрузка на конечности. Природе приходится менять пропорции. У полярной лисы — песца — ноги заметно толще, чем у пустынной лисы — фенека, у белого медведя — толще, чем у бурого. Тонкие лапки крошечного дамана несравненно изящнее тумбообразных подставок под телом его громадного родственника — слона.

Эффекты масштаба зачастую имеют и денежное выражение.

Хранение одного бита данных на флэш-карте большего объёма дешевле. Обвязка — схема, сопрягающая память карты с внешним миром — почти не зависит от размера самой памяти. Если её цена разложится на большее число битов, каждый из них будет дешевле.

При укрупнении предприятия оплата управленческой верхушки раскладывается на больший объём продукции — себестоимость падает. Увы, рост сверх какого-то предела вынуждает добавлять новые уровни уп-

равления — и доля управленческих расходов в себестоимости вновь возрастает.

Увлекаться укрупнением — как и впадать в любую крайность — рискованно: мало ли какие побочные эффекты вылезут при росте масштаба!

В 1970-х великие математики — академики Виктор Михайлович Глушков и Леонид Витальевич Канторович — установили, сколь быстро растёт число арифметических действий, необходимое для решения задач балансировки — и тем более оптимизации — производственного плана, с ростом числа названий изделий и деталей в плане. Век-другой назад можно было эффективно управлять предприятием с номенклатурой в несколько сот изделий (и сотнями деталей в каждом). Современная академикам вычислительная техника обеспечила управляемость при многотысячной номенклатуре. Экономикой современного государства (где названия изделий исчисляются десятками миллионов) невозможно распоряжаться из единого центра, даже если этот центр сможет использовать компьютеры размером в целую планету. Знали бы это при Марксе, вряд ли он требовал бы обобществления ради централизации. Увы, само понятие вычислительной сложности, использованное в рассуждениях Глушкова и Канторовича, появилось уже после смерти Карла Генриховича. В молодости он неплохо разбирался в математике. Но никак не мог узнать природу стратегической ошибки, в которую вверг одну из великих держав.

Разработка нового товара стоит немалых денег. Тот, кто его скопирует, может продавать дешевле, поскольку не потратился на творчество. Чтобы не давать конкурентам явного преимущества, расходы на разработку желательно разложить по большему числу готовых изделий. Минимальный размер рынка, при котором новинка окупится и выдержит конкуренцию, зависит в основ-

ном не от вида конкретной технологии, а от общего уровня развития. Сейчас в Западной Европе можно проектировать в расчёте на рынок с общей численностью населения не менее четырёхсот миллионов человек. У нас — при относительно низкой оплате разработчиков — для окупаемости хватит и двухсот миллионов. Но каждая из республик былого Союза меньше. Без создания Единого Экономического Пространства — в составе хотя бы Белоруссии, Казахстана, России, Украины — наши разработчики в скором будущем разорятся и исчезнут, а вслед за ними производителей задавят новинки из других регионов: ведь и Европейский Союз, и Североамериканская Зона Свободной Торговли достаточно велики, чтобы их разработки окупались уже на внутреннем рынке, а экспорт оказывается чистой сверхприбылью. Знали бы наши политики перестроечных времён об эффектах масштаба в экономике — не стряслось бы парада суверенитетов 1991 года.

Коллайдер вместо масла?

Поддержка науки обеспечит нам лучшую жизнь

Несколько слов о коллайдере и бутербродах.

С конца 2008 года мне всё чаще приходится отвечать на вопросы о Большом Адронном Коллайдере. Главных вопросов два: не опасен ли эксперимент, способный породить чёрную дыру, и к чему вообще тратить колоссальные деньги на (по выражению великого физика Льва Андреевича Арцимовича) удовлетворение личного любопытства за государственный счёт.

На первый вопрос ответить — благодаря самой же науке — довольно просто. Если бы чёрная дыра, созданная на коллайдере, существовала неограниченно долго, она и впрямь могла бы постепенно всосать в себя всю нашу планету, а там и Солнечную систему, и — в отдалённой перспективе — всю нашу галактику (хотя в её центре уже миллиарды лет существует чёрная дыра — но звёзды движутся вокруг неё на безопасных расстояниях). Но великий физик Стивен Уильям Фрэнкович Хокинг ещё несколько десятилетий назад доказал: чёрные дыры не вечны.

Случайные — квантовые — колебания вакуума порождают виртуальные — возможные — пары из частицы и античастицы. Их симметрия обеспечивает боль-

шинство законов сохранения. Но энергия пары несимметрична, а потому пара может существовать тем меньше времени, чем больше её энергия, и затем исчезает. Но если пара родилась в неоднородном поле, оно растащит частицы, они поглотят часть энергии этого поля и станут реальными.

Около чёрной дыры поле тяготения достаточно, чтобы растащить пару. Одна из частиц поглотится дырой, зато вторая улетит от неё, унося с собой часть энергии — то есть массы — самой дыры. Чем дыра меньше, тем неоднороднее тяготение вокруг неё, тем чаще рвутся виртуальные пары, тем быстрее испарение. Чёрная дыра той массы, какую может произвести энергия столкновения частиц в Большом Адронном Коллайдере, испарится по Хокингу задолго до того, как успеет поглотить хоть одну реальную частицу.

На второй вопрос ответить сложнее. Прежде всего потому, что ни экономика, ни теория решения изобретательских задач — величественное творение блестящего советского изобретателя Генриха Сауловича Альтшуллера — в нашем массовом сознании пока не обладает статусом науки.

Изобретения высшего — первого по Альтшуллеру — уровня рождаются вслед за фундаментальными научными открытиями: невозможно придумать лазер, пока не сформулированы законы квантовой механики. Альтшуллер показал: для воплощения в жизнь любого изобретения требуется множество изобретений меньшей сложности, согласующих творческую идею с возможностями общества в целом и техники в частности. Таким образом, от любого научного достижения до соответствующих ему достижений техники проходит изрядное время, необходимое для создания всей гаммы связанных с ним изобретений — от первого уровня до низшего (по Альтшуллеру — пятого), очевидным обра-

зом применяющего уже готовые решения в непосредственно смежных задачах.

В 1831 году Майкл Джэймсович Фарадей открыл электромагнитную индукцию. Но лишь через добрых полвека вращающиеся электрогенераторы, воплотившие открытие, стали главными источниками электричества. Ещё три-четыре десятилетия ушло на массовое внедрение электромеханического оборудования в производство и потребление. Нынешнее изобилие цифровых приборов — от аудиовидеотехники до мобильных телефонов — опирается на технологию больших интегральных схем. Та обеспечена физикой полупроводников. Это частный раздел физики твёрдого тела. А ту стало возможно развивать только после формулирования основных законов квантовой механики.

Открытия не только внедряются медленно, но и не безграничны по техническим возможностям. Электромеханика давно охватила практически все мыслимые сферы своего применения. Дальнейшее её развитие ещё добрых полвека назад не сулило сверхприбыли. Сейчас к этому пределу подошла цифровая техника. Маркетологическое продвижение всё новых вариаций на тему цифромыльницы да миниплеера даёт всё меньшую финансовую отдачу. В этом — одна из причин нынешнего кризиса.

Экономика развивается циклически. Простейшие кризисы перепроизводства, вызванные запаздыванием предложения относительно спроса, бытуют в каждой конкретной отрасли в среднем раз в три года. Замены производственного оборудования дают колебания длиной примерно десять лет. Большие циклы с характерной частотой от четырёх до шести десятилетий, исследованные Николаем Дмитриевичем Кондратьевым, вызваны устарением производственной инфраструктуры — от зданий до дорожной сети. Ещё сильнее отражается на

всех сторонах жизни цикл альтшуллеровского перехода — длиной примерно восемь десятилетий — от фундаментального открытия — через развитие соответствующей отрасли науки и создание на её основе отраслей техники — к массовому практическому применению.

Если открытие не сделано, когда развитие человечества подвело к его возможности — не будет через десятилетия и плодов этого открытия. Расходы на фундаментальную науку — посев, откуда взойдёт наше будущее. Урожай соберём не мы. Зато и затраты на сельхозработу невелики: цена того же коллайдера — смехотворно малая доля бюджета любого европейского государства. Пожалеем сегодня денег на фундаментальную науку — сможем намазать на свой хлеб чуть побольше масла. Но нашим правнукам не хватит не только масла, но и самого хлеба.

Интеллектуальная техника

Попытка прогноза на 10 лет

Несколько слов о цифровой технике.

Не так давно меня попросили предсказать её развитие до 2020 года. Хочешь насмешить Бога — расскажи ему о своих планах на завтра. А уж прогноз на десятилетие и человека рассмешит.

Особенно в такой быстроразвивающейся области. Кто мог ещё лет десять назад предсказать нетбуки, где мощность принесена в жертву повсеместной работе во всемирной сети? А пару десятилетий назад разве что фантасты ожидали повсеместного развития мобильной связи.

Но некоторые стратегические прогнозы сбываются, невзирая на технические сложности. Так, один из основателей Integrated Electronics (Intel) Гордон Эрл Мур ещё в тысяча девятьсот шестьдесят пятом подметил: число элементов в интегральной схеме и её производительность удваиваются каждые полтора-два года. С тех пор не раз казалось: полупроводниковая техника вот-вот упрётся в какой-нибудь физический барьер. Но закон Мура всё ещё выполняется, и конца-края изобретательности инженеров и учёных не видно.

Очевидно, в ближайшие лет десять цифровая техника всё ещё будет развиваться в темпе, позволяющем ре-

шать любые задачи, проистекающие не только из реальных потребностей, но даже из почти неисчерпаемой творческой фантазии маркетологов. Если вам что-то покажется полезным, вы довольно скоро найдёте это на рынке.

Столь же очевидна интеграция функций в одном устройстве. Многие с тоской вспоминают мобильные телефоны, предназначенные только для звонков: нынче в SMS, MMS, GPRS, GPS, режимах фотографирования и видеозаписи, десятках других технологических прибамбасов многие часы разбираешься с инструкцией в руках. Дальше будет сложнее: технические ресурсы нынешних микросхем так велики, что добавление новых потребительских возможностей практически не увеличивает цену, зато изрядно добавляет ценность. Даже если вы используете лишь десятую долю возможностей своего телефона или плеера, никто не может предсказать, какие именно возможности вам нужны. А цена разработки не зависит от объёма производства. Значит, выгоднее не придумывать специализированные изделия, а один раз создать максимально сложное устройство и выпускать его максимальным тиражом: тогда доля разработки в общей цене единицы товара будет минимальна.

Для любителей будут выпускаться усечённые версии с заблокированным доступом к некоторым функциям. Возможно, на основе забракованных компонентов — как сейчас четырёхъядерные процессоры с дефектами продаются в качестве трёхъ- и даже двухъядерных. Но творить и впредь будут самое сложное и мощное, на что на тот момент будет способна техника.

Чем больше возможностей, тем меньше эффективность их использования. Я работал на машинах, уступающих нынешним во многие тысячи и даже миллионы раз по любому показателю. Но решаемые задачи были

немногим проще сегодняшних. Специалисты экономили буквально каждый бит программ и данных, каждый такт работы процессора. Это было недёшево. Сейчас никто не тратит рабочее время программистов на такие тонкости. Поэтому программные возможности нынешней информационной техники заметно отстают от аппаратных.

Зато немалая доля возросшей вычислительной мощности тратится на упрощение взаимодействия человека с машиной. Программы, написанные мною, можно было использовать только после внимательного прочтения инструкций. Нынешние механизмы осваивают методом тыка.

Увы, зачастую срабатывает правило: если создашь нечто, чем может пользоваться даже идиот, только идиот и будет этим пользоваться. Так, по мере распространения средств автоматической проверки правописания стремительно падает грамотность текстов, написанных под контролем этих средств: никто не обращает внимания на красные подчёркивания едва ли не каждого слова.

Разница между техническими возможностями и информационным наполнением ещё разительнее, когда мы переходим от индивидуальных творений к коллективным: «верблюд — лошадь, спроектированная комиссией». Правда, коллектив коллективу рознь: и Windows, и Linux создают тысячи разработчиков. Но если заглянуть в Интернет в поисках сведений по актуальному вопросу, непременно придётся разгребать горы мусора, продиктованного слухами и собственной безграмотностью бессчётных копипастеров.

Самая смутная перспектива — у государственной информатики. Если оборонка ещё способна оплатить аудит той же Linux ради её применения на машинах, где сторонние «закладки» недопустимы, то проект «электронного правительства» буксует и на федеральном

уровне, и в регионах. Слишком велика нынче ценность — значит, и цена! — управленческой информации. Слишком доходна монополия на неё. Слишком выгодно право выдачи — и невыдачи! — разрешений: вспомните хотя бы, какие бюрократические сражения возникают по поводу отмены лицензирования любого рода занятий.

Даже сингапурский диктатор Ли Куан Ю потратил десятилетия на борьбу со своими чиновниками, прежде чем город стал демонстрировать заезжим главам государств чудеса вроде оформления заявки на новый бизнес за десять минут в Интернете. У нас диктаторов нет и не предвидится. Соответственно и полноценного электронного правительства через десять лет я не жду.

Словом, через десятилетие информационные технологии станут комфортнее, но вряд ли радикально эффективнее.

Бизнес-класс

Комфорт обеспечивает производительность труда

Несколько слов о бизнес-классе.

С раннего детства я интересуюсь автомобилями. Когда-то был немало поражён, прочитав описание роскошнейшего в тот момент автомобиля. Выпускали его в Америке, называли, если не ошибаюсь, Краун Империал. Чего там только не было — от бара до радиотелефона. Напомню: современные сотовые — довольно недавнее творение инженерного гения, а ещё пару десятков лет назад радиотелефония считалась потрясающей роскошью. Были там и кресла, обтянутые тончайшей перчаточной кожей, и ещё какие-то навороты, — всё за давностью лет точно перечислить не могу, а фантазировать неохота. Я тогда был изрядно удивлён: зачем такая роскошь вообще человеку нужна?

Потом появились самолёты с салонами бизнес-класса. Потом я узнал (и даже сам видел), что в кабинетах бизнес-класса есть отдельные туалеты и отдельные душевые. И так далее.

Когда такое слышишь и видишь, первая, самая естественная реакция — «с жиру бесятся». Правда, в спокойные времена такое не очень прилично произносить вслух. Но вот в кризисные эпохи вроде нынешней, ког-

да всем чего-нибудь остро не хватает, из созерцания чужих бытовых удобств зачастую произрастает социальный протест. Вспомним хотя бы лозунг борьбы с привилегиями в позднеперестроечные дни. Хотя привилегии нынешних чиновников — не говоря уж о крупных деятелях коммерческих структур — несравненно многочисленнее.

Но так уж вышло, что я уже около двух десятилетий довольно много сотрудничаю с людьми, для которых этот самый бизнес-класс — что в автомобилях, что в кабинетах, что в самолётах — норма. Понаблюдав за тем, как они работают, я постепенно начал понимать, зачем эта норма нужна.

Если я проторчу в пробке час-другой, я скорее всего ничего существенного от этого не потеряю: несколько книг у меня всегда при себе, так что занятие найдётся. Если же в пробке застрянет серьёзный руководитель, он может упустить крупную сделку, может не дать важное указание своим сотрудникам, может, скажем, не узнать о какой-нибудь аварии на вверенном ему предприятии и, соответственно, не примет меры по ликвидации этой аварии. Понятно, кое-какие меры его подчинённые сами незамедлительно примут, но, например, связаться с контрагентами и согласовать с ними, как изменится в связи с этой аварией график поставок, он будет вынужден сам. Для меня сотовый телефон — дело полезное, но не обязательное. А руководителю жизненно важна возможность оперативно связаться из своего автомобиля с кем угодно и когда угодно. Без этого может просто сорваться работа всей его организации.

Аналогично, я работаю в основном дома. У меня есть компьютер, телевизор... Всё необходимое для моей работы. И бытовые удобства под боком. Многие крупные руководители буквально живут на работе. В спокойное время он ещё может провести там положенные

часы и уехать к себе. А если время не спокойное? А если надо двое суток подряд проводить срочные совещания? Участники совещания могут меняться, а руководитель остаётся. Ему нужен и диван, и душ и туалет — в задней комнате, чтобы не смущать посетителей видом подобного комфорта: они его, естественно, сочтут ненужной роскошью.

Автомобиль иной раз бывает единственным местом, где можно поспать в тех же самых пробках, по дороге с места на место. И самолёт бизнес-класса должен обеспечивать возможность нормально выспаться. Ведь когда летаешь через несколько часовых поясов, ритм сна нарушается, иной раз очень серьёзно. Даже я, вовсе не имеющий твёрдого режима дня на протяжении последнего полувека, и то, перелетев, скажем, из Москвы в Ташкент, чувствовал некоторое неудобство из-за смены часового пояса. А каково приходится человеку, едва ли не еженедельно мотающемуся между Лондоном и Нью-Йорком?

Словом, то что в бизнес-классе может показаться ненужной роскошью, чаще всего всего лишь обеспечивает обычную работу в необычных условиях.

Человек, имеющий возможность потратить на себя дополнительные деньги, в какой-то мере позаботится о своём удобстве и в тех случаях, когда это удобство не связано с работой непосредственно. Скажем, значительная доля великолепия новой яхты Романа Аркадьевича Абрамовича «Затмение» — скорее всего всё же не деловая необходимость, а выпендрёж. Но бо́льшая часть того, что мы привыкли считать роскошью — это, как выразились Илья Арнольдович Файнзильберг и Евгений Петрович Катаев (более известные под коллективным псевдонимом Ильф и Петров), «не роскошь, а средство передвижения». Точнее — средство нормальной работы, в частности, и во время передвижения.

Кому много дано, с того много спросится. Так, во время Великой депрессии кончали жизнь самоубийством не рядовые граждане, оставшиеся без средств к существованию, а руководители. Они не собственных потерь опасались: им-то на жизнь в любом случае оставалось. В панику они впадали прежде всего оттого, что не смогли обеспечить средствами к существованию тех, кто им доверился. Надеюсь, что даже во второй волне нынешней Великой депрессии до таких ужасов в массовом порядке не дойдёт, хотя о многих самоубийствах руководителей, к сожалению, стало известно уже в первые месяцы первой волны.

Но депрессия депрессией, а работать надо. Что в годы депрессии, что в годы бума. Поэтому бизнес-класс останется рабочей необходимостью.

Не инфляцией единой

Рост цен частично оправдывается прогрессом

Несколько слов о естественном росте цен.

Великая депрессия и естественным образом выросшая из неё Вторая мировая война отучили экономически развитый мир подкреплять банкноты (и прочие виды векселя на предъявителя) драгоценными металлами. Привязка сохранялась формально, через доллар, а затем вовсе была отменена.

Были к тому и мирные причины. В частности, производство товаров и услуг после войны росло столь быстро, что золотодобытчики при всём желании не могли адекватно наращивать массу своей продукции. Снижать же цены пропорционально соотношению прочих благ к золоту не позволяют ни налоговая политика большинства государств, ни традиция красивых отчётов акционерам.

Общий объём реальных благ поддаётся учёту куда хуже, нежели золотой запас. Отказ от размена бумаги на металл снял тормоз с деньгопечатных станков. Уже десятилетия инфляция — не редкая напасть, сопутствующая социальным катастрофам, а повседневная неприятность.

Мы привыкли к перерасчётам доходов и цен былых эпох. Легко признаём богатейшим человеком всех эпох и народов не Уильяма Генри Гейтса, а Джона Дэвисона

Рокфеллера: его миллиард долларов в 1913 году куда дороже сотни миллиардов Гейтса в начале двухтысячных. Завидуем квалифицированным питерским и тульским рабочим последних лет Российской империи (как тогда говорили, рабочей аристократии), на чью дневную зарплату можно было накупить недельный запас вкусной и здоровой пищи.

Но каковы были шансы рабочего аристократа — да и аристократа наследственного — на выживание при воспалении лёгких (или, не дай бог, туберкулёзе, унёсшем в могилу даже Георгия Александровича Романова — младшего брата последнего российского императора)? Удобнее ли Рокфеллеру распоряжаться сотнями слуг в своём дворце, нежели Гейтсу — программировать автоматическую деятельность своего знаменитого «умного дома»?

Российская императорская семья несомненно отдала бы целое состояние за любое из нынешних производных сульфаниламида, способных бороться с палочкой Коха, но Георгий умер за десятилетия до появления такой возможности. А уж Рокфеллер, в последние годы жизни панически опасавшийся любой инфекции (он мечтал дожить до ста лет, но протянул только девяносто восемь), и подавно пожертвовал бы половину своих баснословных капиталов за возможность не общаться с потенциальными носителями бактерий.

Я уж и не говорю о росте возможностей техники.

Современные лекарства, как правило, имеют на порядки меньше побочных эффектов, нежели их предки полувековой давности — это вполне оправдывает многомиллиардные затраты на исследования.

В конце эпохи Клинтона при расчёте индекса цен в Соединённых Государствах Америки стали учитывать рост вычислительной мощности компьютеров в расчёте на доллар. Президента тогда ругали за попытку зама-

скировать инфляцию статистическими трюками. В какой-то мере упрёк верен. Ведь производительность личного компьютера (personal — именно личный, и разница между personal computer и нашим выражением «персональный компьютер» та же, что между личным и персональным автомобилем) ограничена не только железом, но и программами (а с ростом доступных ресурсов программисты всё меньше заботятся об оптимизации), и прокладкой между креслом и клавиатурой... Зато новые машины могут решать задачи, немыслимые ещё недавно.

Полвека назад компьютерная графика — а тем более видеографика — была лишь предметом фантастических романов. А ещё лет десять-пятнадцать назад требовала мощных специализированных машин. Один из главных производителей такой техники — основанный в 1982 году — гордо назван Silicon Graphics. В 2006-м фирма обанкротилась (и сейчас реструктурируется): обычные персоналки давно догнали её технику даже по абсолютной скорости, а уж по соотношению производительности и стоимости давно перегнали. Компьютерные спецэффекты нынче встречаются едва ли не в каждом фильме.

Иной раз кажется: техника только мешает. Автомобили в городе зачастую движутся медленнее, чем в начале века, хотя техническая их скорость с тех пор удесятерилась. Но зато без автомобиля вряд ли появилось бы само понятие мегаполиса.

Работать в крупном — и потому экономически эффективном — центре, а жить на природе вроде бы можно и в расчёте на общественный транспорт. Маятниковая миграция вокруг Москвы ещё недавно опиралась на сеть электричек. Но час-другой в переполненном вагоне снижает производительность труда едва ли не на треть. А в пробке и отдохнуть можно: в Соединённых Государствах Америки многие радиостанции ведут даже

специальный психотренинг для пробочных сидельцев. Оттого и запружены города миллионами автомобилей, чьи хозяева прибывают на работу личным транспортом.

Конкуренция постоянно удешевляет уже существующие товары и услуги. Новые же, как правило, дефицитны — а то и вовсе монопольны. Потому недёшевы. На первых порах даже зачастую непропорционально дороги — специально в расчёте на тех, кто готов платить за пребывание на переднем крае прогресса, раскрывающего всё новые возможности удовлетворения потребностей.

Все эти новшества включаются в индекс цен. Так что не всякий его рост — инфляция.

За всё надо либо платить, либо расплачиваться. Платить — выгоднее.

Право подчинения

«Право копирования» противоречит развитию человечества

Несколько слов о коммерческой борьбе с прогрессом. Условие использования более ранних, нежели новомодная Windows Vista, версий операционных систем корпорации Microsoft — шедевр американской юридической мысли. Поэтому в переводе на бытовой язык выглядит странно. Microsoft милостиво дозволяет своим клиентам пользоваться ранее купленными у неё экземплярами её программы при условии, что они предварительно оплатят и новую программу, им самим совершенно не нужную. И всё это — потому, что прежняя система уже была установлена на другом компьютере.

Сразу же установить нужную версию программы запрещено — её продажа прекращена. Заметьте: с производством ничего не случилось — ведь копию программы, в отличие от копии автомобиля, сделает кто угодно. Прекращена именно продажа: разработчик отказался брать за уже готовое изделие деньги, дабы принудить к пользованию другим своим изделием.

Корпорация более четверти века назад придумала любопытную и очень выгодную для неё юридическую фикцию. Она утверждает, что торгует не программами (как автор рукописями) и даже не их экземплярами

(как издатель). Она продаёт клиентам только право использования программы — как продавала бы право поселения, если бы владела гостиницей. Отельер вправе сочинять правила пользования своим заведением. Вот и Microsoft ограничивает права пользователей. Причём её услуги нематериальны (отчего и могут размножаться бесконечно), а потому и ограничения не согласуются с реальностью, а определяются разве что богатством фантазии корпоративных юристов.

Программа объявлена «интеллектуальной собственностью» правообладателей — то есть даже не столько самих авторов, сколько тех, кто — как создатель и до недавнего времени руководитель корпорации Microsoft Уильям Генри Гейтс — оплачивает работу авторов. С собственностью же владелец вроде бы волен поступать по своему усмотрению: в римском праве proprietas est jus utendi et abutendi — собственность есть право употреблять и злоупотреблять.

Но знатоки латыни отметили: в этом правиле слово abutendi значит скорее не «злоупотреблять», а «употреблять необычным образом». Употребление же во вред обществу так или иначе осуждается всегда — хоть во времена разработки римского права, хоть в нынешнюю эпоху слепого мультикультурализма.

Термин же «интеллектуальная собственность» — смесь двух видов прав: самого творца и копирования его творений.

Признаваемые обществом права автора в разные эпохи изрядно различались. Даже концепция автора и авторства сформировалась далеко не сразу: скажем, творцы большей части мифов и легенд Древнего мира неведомы — и, похоже, это не беспокоило ни их современников, ни даже их самих. Но всё же мировой опыт постепенно определил набор правил, практически неотделимых от самого понятия творческой личности.

Так, имя автора (или избранный им псевдоним) надлежит упоминать при каждом использовании его произведения (если только речь не идёт о цитате столь общеизвестной, что вся аудитория заведомо её опознает). Изменения, сделанные другими, и пропуски по сравнению с оригиналом следует явно отмечать (и по возможности объяснять). Вся совокупность подобных простых и общепризнанных обычаев на современном юридическом жаргоне именуется неимущественными авторскими правами.

Право же копирования творений (в юридическом слэнге — имущественное авторское право) сейчас сведено к праву запрещать копирование. Что прямо противоречит единственному пути прогресса.

Человек отличается от прочих животных возможностью усваивать чужой опыт не только из непосредственного показа, но и через рассказ — в том числе и рассказ тех, кто сам этим опытом не обладает. Самое полное сегодня выражение такого способа передачи (и совершенствования!) опыта — наука. Основа разработки программ с открытыми исходными текстами — GPL (General Public License — общая общественная лицензия) — по сути, перевод вышеизложенных обычаев авторства, накопленных в основном наукой, на юридический жаргон, выработанный в имущественном праве, то есть ради защиты не столько нового творчества, сколько прибылей от размножения уже готового творения.

Копирайт ограничивает распространение опыта — то есть тормозит развитие человечества в целом. Правда, не навсегда. Но в нынешнем переменчивом мире семь десятилетий после смерти автора — распространённейший срок запрета на копирование — мало отличимы от бесконечности: преступный закон делает недоступным всё нужное для ориентации в современной жизни.

Поэтому, в частности, многие странности современного искусства и техники проистекают как раз из опасения попасть под удар поборников копирайта. Не зря ещё Станислав Ежи Лец ехидно спрашивал: «Если хорошее старое побеждает плохое новое — это прогресс?»

Меж тем плоды творчества, не стеснённого запретом опираться на былые достижения, столь изобильны, что для безбедной жизни всё новых творцов вполне хватает даже малой доли, отчисляемой (чаще всего — доброхотно) от созданного прежними поколениями. Ибо создано этими поколениями всё человеческое общество со всей его материальной и духовной культурой.

Юридические уловки Microsoft — не только изощрённое издевательство над её клиентами, но и (независимо от намерений корпорации) удар по всему миру.

На плечах гигантов

Ограничение права копирования — измена человечеству

Несколько слов об измене человечеству в форме копирайта.

Идею посмертного денежного воздаяния за творчество первым лоббировал Ной Уэбстер — создатель знаменитого «Американского словаря английского языка» был чадообилен. Правда, он добился от Конгресса всего 14 лет прокорма детей своими гонорарами: в рамках пуританской этики каждый должен рано или поздно заняться самостоятельным трудом, дабы лично выяснить, благосклонен ли к нему бог. Сейчас лоббисты крупных фирм — прежде всего Walt Disney Company — добились продления посмертных ограничений права копирования результатов творческой деятельности уже до 90 лет.

Уэбстер опёрся на мощный фундамент. Конституция Соединённых Государств Америки гласит: «Конгресс имеет право поощрять развитие наук и ремёсел, обеспечивая на определённый срок авторам и изобретателям исключительное право на их произведения и открытия».

Увы, далеко не каждый автор и изобретатель способен по совместительству стать ещё и производителем, и торговцем. Чаще всего творцы продают свои детища

профессионалам по части тиражирования и сбыта. Основная часть пирогов и пышек распределяется по известной американской поговорке: «Доллар тому, кто придумал; десять тому, кто сделал; сто тому, кто продал».

Но совершенствование технологий сокращает затраты на производство. Книги, музыку, кино сейчас можно копировать цифровым способом, без усилий человека. Трёхмерные принтеры уже способны создать из быстротвердеющих полимеров любое изделие, не требующее сверхвысокой прочности. Роль творцов растёт. Должны ли соответственно расти ограничения права копирования?

Чтобы написать книгу, нужно прочесть десятки — начиная с букваря. Чтобы книгу прочёл хоть кто-то, кроме самых снисходительных родственников, счёт усвоенного должен идти на сотни. В истории же остаются труды, чьи авторы вдумывались и вживались во многие тысячи творений предшественников.

В пылу спора о приоритетах с низкорослым Робертом Хуком сэр Айзэк Ньютон сказал: «Если я видел дальше других, то только потому, что стоял на плечах гигантов». Как часто бывает, формулировка умнее автора. Человек отличается от прочих животных прежде всего способностью усваивать чужой опыт не только из непосредственных наблюдений, но и по рассказам. Даже в творениях величайших гениев собственный труд составляет в лучшем случае тысячную долю. Остальное — вклад предшественников.

Из этого соотношения проистекают, в частности, правила научного цитирования: можно базировать свои труды на любых предшествующих, но надлежит явно указывать, что и каким образом непосредственно использовано в работе. В искусстве из той же идеи возник эффектный жанр «центон», целиком строящийся на легко узнаваемых цитатах — и всё же при надлежа-

щем мастерстве автора обладающий самостоятельной художественной ценностью.

Современные ограничения права копирования обрывают цепочку передачи творческих достижений, тянущуюся из глубины тысячелетий. Вскарабкавшись на плечи гигантов, нынешние авторы хотят, чтобы на них самих как можно дольше — при жизни и десятки лет после смерти — никто не мог опереться.

Истинный творец редко заботится о всесторонней охране своих созданий. Он, конечно, не откажется от их оплаты — но всё же ему, как правило, важнее возможность нового творчества. Так, для большинства композиторов и писателей, певцов и артистов работа — удовольствие. Новые концерты, спектакли, фильмы доставляют им не только деньги, но и радость.

Если же для создания нового нужны не только собственные идеи — «свои люди — сочтёмся». Сюжеты многих пьес Уильяма Шейкспира и Лопе де Вега известны — и многократно разработаны — задолго до них. Жан-Батист Поклен (Мольер) откровенно признавался «Я беру своё добро там, где его нахожу». Иван Андреевич Крылов писал басни на сюжеты Жана де лаФонтена, лаФонтен — на сюжеты Эзопа, а источник сюжетов Эзопа теряется в глубине эпох.

Сегодня все эти авторы оказались бы ответчиками по сотням исков о нарушении права копирования. А инженерам многих фирм запрещено изучать патентные фонды: если случайно придумаешь что-то похожее на уже найденное, запрет позволит отбиться хотя бы от обвинения в сознательном плагиате.

Отчего же творцы зачастую поддерживают ограничения права копирования, способные ударить по их собственным интересам?

Только убийство при странных обстоятельствах губернатора Луизианы Хью Лонга — откровенного фа-

шиста — предотвратило его победу на президентских выборах 1936 года. Ведь он обещал поделить все крупные состояния, оставив их обладателям не более пяти миллионов долларов. Это соответствует нынешним трём-четырём сотням миллионов. Каждый американец надеялся разбогатеть — но такую сумму не рассчитывал добыть даже в самых радужных мечтах. Поэтому за Лонга были очень многие.

Ныне творцы поддерживают запреты, сковывающие их самих, в надежде создать шлягер, доходы с которого позволят более не заботиться о хлебе насущном и творить в своё удовольствие. Между тем удовольствия не получится: ограничение права копирования — в конечном счёте ограничение самого творчества. Ибо отрезает от новейших достижений разума каждого, кто не в состоянии оплатить амбиции не только самих творцов, но и скупщиков их прав.

Постиндустриализм против Поносова

Право копирования защищает не авторов, а промышленников

Несколько слово о разрушительности постиндустриализма для интеллектуального развития.

Скандальное дело директора сельской школы, обвинённого в использовании неоплаченных программ, выглядело довольно странно. Пострадавшая сторона — Microsoft — старательно открестилась от процесса: мол, дело возбудили российские правоохранители по российским же законам. Хотя именно Microsoft в числе главных пропагандистов и лоббистов комплекса идей, положенных в основу современной законодательной охраны права копирования во всём мире, включая Россию.

Впрочем, программисты всего мира — включая Microsoft — уповают в основном на программные же методы защиты своих изделий от бесплатного использования. Главные — уголовные — меры преследования (в том числе и за обход программных защит) введены по инициативе издательств и студий.

Самая одиозная организация — RIAA (Recording Industry Association of America — Американская Ассоциация Звукозаписи) — вовсе дошла до истерики. Мас-

совые иски на фантастические суммы (чуть ли не сотни тысяч долларов за каждую песню, выложенную в открытый доступ) адресованы даже детям и пенсионерам, иной раз даже не имеющим дома компьютеров. Правообладатели грозятся даже распространять вирусы, стирающие винчестер, если на нём найдётся запись, кажущаяся этим вирусам нелицензионной. Всё это — далеко не лучший способ убедить общественное мнение в высокой морали владельцев права копирования (даже если они клянутся интересами певцов и композиторов, получающих в лучшем случае десятую долю чистой прибыли торговцев звукозаписями).

Более того, человек отличается от прочих животных прежде всего способностью усваивать опыт, накопленный другими, не только в личном контакте, но и по рассказам (и записям рассказов). Если вся вновь возникающая информация окажется платной (как хотят поборники нынешних законов о праве копирования), развитие человечества если не остановится вовсе, то по меньшей мере многократно замедлится. Что ударит по всем видам творчества, включая охваченные законодательной «защитой».

Отчего же люди, живущие во многом благодаря новшествам (хотя и не всегда удачным — так, большинству хитов музыкальной попсы лучше бы вовсе не сочиняться), подрывают собственную кормовую базу, а заодно и репутацию?

Потому что ими прикрываются действительно серьёзные бизнесы.

Главной приметой постиндустриального общества теоретики издавна считают возможность воспроизведения любых изделий в любых количествах за бесценок. Информационные товары — книги, звукозаписи, программы — уже находятся в постиндустриальной эпохе: цена их тиражирования неизмеримо меньше це-

ны разработки (а с распространением компьютеров и информационных сетей вообще стремится к нулю).

С развитием промышленных роботов и систем управления столь же дешёвым должно стать и производство изделий вполне материальных — вроде стульев и автомобилей. Но пока техника до этого не дозрела. Экономика нашла компромиссный выход: массовое производство переносится в регионы с дешёвой рабочей силой — Юго-Восточную Азию, Китай, Индию.

Но люди — даже самые дешёвые — отличаются от роботов наличием собственной воли. В частности, они способны произвести куда больше, чем заказано — и продать излишек самостоятельно.

Потребитель от этого обычно не страдает. Если кроссовки Adidas или джинсы Calvin Klein шьются на китайской фабрике под надзором специалистов, прошедших фирменное обучение, то какая разница, продаёт их фирменный бутик или челночный торговец?

Зато для владельца торговой марки такая самодеятельность — прямой убыток. Избыточное предложение снижает цену, которую должен повышать раскрученный брэнд. Да и репутация фирмы страдает, если её товар валяется в каждой лавке.

Вот и приходится разработчикам защищаться от слишком инициативных производителей законами: о патентах, о праве копирования, о запретах самостоятельного исследования технически сложных изделий... Даже если какие-то из этих законов опробуются — и рекламируются! — на примере программ и песен, реально они защищают в основном товары куда более материальные.

Требования студий мешают бизнесу производителей бытовой электроники — включая компьютеры, всё дальше отходящие от классической роли числомолок. Хотя этот бизнес куда обширнее и богаче музыки, кино

и телевидения вместе взятых — и мог бы их одолеть. Когда-то разработчики видеомагнитофонов VHS отбили юридическую атаку теле- и кинокомпаний, пытавшихся предотвратить домашнее копирование своей продукции. Суд постановил: если какое-то устройство имеет законное применение, то возможность незаконного использования — не основание для запрета. Логично: самое смертоносное (по числу жертв) оружие — кухонный нож, но не отменять же его! Но теперь Apple встроила в свой iPod систему защиты FairPlay, Microsoft оснастила новейшую версию Windows — Wista — своей системой защиты от копирования (столь же дырявой, как и прочая продукция фирмы), видеодиски — DVD, HD DVD, BluRay — зашифрованы (хотя все коды давно взломаны, то есть мешают только законопослушным пользователям)... Творцы новинок сами себе вяжут руки. Ибо законы, созданные поборниками ограничений права копирования, защищают интересы всех производителей. Пусть и в ущерб всем потребителям.

Поздравляю: Вы — преступник!

Ограничение права на копирование превзошло пределы разумного

На Вашем мобильнике стоит рингтон из популярного шлягера? Вам позвонили, когда Вы идёте по магазину? Поздравляю: Вы — преступник. Несанкционированно исполнили в общественном месте музыкальное произведение — и тем самым присвоили право копирования.

Даже если рингтон куплен в официальном сервисе — всё равно закон Вы нарушили. Ведь продали Вам для личного пользования. А Вы исполняете в публичном месте, для неопределённой и неоплаченной аудитории.

На Вашем рабочем месте громко играет радио — Вы опять же нарушитель: коллеги слышат. А если Вы парикмахер или ресторатор — Ваше преступление сочтут корыстным: ведь музыка привлекает к Вам дополнительных клиентов, тем самым повышая Ваше благосостояние.

Хорошо, если Вам по душе Вольфганг Амадей Моцарт или Людвиг ван Бетховен: они умерли так давно, что их творения уже признаны общественным достоянием. А вот Вася Пупкин — кузнец шлягеров группы «ГолоСИСИстый соловей» — вправе Вас засудить.

Но даже с Иоганном Себастьяном Бахом и Вильгельмом Рихардом Вагнером возможны проблемы. Сами ноты написаны в безопасную старину. Но Вы скорее всего слушаете сравнительно свежую запись. А права исполнителей тоже охраняет неуёмный неисчерпаемый закон.

Голос Фёдора Ивановича Шаляпина с недавних пор можно слушать невозбранно: он умер 12 апреля 1938 года, а права охраняются всего 70 лет после смерти творца или исполнителя. Но в Соединённых Государствах Америки срок давности некоторое время назад в очередной раз продлён уже до 90 лет по инициативе Walt Disney Company: её держат на плаву прежде всего баснословные доходы от сувениров с изображением Микки Мауса. Нынче корпоративные лоббисты добиваются распространения нового срока по всему миру. Того и гляди, скоро прослушивать не то что Шаляпина, но даже коллекционные фонографические валики с голосом Льва Николаевича Толстого станет небезопасно. Он умер 20 ноября 1910 года, и поправка Микки Мауса пока до него не дотягивается. Но следующая волна борьбы за доходы наследников Уолтера Элайаса Дисни может накрыть всё творчество яснополянского пахаря.

Всё это — не только о музыке. Если в трамвае сосед через Ваше плечо глядит в раскрытую Вами газету — Вы нарушили права её издателей. Недавно бельгийский суд по иску газетчиков запретил поисковой системе Google давать ссылки на конкретные публикации: дозволено указывать только на первую полосу, где собрана основная масса рекламы.

Вот если Вашим костюмом от Джорджо Армани любуются прохожие на улице — закон пока не считает Вас злостным нарушителем: дизайн промышленных образцов нынче защищён только от физического копирования. Но всё ещё впереди. Нынешняя редакция четвёр-

той части Гражданского кодекса Российской Федерации вступила в силу только с нынешнего года. А фантазия владельцев права копирования — и юристов, защищающих их интересы, — неисчерпаема.

Двигатель законодательной фантазии очевиден. Каждому приятно, единожды создав нечто замечательное, потом всю жизнь почивать на лаврах. А то и потомков обеспечить — как покойный Дисни тонким хвостиком мышонка связывает скелет студии, давно пребывающей в состоянии творческой смерти.

Между тем человек отличается от прочих животных не в последнюю очередь тем, что способен усваивать чужой опыт не только из непосредственного наблюдения, но и по рассказам. Причём мы — опять же в отличие от животных — воспринимаем не только материальный опыт, но и духовный, прямо выраженный в произведениях искусства. Нынешние ограничения права копирования создают препятствия на пути самых разных форм передачи опыта. То есть отсекают человечество от творческих достижений, накопленных более чем за полвека (по поправке Микки Мауса — уже почти за век). Это может парализовать всё наше развитие.

Защитники ограничений смешивают право копирования с авторским. Но права авторов и исполнителей очевидны и давно никем не оспариваются. В частности, их имена несомненно нужно указывать. Все изменения в произведении, сделанные без согласия автора, должны быть явно отмечены. Эти и многие другие гарантии свободы творчества и уважения к творчеству лежат в основе всей современной культуры, построенной десятками поколений творцов.

Но если Вы, используя чужие творения, создали что-то своё — Ваше творение должно быть доступно на тех же основаниях, на каких Вам самому доступно всё использованное Вами. Просто потому, что Вы — не по-

следнее звено эволюции общества. Ограничители права копирования желают оплаты каждого слова и вздоха — и тем самым паразитируют на прошлых достижениях всего человечества. Не зря они постоянно усложняют систему защиты своих требований — иначе их нелепость и преступность давно была бы очевидна.

Нагромождение сложностей и противоречий — верная примета заката системы или явления. Вероятнее всего, право копирования в скором будущем заменят чем-то более разумным. Первые опыты такого рода уже оформлены в системе свободных лицензий. Но пока эта система не развилась до уровня, способного защитить интересы подлинных творцов, остаётся только бойкотировать рьяных поборников ограничений копирования. Слушайте Иоганнеса Брамса, читайте Александра Сергеевича Пушкина — и ждите, пока Васи Пупкины оставят надежду вечно кормиться с одной удачной находки.

ИСТОРИЯ И НАЦИИ

Имя россия

Единый взгляд на разных деятелей

Несколько слов о нашей любви к своей истории. Эту тему подсказал мой брат. В отличие от меня, он постоянно живёт в Одессе и смотрит на нашу российскую жизнь со стороны. В основном — по телевизору. Ему, правда, недавно пришлось приобрести спутниковую антенну, чтобы не зависеть от нынешних украинских ограничений на вещание российских телеканалов, но эти ограничения — отдельная тема.

Главное, что он заметил, — поразительный эклектизм нынешнего российского массового сознания. Сейчас у нас в равной мере одобряют Владимира Ильича Ульянова и Александра Васильевича Колчака, Иосифа Виссарионовича Джугашвили и Петра Аркадьевича Столыпина, Николая Второго Александровича Романова и Леонида Ильича Брежнева. Поразительный эклектизм. На первый взгляд представляется, что страна вовсе не пытается разбираться в своей истории, не пытается определять: что такое хорошо и что такое плохо.

Даже в популярном телепроекте «Имя России» в лидерах оказались люди не просто качественно разные, но зачастую прямо противоположные друг другу. И голосовали за них чуть ли не поровну.

Более того, по ходу интернет-голосования лидеры менялись удивительным образом. Например, когда либеральная часть общества возмутилась, что на первое место вышел Джугашвили, буквально через несколько дней в лидерах оказался Романов. Понятно, были при этом изрядные манипуляции — как говорят завсегдатаи Интернета, накрутки. Но возможности накруток далеко не бесконечны. Реальная разница в числе голосующих несомненно больше официального результата конкурса, но всё же сторонники прямо противоположных точек зрения присутствовали в сопоставимых количествах. Абсолютного доминирования одной позиции не было ни в конкурсе, ни в обществе.

Я в отличие от брата варюсь в кухне нашего общественного мнения почти постоянно, в Одессе провожу всего два-три месяца в году. Так что с моей точки зрения в России не просто сложился некритичный эклектизм. Мне кажется, у нас сейчас понемногу вызревает более глубокое понимание нашей истории в целом. Мы постепенно начинаем чувствовать некие общие механизмы, характерные для нашей страны, придающие нам — и как государству, и как народу — своеобразие. Пусть даже эти механизмы проявляются в столь различных формах, как вялое самодержавие Романова с Брежневым и кипучая деятельность Столыпина с Джугашвили.

Пока не берусь однозначно сформулировать, каковы эти характерные черты. И уж тем более не могу внятно сказать — в какой мере эти черты помогают нашему развитию, а в какой мешают. Но важно одно — без этих характерных черт мы были бы настолько другим народом, что просто не понимали бы самих себя нынешних. Как не понимают нас многие другие народы, стартовавшие со сходных позиций, но пошедшие иными путями.

Например, с поляками мы до монгольского нашествия были очень схожи. И в местных особенностях, и в общекультурных закономерностях. Скажем, традиция междоусобных стычек, установившаяся в раннефеодальные времена, была и у нас, и у них. Правда, там она продержалась несравненно дольше. Наезд — вооружённый налёт на имение соседа — окончательно вышел из употребления только после раздела Польши между Австрией, Пруссией и Россией. У великого польского поэта Адама Бернарда Миколаевича Мицкевича есть поэма «Пан Тадеуш» о последнем в Литве наезде — перед самым нашествием Наполеона Карловича Бонапарта на Россию. В поэме налётчиков выгнали из разгромленного имения войска соседнего русского гарнизона.

Поляки, надо сказать, пережили своё нашествие. Они его назвали «потоп». В эпоху религиозных войн в Европе по Польше десятилетиями прокатывались волны немецких и шведских войск. Но это опять же отдельная тема. Скажу только, что она повлияла на поляков немногим меньше, чем Батыево нашествие на нас. А разорила, пожалуй, даже больше. Да и кончился их потоп на пару веков позже нашего нашествия — и они от него по сей день не оклемались.

А главное в нашей поразительной всеядности — отказ от щедрой раздачи ярлыков «враг народа». Этот термин мы позаимствовали из эпохи великой французской революции, где в пересчёте на душу населения погибло, пожалуй, куда больше народу, чем у нас. Но сейчас мы постепенно начинаем понимать: по большому счёту ни один крупный деятель не может быть врагом своего народа — хотя бы потому, что рассчитывает этот народ возглавить.

И Колчак, и Ульянов действовали исходя из наилучших побуждений. Каждый из них был твёрдо убеждён, что знает, как лучше для народа. И готов был любым

способом и любой ценой претворить это своё убеждение в жизнь.

Правители действуют всегда из наилучших побуждений. Другое дело, что не каждый правитель способен адекватно оценить даже нынешнее состояние народа, и уж подавно далеко не каждый способен правильно предвидеть отдалённые последствия своих действий.

Возможно, сейчас мы относимся ко всем нашим правителям почти одинаково спокойно именно потому, что начинаем понимать и их искренность, и принципиальную их ограниченность. Надеюсь, что из этого понимания когда-нибудь проистечёт бóльшая осторожность, что мы когда-нибудь научимся действовать не так резко и размашисто, как когда-то Ульянов и Джугашвили, как недавно Ельцин и Гайдар, и сумеем претворить нашу нынешнюю терпимость в нашу будущую осторожность.

Историческая альтернатива

Смысл истории проясняется несбывшимся

Несколько слов о моём любимом методе исторических исследований — альтернативной истории.

Среди профессиональных историков очень популярна фраза «История не знает сослагательного наклонения». Иными словами, с их точки зрения бессмысленно спрашивать: «Что было бы, если бы...»

Их понять можно. Профессиональному историку важнее всего выяснить, как обстояли дела в реальности. А выяснить это далеко не всегда бывает просто.

Юристы часто говорят: «Врёт как очевидец». Историки, разбирая мемуары, то есть свидетельства всё тех же очевидцев, повторяют эту фразу ничуть не реже. В мемуарах человек чаще всего старается не столько рассказать, как обстояли дела, сколько показать, как он сам был хорош в этих делах.

Впрочем, не всегда ограничиваются собой. Скажем, внимательное сличение мемуаров маршала Георгия Константиновича Жукова с его же приказами военной поры и с теми событиями, на основе которых строились приказы, доказывает: в мемуарах маршал изрядно выгораживал подчинённых — даже тех, кого непосредственно по ходу событий нещадно ругал, при-

чём ругал за дело. В итоге сам маршал в своих мемуарах выглядит значительно хуже, чем был на самом деле, а его подчинённые значительно лучше. Бывает, как видите, и такое.

Но чаще мемуаристы всё-таки изрядно себе льстят. Лучше опираться на документы. Но в них зачастую положение тоже весьма приукрашено. Документы внутренней отчётности, предназначенные не столько для публикации, сколько для управления делами, чаще прибедняются по известной поговорке: идёшь к начальству за верблюдом — проси трёхгорбого.

Ещё надёжнее документов материальные свидетельства. Так, до наших дней сохранились только танки Т-34 позднего исполнения, с 85-миллиметровой пушкой и доведённой до ума конструкцией. И только парочка чудом сохранившихся где-то на задворках танков первого поколения, с пушкой калибра три дюйма, то есть семьдесят шесть целых и две десятых миллиметра, дала наглядное — а не только вычисленное по документам — представление, насколько всё-таки эти танки были в 1941 году далеки от совершенства и насколько на них было сложнее воевать, чем в 1943-м.

Словом, работа историка тяжела, запутанна. И надо отдать должное тем историкам, которые ухитряются в этих условиях полной неразберихи всё-таки выяснить, как обстояли те или иные дела.

Но история — не только наука. Это ещё и способ учёбы для всех нас. Хотя и говорят, что история учит только тому, что история ничему не учит. Но тем не менее, зная, как поступали наши предки в тех или иных сложных обстоятельствах, мы обретаем более надёжное основание для выстраивания планов наших собственных действий в обстоятельствах пусть иных, но не менее сложных — а в каких-то деталях, бывает, даже и сходных с прошлыми.

Вот тут сослагательное наклонение выходит на первый план. Чтобы понять мотивы действий исторических личностей, волей-неволей приходится смотреть: а что было бы, если бы та или иная личность поступила иначе? И какие у неё были возможности поступить иначе?

До недавнего времени считалось, что наши войска не были отмобилизованы к началу войны только по преступной халатности руководства. Но лишь сейчас начинает проясняться, что мобилизация, начатая официально, могла в стратегическом плане лишь ухудшить положение страны — даже при том, что тактически могла принести некоторый выигрыш. Эти исследования ещё далеки от завершения. То, что я сейчас сказал, лишь первый подход к делу. И я не сомневаюсь: в дальнейшем выяснится ещё много важного о причинах страшных для нас событий той эпохи. Но это лишь пример того, почему всё-таки сослагательное наклонение в истории бывает иной раз даже важнее изъявительного.

Существует даже целый жанр, находящийся на стыке науки и искусства — так называемая альтернативная история. Этому жанру отдавали должное и выдающиеся историки вроде английского учёного Арнолда Джозефа Джозефовича Тойнби, и многие блестящие писатели.

Они очень внимательно изучают, в какие моменты действительно можно было поменять ход истории, каким образом поменять. Что было бы, если бы в сорок первом всё-таки отдали то самое приказание о всеобщей мобилизации. Что было бы, если бы Александр Македонский не умер в Вавилоне от последствий то ли лихорадки, то ли банальной пьянки. Что было бы, если бы после разгрома Северного общества на Сенатской площади Южное общество победило в одном из сражений конца тысяча восемьсот двадцать пятого года.

Сейчас, например, основная часть отечественных альтернативщиков внимательно изучает так называемый мир царя Михаила. Судя по всему, если бы Николай II Александрович Романов передал власть брату не в тысяча девятьсот семнадцатом, когда уже сделал практически всё плохое, что было в его силах, а хотя бы в 1905 году, а ещё лучше в 1900-м, события развернулись бы намного лучше и для России, и в конечном счёте для всего мира — даже для стран, противостоявших нашей.

История — не догма. Её творит каждый из нас каждым своим шагом. И именно поэтому надо каждый раз задумываться: а что будет, если я поступлю иначе.

Батурин

Историю подменяют клеветой

Несколько слов об одной антироссийской басне. Украинские националисты в полемике с вменяемыми людьми употребляют на редкость бедный набор примеров гонений со стороны России. Не удивительно: русский народ никогда специально не проявлял агрессивности к одной национальности (да и власть всегда относилась к украинцам ничуть не хуже, чем к русским), а фантазия — как и прочие умственные способности — националистов довольно скромна и затрудняет самостоятельное измышление обоснований бредовых идей.

Одно из почётнейших мест в необширной мифологии «звериного оскала великорусского шовинизма» занял разгром гетманской резиденции во время Северной войны. В ней Александр Данилович Меншиков командовал драгунами. Это нечто вроде нынешней мотопехоты: передвигались на конях, но сражались в пешем строю. 2 ноября 1708 года Меншиков захватил город Батурин. По нынешней официальной версии украинской истории, он там вырезал от шести до пятнадцати тысяч мирных жителей — от грудного младенца до немощного старца.

Только непонятно, зачем истреблял. По словам националистов, город взят без единого выстрела: Алек-

сандр Данилович подкупил старшину (казачье офицерство). Но в этом случае вряд ли ему стоило убивать кого-то, кроме самих подкупленных: светлейший князь, крепко нечистый на руку, теоретически мог пожелать вернуть деньги, отданные явно аморальным типам.

Версия подкупа опирается на то, что князь стоял у Батурина с 24 октября 1708 года, уговаривая гарнизон открыть ворота. В резиденции сидели от шести до восьми тысяч сердюков — личной охраны: её Мазепа вербовал в основном из своего — польского! — народа. Бой начался, только когда шведы подошли на расстояние полудневного перехода. Вопреки мнению профессиональных украинцев, выстрелы были. Но штурм занял всего два часа: сердюки не отличались той частью воинского искусства, какая нужна для обороны крепости. Для сравнения: вскоре Полтава перед знаменитой битвой отражала шведов три месяца подряд, причём на стенах сражались не только казаки, но и рядовые жители города.

Ещё через пару часов Меншиков ушёл: его малочисленный отряд вряд ли мог бы успешно обороняться от основных сил Карла XII. Времени на массовую резню просто не было, даже если бы сподвижник Петра I обезумел и возжелал учинить воинское преступление.

Впрочем, до такого безумия и дойти трудно. Пётр — при всех своих странностях — не зря заслужил прозвище Великий. К подданным он, конечно, относился как к расходному материалу. Но именно поэтому сам впустую его не расходовал и другим не позволял.

Не зря Пётр за несколько лет до боёв на юге отказался утвердить указ Мазепы о закрепощении казаков. Гетман мог рассчитывать: безопасность Украины впредь обеспечат регулярные войска. Но царю воины были куда нужнее простых крестьян, а казаки неплохо освоили основы немирного ремесла. Казачья голота, вопреки

воле старшины, осталась вольной и готовой защищать Родину.

Украинцы в ту пору уже полвека были такими же подданными царя, как и русские. Если бы Меншиков и впрямь истребил их тысячами, сам царь казнил бы своего любимца и сподвижника, ибо никакие заслуги не дают права вести себя подобно несытому хищнику.

Понятно, вовсе без жертв дело не могло обойтись. Двухчасовой штурм — это и перестрелка, в ходе которой гибли не только воины на крепостных стенах, но и кто-то из городских жителей (от ядер да шальных пуль). Да и после штурма пленены — и по суду казнены — несколько казачьих командиров, повинных в нарушении присяги царю (их же присяга гетману — ниже по рангу).

Впрочем, главные жертвы случились, похоже, от пожара.

Мазепа годами копил в своей ставке громадные запасы оружия, боеприпасов, провианта — прежде всего на случай защиты: то ли от голоты, не обрадованной возможным закрепощением, то ли от интриганов из числа старшины. Перед переходом на шведскую сторону он изрядно пополнил склады (в частности, увёз в Батурин едва ли не всю артиллерию казачьего войска — семьдесят пушек) и пригласил Карла воспользоваться ими: Швеция за восемь лет войны изрядно обеднела и не могла содержать армию должным образом.

Вывезти военное снаряжение, жизненно важное для оголодавших войск противника, Меншиков не успевал: шведы добрались бы до города в разгар эвакуации. Пришлось уничтожать на месте: как отметил адмирал Хорацио лорд Нелсон, сжигая Копенгаген 2 апреля 1801 года, всякий корабль, пребывающий не под британским флагом, может когда-то оказаться под флагом, враждебным Британии. А когда горят склады пороха, одежды, зерна и сала, соседние дома тоже могут полых-

нуть. Организованной противопожарной службы тогда не было, да и вряд ли она бы смогла действовать эффективно через пару часов после штурма. Город в значительной степени выгорел. Как многие другие города в этой и многих других войнах.

Замысел Мазепы сорвался. Он подставил под удар не всех, кто ему доверял, а лишь несколько сот обманутых. Зато многие поколения профессиональных изменников получили удобный повод для дальнейшей лжи. И доселе попрекают честных людей бессовестно преувеличенными россказнями о последствиях последнего преступления своего кумира.

Гибель учёного

История не терпит подтасовок

Несколько слов об увлечённом заблуждении. Исходя из верных предпосылок и пользуясь только верными рассуждениями, невозможно получить ложный вывод. Поэтому в любой ревизионистике, пассионарщине и прочем хроноложестве неизбежны фактические и/или логические ошибки. Но книга доктора философских наук Андрея Михайловича Буровского «Великая Гражданская война тысяча девятьсот тридцать девятого — сорок пятого» — очередной рекорд их концентрации на единицу печатного текста.

Ещё Первую мировую войну породили острые противоречия не столько между разными государствами, сколько внутри почти каждого из них. За межвоенный период внутренние напряжения не исчезли, а на некоторых направлениях даже обострились. В ходе Второй мировой конфликты в каждой державе продолжились, зачастую переходя в партизанские действия — например, некоторых индийских движений против британцев, или даже военное противоборство — скажем, между различными конфессиональными и политическими группировками внутри сербского народа.

Ограничься модный историк изучением соответствующих событий, — новый труд мог бы стать интересен

всем, кому небезразлична одна из самых бурных эпох мировой истории. Увы, по ходу работы Буровский заразился злокачественным резунизмом головного мозга.

Бывший неудачливый советский военный разведчик, а ныне британский публицист Владимир Богданович Резун под псевдонимом Виктор Суворов уже два десятилетия пропагандирует басню, сочинённую доктором философии Паулем Йозефом Фридриховичем Геббельсом. Мол, Иосиф Виссарионович Джугашвили готовил внезапное нападение на Германию. Адольф Алоизович Гитлер в последний момент нанёс превентивный удар по Рабоче-крестьянской Красной Армии, уже изготовившейся к наступлению, а потому неспособной к обороне.

Версия Геббельса была опровергнута уже при его жизни. Затем её несостоятельность признал Нюрнбергский процесс, где басню о превентивности немецкого нападения на СССР отстаивали лучшие адвокаты Европы того времени. Нелепость чисто военных аспектов творчества Резуна подробно показал уже в наши дни Алексей Валерьевич Исаев. Наконец, Владимир Валентинович Веселов в книге «Новый антиСуворов» доказал: из текста сочинений Резуна следуют выводы, прямо противоположные его же собственным заявлениям (из противоречивых посылок вообще выводятся любые желаемые заключения).

Тем не менее Буровский пришёл от книг Резуна в столь полное изумление, что дважды дословно повторил абзац об очевидности одного из главных его тезисов: СССР изначально был столь агрессивен, что просто обязан был напасть на Германию. Между тем уже к середине 1930-х годов СССР и официально, и фактически перешёл к построению социализма в одной стране, а поборники мировой революции были радикально устранены с ключевых партийных и государственных постов.

Положив в основу значительной части книги заведомо ложные измышления, Буровский оказался вынужден жертвовать и полнотой исследования фактов, и даже точностью их изложения. Перечисление всех натяжек и подтасовок свелось бы к пересказу слишком большой — и, увы, не слишком достоверной — части почти пятисотстраничного издания. Ограничусь немногими примерами.

Буровский повторяет за Резуном: Германия не ударила по СССР внезапно, а предварительно — хотя и всего за полчаса до нападения — официально объявила войну. Он утверждает ложность слов Вячеслава Михайловича Скрябина (Молотова) о том, что германский посол передал ему ноту только в полшестого утра (первые немецкие бомбы и снаряды упали на советскую территорию в четыре часа) — ведь в немецких отчётах приводится время полчетвёртого. Но по берлинскому времени! А оно отстаёт от московского на два часа. В немецких же документах и время нападения соответствующее — два часа.

Пожертвовав достоверностью в советском разделе книги, нет смысла блюсти истинность остального текста.

По Буровскому, советские генералы не обладали смелостью Гудериана, погибшего в заговоре против Гитлера. Но Гудериан прославлен не столько военными победами, сколько эффектными мемуарами, написанными уже после войны! А за участие в заговоре казнён не Хайнц Вильхельм Фридрихович, а не менее талантливый немецкий танковый генерал Эрих Куртович Хёпнер.

Буровский заявляет: в межвоенный период поляки в противовес немецкому порту Данцигу начали строить свой Гданьск. Но Гданьск — польское название самого Данцига, а польский порт тех времён по соседству с Гданьском называется Гдыня.

Подтасовки и ошибки начисто обесценили основную — вроде бы надёжную — часть материала книги. Умберто Никола Томмазо Джованни Мария Витторио-Эммануэлевич ди Савойя — последний король Италии — назван Уберто, а кинорежиссёр Ефим Львович Дзиган зовётся Дзигнан — значит, все приведённые в книге имена нужно проверять. Сказано: «В СССР накануне войны было построено почти пятьдесят тысяч танков» (реально — куда меньше 30 тысяч) — где гарантия достоверности прочих чисел?

Использовать труд Буровского для изучения эпохи невозможно. Пристрастие к заведомо ложной концепции выбросило автора из числа учёных.

Историк Андрей Михайлович Буровский покончил с собой. Человеку Андрею Михайловичу Буровскому я искренне желаю пожить подольше, дабы сполна насладиться добровольно взваленным на себя позором.

Аксиомы конспирологии

Опыт сравнительного исследования

Как-то мне довелось подряд прочесть несколько трудов известных отечественных конспирологов. На случай, если вам они, по счастью, не попадались на глаза, вкратце напомню основные идеи:

⇒ Анатолий Фоменко: вся древняя история сочинена около четырёх веков назад по заказу предателей Романовых, которые развалили величайшую империю, охватывающую Евразию и Северную Африку, ради личной узурпации власти у законных правителей — Рюриковичей (они же Чингизиды, Ахемениды и ещё добрая сотня династий).

⇒ Андрей Купцов: технические специалисты СССР и Германии, интеллектуально сформировавшиеся ещё в имперский период, стремились возродить монархию и ради этого саботировали разработку — а тем более принятие на вооружение своих стран — сколько-нибудь эффективных видов оружия и военной техники, чтобы обеспечить поражение в предстоящей войне и тем самым вызвать крах немонархического строя.

⇒ Арсен Мартиросян: высшие военные руководители Германии, СССР, Японии готовились свергнуть своих политических руководителей, чтобы затем совместно сокрушить Великобританию, но коварный Альбион

выдал заговорщиков их правителям, чтобы столкнуть Германию с СССР.

⇒ Владимир Резун: Сталин вскормил Гитлера и его руками захватил Западную Европу, чтобы потом сокрушить Германию и прибрать к рукам её трофеи, но Гитлер в последний момент разгадал его замысел и опередил удар, нацеленный ему в спину.

⇒ Марк Солонин: бойцы и офицеры Красной Армии страстно желали поражения большевиков, а поэтому охотно бросали исправные танки и самолёты, отступали без видимых причин, при первой возможности бежали в тыл или сдавались в плен — и так до тех пор, пока на своём опыте не убедились, что национальный социализм ещё хуже интернационального.

⇒ Юрий Мухин: Сталин готовился отстранить от власти коммунистических функционеров и передать всю её хозяйственникам, но партократы во главе с Хрущёвым убили сперва его, а затем и разоблачившего их Берию.

⇒ Яков Верховский, Валентина Тырмос: Сталин сознательно подставил армию под сокрушительный германский удар, чтобы избавиться от подозрений в агрессии, привлечь на свою сторону общественное мнение Запада и тем самым гарантировать себе экономическую поддержку в войне.

Эти — и многие другие — теории заговора давно исследованы и опровергнуты как в целом, так и во всех значимых деталях. Поэтому я не буду сейчас разбирать по косточкам каждую из них. Только назову некоторые положения, в той или иной изощрённой форме встречающиеся практически в любой известной мне конспирологической фантазии.

⇒ Причины всего происходящего в мире сложны и сокрыты от простых смертных.

⇒ Причины всего происходящего в мире просты и очевидны конспирологу.

⇒ Заговорщики столь хитры, что даже умнейшим из современников при самом благоприятном стечении обстоятельств трудно заметить их дела.

⇒ Заговорщики столь примитивны, что даже через десятилетия и века можно выявить их деяния и разоблачить их планы, включая несбывшиеся.

⇒ Любое утверждение классической науки, неудобное конспирологу, заведомо ложно и является частью заговора или его последствием.

⇒ Любое предположение одного конспиролога любой другой конспиролог вправе при желании счесть бесспорной и строго доказанной истиной.

⇒ Любой факт, не укладывающийся в картину заговора, несомненно не относится к делу или вообще придуман заговорщиками для маскировки.

⇒ Любой факт, подкрепляющий картину заговора, несомненно реален и достоверен, даже если он только что выдуман самим конспирологом.

⇒ Архивные документы — часть заговора, подготовленная для обмана позднейших исследователей.

⇒ Архивные документы несомненны, если их цитировать выборочно, исключая все фрагменты, противоречащие теории заговора.

⇒ Мемуары безошибочны и раскрывают мельчайшие подробности событий, даже если они прямо противоречат всем документам или даже откровенно саморекламны и фантастичны.

⇒ Мемуары изобилуют ошибками и не могут опровергнуть никакую версию событий — хоть соответствующую документам, хоть фантастическую.

⇒ Факт, с которым конспиролог почему-либо не удосужился ознакомиться, не существует, даже если известен всем его оппонентам.

⇒ Факт, хотя бы вскользь упомянутый одним конспирологом, любой другой может при желании при-

знать несомненно существующим и использовать для доказательства своей теории, даже если она прямо противоречит той, в связи с которой этот факт упомянут первоначально.

⇒ Оппоненты конспиролога обязаны вести себя идеально корректно; малейшая резкость с их стороны рассматривается как признание в отсутствии аргументов и бесспорное свидетельство их невежества, беспочвенности, умственной неполноценности.

⇒ Оппоненты конспиролога заведомо невежественны, беспочвенны, умственно неполноценны и не располагают аргументами, в чём можно их постоянно уличать сколь угодно резкими словами и выражениями, ни в коей мере не заботясь о корректности.

Если бы я приводил все виденные мною конспирологические аксиомы, этот список растянулся бы невероятно. Но и перечисленного, на мой взгляд, более чем достаточно, чтобы вы могли самостоятельно решить: заслуживает ли труд, опирающийся на какие-то из этих положений, хоть малейшего внимания?

От Курска до Зеелова

Оборонительная стратегия — гарантия поражения

Несколько слов о безнадёжности обороны.

Почему к лету 1941 года не было вдоль всей советской границы минных полей, изгородей из колючей проволоки, множества рядов траншей, бетонных укрытий для пулемётов и пушек? Почему мы клепали танки, а не бронеколпаки? Почему, наконец, при первых же вражеских ударах войска не зарылись в землю, а раз за разом атаковали, разбиваясь о безжалостную немецкую военную машину?

Бывший политрук танковой роты и клерк советской военной разведки, а ныне британский пропагандист Владимир Богданович Резун — Виктор Суворов — рекламирует бесчисленные угрозы пехотинцу, бегущему навстречу вражьим винтовкам и миномётам под градом смертоносного металла, и столь же бесчисленные выгоды пехотинца в траншее и танка, зарытого по башню в землю. Резун цитирует советский устав: зарылся по колено — углубляйся в полный рост; обустроил окоп — рой траншею к соседу; создал три ряда траншей — копай четвёртый; укрылся в дерево-земляной огневой точке (ДЗОТ) — помогай сапёрам строить долговременную огневую точку (ДОТ) из железобетона...

А ведь эти строки устава как раз и означают: никакую систему обороны нельзя считать достаточной; при любом её усилении невозможно сказать «всё в порядке» и остановиться. Потому что сколь бы грандиозна ни стала оборона, противник может накопить против неё превосходящие силы.

Окоп или ДОТ на новое место не перетащить. А пушки, способные смешать окопы с землёй и превратить ДОТы в щебень, можно стянуть со всего фронта к паре километров. Советский удар в линию Маннергейма был отвлекающим: основные силы наступали на севере Карелии. Но неожиданно тёплое начало зимы оставило тамошние болота непроходимыми, войска могли двигаться лишь по немногим дорогам, и финны их без особого труда остановили. Тогда к линии подвели положенное по уставу число тяжёлых орудий — и баснословные ДОТы за считанные дни преобразились в причудливые скульптуры из бетонных глыб, связанных скрученной арматурой.

Снаряд всегда дешевле брони, которую пробивает. Ведь прикрыть бронёй надо всю конструкцию. А пробить достаточно в одной точке.

Даже если сама местность способствует укреплению, это ещё ничего не гарантирует. Перешеек, связывающий Крым с южнорусскими степями, назван Перекоп, ибо так узок, что ещё в древности поперёк него выкопали ров. Но через него не раз на плечах отступающих татар проходили русские войска. За рвом насыпали Турецкий вал — не помогло. В 1920 году Красная армия не только вышла в Крым вброд через залив Сиваш, но и прошла по перешейку, усиленному ещё и полевыми укреплениями по опыту Первой мировой и обороняемому опытной Белой армией под руководством лучшего в ту пору тактика Слащёва. Но знание слабостей Перекопа не помогло красным воспрепятство-

вать прорыву немцев в Крым в 1941-м. А те в свою очередь не удержали перешеек в 1944-м против тех же красных, правда, набравшихся опыта в ходе Великой Отечественной.

В 1943-м уже к концу зимы стало ясно: немцы будут бить в основание дугообразного выступа фронта, охватывающего Курск. За пять месяцев титанического труда мы создали там систему обороны на десятки километров вглубь: минные поля и колючие заграждения, ДОТы и траншеи...

На юге Курской дуги немцы пробили нашу оборону насквозь за неделю. Пришлось их тормозить встречным ударом танковой армии. На севере выгодных направлений для удара было меньше, каждое из них укрепили лучше, поэтому немцы за неделю преодолели всего порядка трёх четвертей обороны, но успешно двигались дальше. Только когда к северу от дуги началось наше наступление, угрожающее отрезать немцев от снабжения, тем пришлось отступить. Дальше наступали мы.

На возвышенностях у городка Зеелов к востоку от Берлина для строительства меньше места, чем в степи под Курском. Глубина укреплений на Зееловских высотах — всего пара десятков километров. Но в расчёте на погонный метр фронта их плотность даже больше курской: немцы начали строительство уже в феврале 1945-го, а их промышленность даже под конец войны была посолиднее нашей. Наша армия прошла укрепления насквозь за два дня — 16 и 17 апреля.

Даже если укрепления строятся не два месяца, а два десятилетия, всё равно собрать силу, достаточную для их прорыва, можно за считанные дни. Для противодействия наступлению нужна прежде всего активная, подвижная сила. Сколь угодно мощные линии укреплений научились прорывать ещё в Первую мировую. Но

тогда противник успевал подтянуть к месту прорыва резервы. Новизна Второй мировой — в том, что в прорыв входили механизированные, подвижные войска. Значит, и противостоять им должны танки, не вкопанные в землю по рецепту Резуна, а собранные в мощные мобильные кулаки. В частности, те самые механизированные корпуса, что сгорели в сражениях первого же месяца войны, но затормозили немецкую боевую машину куда вернее любых укреплений.

Да и потом наша армия при любой возможности атаковала. На собственном горьком опыте училась делать это всё лучше. И в конце концов сокрушила немцев. Крепостью не бетона, а брони и снаряда, пули и штыка. Потому что не только в футболе верна формула: победа — у чужих ворот.

Две рельсовые войны

Тактика должна подчиняться стратегии

Несколько слов о стратегии, диктующей тактику. Ещё из школьного курса истории я узнал об операции «Рельсовая война». В июне 1944 года белорусские партизаны за считанные дни подорвали многие десятки тысяч рельсов, а потом до самого подхода наших войск поддерживали дороги на оккупированной немцами территории в изувеченном состоянии. Но была и Первая рельсовая война. С 3 августа по 15 сентября 1943 года на оккупированных территориях сразу трёх союзных республик — Белоруссии, России, Украины. Подорвано свыше 200 тысяч рельсов, тысячи эшелонов. Ни на одном участке железнодорожной сети суммарная задержка не была меньше трёх суток, а некоторые магистрали не работали весь август.

Центральный штаб партизанского движения делился по республиканскому принципу. В украинском штабе в 1943-м трудился один из лучших в мире специалистов по минным диверсиям Илья Григорьевич Старинов. Соответственно партизаны этой республики действовали изощрённее и эффективнее прочих, прицельно выводили из строя не просто рельсы, а именно составы. А вот партизаны Белоруссии в 1944-м взрывали почти исключительно пути, не охотясь за тем, что по ним дви-

жется. В лекциях, мемуарах, интервью Старинов неустанно подчёркивал расточительность такой тактики.

Партизаны многое выискивают на местах былых боёв или отступлений регулярной армии. Взрывчатку в основном выплавляют из неразорвавшихся снарядов. Кое-что можно добыть у противника — в бою или захватом складов. Некоторые трофеи даже приспосабливают к использованию в собственном оружии.

А вот средства взрывания — детонаторы, огнепроводные и детонирующие шнуры, электропровода — остаются неизбывным дефицитом. На трофеи надеяться нечего: сапёрные склады в тылу редки. На местах сражений ничего не найти: отступающие войска используют всё подобное имущество для подрыва неисправной техники и важных сооружений вроде мостов. С Большой Земли по воздуху много не доставят: по вражьим тылам летать куда сложнее и рискованнее, чем ходить. Жаль тратить столь редкие материалы на подрыв рельсов, заменяемых за считанные часы.

Отчего же в сорок четвёртом в Белоруссии не применили опыт охоты за эшелонами, накопленный успехами сорок третьего?

В 1943-м уже весной определилось место летних сражений. Только на флангах Курской дуги немцы могли надеяться на радикальный успех с окружением значительной советской группировки. Соответственно там же возникла мощнейшая за всю советскую историю система оборонительных сооружений. Контрнаступление же мы должны были нацелить прежде всего на Киев: условия дорожных сетей и всей местности не позволяли на других участках фронта ни развить сходную скорость продвижения, ни добиться сравнимых политических и хозяйственных результатов.

Войска обеих сторон заблаговременно сосредоточились в районе предстоящих боевых действий. Непо-

средственно в ходе боёв перевозились в основном боеприпасы. Правда, сравнительно немногочисленные эшелоны хорошо охранялись. Зато и охотились за каждым поездом сразу несколько отрядов, и его взрыв основательно разрушал пути.

В 1944-м немцы ждали удара по флангам белорусского «балкона». Ведь за его центром простирались Припятские болота. В сорок первом сами немцы даже не пытались их пройти: группа армий «Центр» двинулась южнее, «Север» — естественно, севернее. Вот и теперь они укрепили фланги, сосредоточили там все доступные резервы.

Наши же решили прорваться мимо немцев — сквозь болота. Нашли старожилов, знающих тропки. Сапёры несколько месяцев учились наводить бревенчатые гати, танкисты — ездить по невидимым брёвнам, ориентируясь на сапёрные вешки. Пехота освоила плетёные из веток болотоступы: значительная площадь опоры замедляет провал в трясину и позволяет шагать уверенно.

Пропускная способность каждой тропы и даже гати мала. Пришлось рассредоточиться по всем приемлемым проходам. Немцы же славились умением перебрасывать резервы и бить противника по частям. Подтянув к одному проходу заметно превосходящие силы, они разгромили бы идущие там советские войска почти без собственных потерь и перешли бы к следующему.

Партизанам заведомо не удалось бы уничтожить достаточно много эшелонов немецких войск. Немцы тоже учли опыт сорок третьего, усовершенствовали охрану поездов, даже успевали перед их проходом осматривать пути.

Но для охраны всей железнодорожной сети немецких сил не могло хватить. Интервала между патрулями подрывникам достаточно. Пусть немцы чинят — полчаса-час провозятся. Даже если вместо замены рельса

кинут поверх разрыва швеллер и на малом ходу перетянут состав — всё равно время выиграно.

Рельсовая война просто парализовала немецкие передвижения на несколько дней. Наши войска успели пройти болотные коридоры, сгруппироваться и обрушиться на немцев с тыла. Немецкие безвозвратные потери превысили наши раза в полтора. Только по улицам Москвы провели — чтобы наглядно показать успех — несколько десятков тысяч немецких пленных.

Многие тактические приёмы сами по себе кажутся нелепыми. Но в рамках общего стратегического замысла бывают уместны и необходимы.

Коммуникационная ловушка

Ржевские сражения были жизненно необходимы

Несколько слов о вынужденных ходах.

На поле боя Великой Отечественной войны наша армия мало уступала противнику. Безвозвратные потери — убитые, раненые так тяжко, что вовсе выбыли из армии, умершие в плену — одиннадцать с половиной миллионов человек у нас, восемь и шесть десятых миллиона у немцев и их союзников. Четыре к трём — достойное соотношение.

Демографические потери — включая погибших мирных граждан и спад рождаемости — двадцать шесть и шесть десятых миллиона у нас, одиннадцать и восемь десятых миллиона у противника: пять к двум. Но это — следствие старательного исполнения предначертаний правившей в ту пору национальной социалистической немецкой рабочей партии: освобождение жизненного пространства для высших народов и рас путём истребления низших.

Впрочем, многие считают: немцы истребили столько штатских потому, что военные их не защитили. Может быть, советское командование могло действовать эффективнее?

Серьёзной нашей неудачей в той войне принято считать бои под Ржевом. Задачу занять город поставили 8 января 1942 года, а решили её — 31 марта 1943-го. За 15 месяцев прошли всего две сотни километров. Безвозвратные потери — 433 тысячи человек. Санитарные — раненые, после лечения вернувшиеся в строй — около 892 тысяч.

Наступали мы четырежды — в сумме около полугода. Каждый раз — на подготовленную долговременную многослойную оборону. Прогрызается она ценой тяжких жертв — ради глубокого прорыва, дабы разгромить тылы врага и затем легко разбить его войска, лишённые снабжения. Немцы же держали под Ржевом мощные подвижные — танковые и мотопехотные — соединения. Они успевали заткнуть дыры в обороне, выстроить новые системы огня. Поэтому общие немецкие потери под Ржевом чуть ли не вчетверо ниже наших, а в целом по Западному направлению в 1942 году — в 2,7 раза (хотя в том страшном году соотношение на других направлениях было для нас ещё хуже). Правда, после каждого нашего удара немцам приходилось пополнять подвижный резерв, снимая силы с других участков фронта. Но и наши силы под Ржевом восстанавливались по нескольку месяцев. Не зря зачастую говорят о Ржевской мясорубке.

Стоил ли Ржев столь страшной цены?

Увы, стоил. Ибо характер того сражения всецело обусловлен не местными обстоятельствами, а стратегическими — проявляющимися иной раз за многие сотни километров от Ржева — соображениями.

Ржевская группировка контролировала магистрали, связывающие Москву и Смоленск — крупнейшие центры коммуникаций. Причём не только дорог от тыла к фронту, но и рокадных — вдоль фронта. Поэтому под Ржев проще всего было доставлять подкрепления и бо-

еприпасы, а главное — оттуда войска легко перебрасывались на другие участки.

Мы не могли отказаться от атак укреплённой линии по мере накопления свежих сил и боеприпасов. Если бы немцы почуяли нашу пассивность на ржевском фронте, сразу отвели бы войска под Смоленск, а оттуда по рокадам перебросили к Ленинграду или Сталинграду. Нарушение неустойчивого равновесия на любом из этих ключевых участков привело бы не только к захвату самого города, но и к обвалу громадной части фронта. Жертвы многократно превзошли бы все кошмары Ржева.

Удержала немцев от такого манёвра лишь угроза разгрома отступающих нашим ударом вдогонку. Но не только ради такого удара мы не могли перебросить из-под Ржева — ни к Ленинграду, ни к Сталинграду — свои силы. Немцы умели нащупать малейшую слабину в чужих боевых порядках, вклинить в неё подвижные части (а под Ржевом их хватало) и развить наступление. Ржев недалёк от Москвы. Немцы могли повторить ход, сорванный в ноябре—декабре 1941-го. С учётом достигнутого в 1942-м уровня военного искусства и подвижности обеих сторон нам надо было держать под Ржевом силы, в разы превосходящие возможное немецкое наступление — иначе мы не успели бы заткнуть брешь.

Поэтому же нам под Ржевом нельзя было пассивно обороняться. Атакуя, мы вынуждали немцев концентрировать свои силы на угрожаемом направлении, не позволяли им искать места, удобные для прорыва наших позиций.

Обе стороны сознавали: бои под Ржевом не решают никаких задач, важных именно для этого региона. Немцы ещё в Первой мировой войне намаялись в позиционном тупике Западного фронта. Теперь они вовсе не желали, как в ту пору, сжигать ресурсы в пассивной

обороне. Наши военачальники благодаря манёвренному характеру Восточного фронта и Гражданской войны не накопили столь печального опыта, но теоретически знали бессмысленную кровопролитность атаки подготовленных укреплений, за которыми — подвижные резервы. Увы, структура коммуникаций не оставляла в центральной части фронта иного выбора ни нам, ни немцам.

На ясном стратегическом фоне было немало тактических ошибок. Мы — из-за меньшего боевого опыта — ошибались чаще. Только к концу 1942-го — под Сталинградом — мы впервые разгромили окружённого противника. Весной 1943-го немцы очистили Ржев под угрозой такого же окружения. Но само по себе стремление драться под Ржевом в сорок втором совершенно неизбежно и поэтому оправдано как «деяние, совершённое в состоянии крайней необходимости».

В ОБХОД ИЛИ В ЛОБ

МАНЁВРЫ ТРЕБУЮТ НЕ ТОЛЬКО МАСТЕРСТВА, НО И ВРЕМЕНИ

Несколько слов про обходы.

В фильме «Айболит-66» Бармалей со своими подручными поёт песню, где есть замечательные строчки: «Нормальные герои всегда идут в обход». Самому Бармалею эта песня не очень помогла, — двинувшись в обход, он и его банда с величайшими трудностями и затратой времени пришли в конечном счёте туда, куда могли пройти за пару минут, вовсе не привлекая внимания своих потенциальных жертв. Но в целом совет вполне разумный.

Замечательный британский военный историк и теоретик сэр Бэзил Хенри Лидделл Хард известен, помимо прочего, теорией непрямых действий. Там он, в частности, показывает: действие манёвра тем больше, чем дальше от зоны непосредственного соприкосновения с противником этот манёвр происходит. В его трудах это правило иллюстрировано множеством убедительных боевых примеров из разных эпох и регионов.

Но есть в теории непрямых действий ещё один важный пункт. Чем дальше от зоны соприкосновения с противником происходит манёвр, тем дольше приходится дожидаться последствий. А на войне, как извест-

но, время очень дорого. Не зря Пётр Алексеевич Романов в одном из указов написал: «Промедление времени смерти невозвратной подобно». Поэтому иной раз даже напрашивающийся обходной манёвр оказывается далеко не лучшим образом действия.

В промежутке между двумя мировыми войнами Франция отделилась от Германии лучшей в мире системой укреплений. Её назвали «Линией Мажино» по фамилии министра обороны, при котором началось её строительство.

У нас его зачастую называют генералом Мажино, хотя реально он во время Первой мировой дослужился всего лишь до звания, примерно соответствующего нашему старшему сержанту, а в дальнейшем был сугубо гражданским человеком, и именно как гражданское лицо смог возглавлять министерство обороны. В большинстве современных стран этот пост отвечает не за боевую, а за хозяйственную деятельность армии. Но уж строительство системы укреплений — дело, несомненно, хозяйственное.

Система была действительно лучшей в мире. В частности, там впервые в массовом порядке употреблены так называемые казематы Ле Бурже. У них напольная сторона — то есть обращённая на поле боя, к противнику — глухая. Амбразуры устроены во фланговых сторонах. Каждое такое укрепление прикрывает своим огнём соседей. Линию казематов Ле Бурже бессмысленно атаковать и с тыла. Ведь те же самые амбразуры обеспечивают обстрел не только напольной, но и тыльной стороны.

Между укреплениями линии Мажино располагались окопы для полевого заполнения. Обзор из окопа лучше, чем из амбразуры. Солдаты заполнения первыми замечают подкрадывающегося противника и отстреливают его или хотя бы дают целеуказания огневикам укреплений.

В общем, система была бесспорно лучшей в мире. Поэтому немецкие танковые войска в 1940 году просто обошли её с севера через Арденский лес, до того считавшийся непроходимым для танков. Но немецкая пехота вместе со своей штатной артиллерией просто прошла в двух местах через линию Мажино. Технология прорыва отработана ещё в Первую мировую войну. Противника ослепляют артиллерийской дымовой завесой. Под её прикрытием бойцы с пулемётами и сапёры подкрадываются вплотную к укреплениям. Пулемётчики подавляют действия и амбразур, и полевого заполнения, а сапёры взрывают укрепления уже без помех. Всё это заняло всего пару дней. Правда, французы к тому времени уже вывели часть полевого заполнения в надежде перебросить его на путь следования танков. Но всё равно два дня — это очень быстро. И главное — немцы прорвались сразу на нескольких направлениях, так что французская система обороны была окончательно разрушена.

В 1945-м Георгий Константинович Жуков штурмовал Зееловские высоты перед Берлином в лоб, хотя почти все считали, что он должен их обходить. Дело в том, что сам по себе Берлин — мощнейшая система укреплений. Там — многие десятки тысяч каменных домов со стенами толщиной более метра. Каждый такой дом — готовая долговременная огневая точка. Если бы все их заполнили опытные солдаты, штурм мог затянуться на месяцы. На Зееловских высотах немцы за пару месяцев тоже построили серьёзную систему укреплений — но с многовековой берлинской застройкой она, конечно, несравнима. Прорвать эту систему куда легче, чем штурмовать сам Берлин. Если бы наши двинулись в обход высот, немцы просто оттянули бы в столицу опытные полевые войска и оборонялись там невесть сколько времени. А так основная часть опытных

немецких бойцов осталась на высотах под нашими бомбами, снарядами, пулями. Город же обороняли в основном штабисты, связисты, зенитчики, свежемобилизованные старики и дети. Они даже стрелять толком не умели: чтобы определить на глазок дистанцию до цели, взять правильное упреждение, нужен немалый навык. Понятно, наши при лобовом прорыве через зееловскую позицию потеряли немало сил и техники: всё-таки оборона там была немецкой — искусной и тщательной. Но точные расчёты и тогдашних штабистов, и последующих аналитиков показали: обход Зееловских высот увеличил бы суммарные потери во всей Берлинской операции в несколько раз.

Надо всегда думать, есть ли у нас время на обход, и не приведёт ли обход к худшим результатам, чем прямые действия.

Тайные причины

Исторические загадки объясняются логистикой и координацией

Несколько слов о логистике.

Этот термин, один из ключевых в современной торговле и производстве, в момент своего зарождения, в Древней Греции, означал искусство снабжения войск. Уже тогда победы зависели не только от мужества бойцов и мастерства полководцев, но и от правильной организации.

Почему немцы в 1942 году атаковали именно Сталинград, где их не только ждали отступающие советские войска, но и встретила изобильная продукция тамошних заводов — артиллерийского и танкового? Почему даже мобильные соединения — танковые и моторизованные — втянулись в уличные бои вместо перехвата Волги в слабозащищённом месте сотней километров южнее? Ведь главная цель операции — прикрытие фланга армий, атакующих Кавказ, и пресечение речной перевозки бакинской нефти — достигалась ударом едва ли не по любой точке главной реки!

Сталинград — ближайшая к Дону точка Волги. Южнее и севернее Дон резко уходит к западу, а Волга — ещё резче к востоку. Каждый километр смещения на юг удлиняет линию снабжения километра на два-три.

Дорожная сеть в этих краях даже сейчас оставляет желать немало лучшего. В ту же эпоху там была всего одна серьёзная железная дорога, а уж о приличных шоссе и мечтать не приходилось. Немцы подошли к Дону в конце июля, а до Сталинграда добирались весь август. По опыту прошлого года они знали, сколь сложно снабжать войска в осеннюю распутицу. Опытный штабист — один из разработчиков плана нападения на СССР «Барбаросса» — Фридрих Вильгельм Эрнст Паулюс рассчитал: его шестой армии куда легче и быстрее сломить сопротивление наших войск, изрядно потрёпанных на Дону и в междуречье, чем строить долгий обходной манёвр по степному бездорожью.

Советские штабисты подсчитали так же. На пути немцев возвели несколько полос обороны, когда бои шли ещё на Дону. Жаль, с эвакуацией горожан запоздали: пропускную способность переправ через Волгу использовали прежде всего для подвоза резервов. Да и не всех можно эвакуировать: завод «Баррикады» и тракторный снабжали войска техникой и вооружением.

Слабость дорожной сети мешала не только немцам. В Сталинград удавалось подвозить лишь незначительную часть наших свежих сил. Георгий Константинович Жуков организовал основные удары Сталинградского фронта по немцам с севера — далеко от города. Если бы не беспрестанное давление на фланг, Паулюс без проблем сосредоточил бы против города все силы и скорее всего добил бы защитников.

Жукова ругают за бои под Ржевом — на первый взгляд, нелепые. Больше года наши войска штурмовали одну и ту же узкую полосу. Естественно, немцы соорудили там столько укреплений, что вышла мясорубка в худших традициях Первой мировой войны. Неужели Жуков, награждённый в той войне двумя солдатскими георгиевскими крестами, не понимал, что творит?

И тут виновна логистика. Ржевская полоса насыщена коммуникациями. Туда с обеих сторон можно непрерывно подвозить подкрепления. Вдобавок на этом стратегически важном — московском! — направлении обе стороны вынужденно держали крупные подвижные силы. Если бы наши перестали наседать на немцев, те сразу перебросили бы свои танки к тому же Сталинграду, или в Ленинград, или вновь кинулись бы на Москву... Сколь ни тяжки наши потери под Ржевом, отказ от лобовых атак обернулся бы стратегическим поражением, то есть в конечном счёте потерей несравненно большей.

Тихоокеанская кампания той войны тоже насквозь логистична. Островки в Великом Океане столь редки, что возить военные грузы приходилось в основном на эсминцах — самых быстроходных кораблях со сколько-нибудь заметной грузоподъёмностью. Американцы решили не ползти от острова к острову последовательно (как шло японское наступление), а прорываться на такое расстояние от уже освоенных баз, какое эсминцы могут пройти за ночь: днём противостоять самолётам могла только крупная эскадра. Островок, находящийся вроде бы в глубоком тылу, чаще всего слабо готов к обороне, и штурмовать его легче. Организовав на нём свою базу, американцы отрезáли обойдённые острова от снабжения — и те вскоре становились сравнительно лёгкой добычей.

Выигрывает логистика и нынешние войны. В том числе бескровные.

В числе ключевых элементов японского экономического чуда 1960-х — система снабжения канбан (в переводе — точно вовремя). Поставщики крупных сборочных заводов обязались присылать компоненты по строго согласованному графику. Капитал не омертвлялся в складских запасах. Оборот резко ускорился. Промыш-

ленность стала рентабельнее. Вскоре японцы смогли скупать западные предприятия, создавать по всему миру филиалы своих заводов... Япония отыгралась за поражение во Второй мировой.

Против японского канбана тоже нашлось американское логистическое оружие. Соблюдать график с той же точностью, что и на маленьких японских островах, не позволяли американские просторы. Зато массовая компьютеризация производства позволила точнее учитывать сбои снабжения, корректировать работу. Вдобавок стало возможно собирать на одном конвейере сразу несколько модификаций одного изделия, подавая в нужное время к нужному месту соответствующие детали. На японскую дешевизну американцы ответили крупносерийной технологией исполнения индивидуальных заказов. Вот сила логистики!

Суворовская логистика

Отчего министром обороны стал торговец мебелью

Несколько слов о сражениях вне поля боя.

Непобедимые чудо-богатыри легендарного Александра Васильевича Суворова маршировали так быстро, что один из них на вопрос любимого полководца «Далеко ли до Луны?» бодро отрапортовал: «Два суворовских перехода!»

Воины Суворова обрушивались на противника, как снег на голову. Заставали его врасплох. Не давали времени на перегруппировку. Немыслимой скоростью сокрушали его так же легко, как пушечное ядро сносит хилый заборчик.

Хрестоматийный пример — битва у реки Рымник.

Сто тысяч турок — в трёх укреплённых лагерях. Атакуй один из них — войска из остальных тут же придут на подмогу. Осаждающий окажется осаждённым.

Двадцать пять тысяч суворовцев не только захватили каждый лагерь за считанные часы вместо предполагаемых фортификаторами нескольких дней. Они ещё и прошли от лагеря к лагерю быстрее турецких гонцов. Турки в каждом из лагерей просто не знали, что нужно готовиться к обороне — оттого их и захватывали так молниеносно.

Не зря Суворов удостоился титула графа Рымникского.

Отчего же его войска двигались настолько быстрее прочих?

Суворов составил — и издал за свой счёт для всех подчинённых ему офицеров — брошюру с подробной инструкцией по технологии воинского обучения (а заодно и по правилам личной гигиены, обустройству лагерей и прочим подробностям армейского быта). И заслуженно назвал её «Наука побеждать».

Но не только ветераны, превзошедшие сию науку во всех подробностях, славились суворовскими переходами. Подкрепления, приходившие по ходу кампаний, и даже новобранцы под водительством Суворова не отставали от мужей, закалённых во множестве битв.

При Рымнике у Суворова было всего 7 тысяч русских воинов. Остальные 18 тысяч — австрийцы. Общий враг — Турция — сплотил две конкурирующие империи, а принц Кобург имел достаточно опыта и благоразумия, чтобы вверить командование более опытному коллеге, хотя его собственные войска были куда многочисленнее.

Часть манёвров союзники провели раздельно: пока Суворов громил 12 тысяч турок у деревни Тыргу-Кукули, Кобург шёл к лесу Крынгу-Мейлор. Но объединившись у леса и разбив там 40 тысяч турецких конников, союзники двигались к местечку Мартинешти уже вместе — с суворовской скоростью.

Австрийские войска в ту эпоху были прекрасно обучены. Но всё же до Рымника они никогда не ходили так быстро. И времени на их переподготовку у Суворова не было: на выручку Кобургу он пришёл, когда до турецкой атаки оставались в лучшем случае сутки, и вынужден был опережать турок.

Быстроту суворовских войск обеспечила логистика — искусство организации снабжения.

До Суворова войска двигались, пока не проголодаются до уровня, угрожающего боеспособности. Тогда становились на привал и готовили пищу. По возможности — горячую. Она и насыщает лучше, и гигиенически безопаснее: в доконсервную эпоху на сухой паёк годились лишь немногие (и далеко не самые удобоваримые) продукты — в жару быстро портились даже столь специфические находки, как легендарная запорожская саламата (каша из гречневой муки с салом, уваренная до консистенции лепёшек).

Даже солдатски примитивная кулинария отнимает час-два. Причём за эти часы солдаты не очень-то отдыхали: готовка — дело непростое.

Суворов радикально изменил организацию марша. В намеченные на карте места привалов заранее высылались кашевары на конных повозках с конной же охраной. Они прибывали куда раньше пехоты и тут же брались за работу. К подходу маршевых частей еда (по рецептам, описанным в той же «Науке побеждать») была готова. Оставалось съесть и двигаться дальше. Не тратя сил на кухонную возню, солдаты даже отдыхали за эти полчаса-час лучше, чем раньше за два-три часа.

За день суворовские войска экономили благодаря изобретению своего командира четыре-пять часов привалов. Потому проходили на десятки километров больше любых других.

С годами по суворовскому методу ускорились переходы всех армий. Всякая новинка эффективна при первых применениях — потом её либо используют все, либо находят противоядие.

Следующий прорыв — создание (спустя век с лишним, в русско-японскую войну) полевой кухни на колёсах (Турчанович запатентовал её после войны — в

1907 году). Двигаясь в общем солдатском строю, повар готовит всё необходимое, и поесть можно уже не в заранее намеченном месте, а там, где возникают удобные для привала обстоятельства.

В Первой мировой быстрее всех маневрировали немцы: у них даже обувные мастерские были на грузовиках — солдаты в ожидании починки сапог ехали на специальных подножках, держась за кузов. Ключевое сражение 1914 года — на Марне — выиграли французы опять же логистикой: подкрепления из Парижа перебросили за одну ночь, мобилизовав все городские такси...

Нового министра обороны аналитики встретили единодушно: бывший главный налоговик наведёт наконец порядок в запутанных армейских финансах — возможно, даже сократит повальное воровство. Мало кто обратил внимание: Сердюков до казённой службы руководил крупной мебельной торговлей. Это прежде всего сложнейшая логистика. Может быть, и в этом деле, где наши войска изрядно растеряли даже опыт Великой Отечественной, появится наконец нечто новое?

Непризнанные образцы

По международному праву независима Абхазия, но не Косово

Президент Владимир Владимирович Путин не раз повторял: решение косовской проблемы должно стать прецедентом для всех непризнанных республик. Президент Дмитрий Анатольевич Медведев, похоже, придерживается той же позиции. Западные же оппоненты возражают: Косово — случай уникальный. И в данном случае они правы: по букве и духу международных законов и обычаев Абхазия, Арцах, Приднестровье, Южная Осетия имеют право на независимость, а Косово обязано остаться в Сербии.

По расхожему мнению, принципы нерушимости границ и самоопределения наций друг другу противоречат. На самом же деле они просто смотрят на одну и ту же границу с противоположных сторон: нерушимость — снаружи, самоопределение — изнутри. Никто за пределами границ не вправе требовать их изменения. Но народы, очерченные конкретной границей, могут самостоятельно решать её — и свою — судьбу.

Народы, разделённые границей, также вправе её изменить и даже отменить. Опять же при условии, что никто, кроме этих народов, не требует таких перемен. Их же собственное решение не считается внешним давлением.

Скажем, легитимность границы между Австрией и остальной Германией по современным представлениям сомнительна. По итогам Первой мировой войны австрийцы остались без славянских и венгерских владений — и новоизбранный парламент Австрии сразу пожелал общегерманского воссоединения. Но победители — Антанта — запретили исполнять волю народа. Выходит, ввод германских войск в Австрию в 1938 году вполне легитимен — их туда прямо пригласили сами австрийцы. Если бы не последовавшая Вторая мировая война, результаты действий Гитлера остались бы на карте. А после войны — в 1955-м — былая антигитлеровская коалиция обусловила вывод из Австрии оккупационных войск согласием австрийцев принять Государственный договор, прямо запрещающий воссоединение. Но даже при таких условиях никто из австрийцев, кроме ЦК тамошней компартии, никогда не отрицал своей принадлежности к немецкому народу.

Четыре непризнанные республики на просторах бывшего СССР сами решили свою судьбу. Их народы не только провозгласили независимость на референдумах, проведенных без видимых нарушений, но и сумели отстоять её силой оружия, и наладили затем мирную жизнь.

Кстати, многие трактуют выражение «самопровозглашённые республики» как намёк на неполноценность. Но из современных государств не провозгласили независимость самостоятельно разве что бывшие колонии (в том числе Израиль, созданный на части земель, отбитых Великобританией у Турции в Первой мировой войне, по решению ООН). И то самые известные бывшие колонии — ныне Соединённые Государства Америки — провозгласили свою независимость от Великобритании самостоятельно (4 июля 1776 года) и отстояли её силой оружия, да ещё и при многолетней открытой французской поддержке.

Поддержку извне кое-кто усматривает и в истории наших малых государств. Зачастую независимость Приднестровья и Абхазии приписывают российскому, а Арцаха — армянскому вооружённому вмешательству. И заявляют о запрещённом по международному праву иностранном давлении. Но история этих конфликтов чётко документирована (в том числе журналистами всего мира, включая телеоператоров), ход боёв известен. Приднестровцы сами отбили нападения молдавских полицейских и солдат — окрик генерала Александра Ивановича Лебедя последовал уже после их изгнания и запретил лишь дальнейшее бесцельное кровопролитие. В Абхазии дрались не регулярные войска из России, а дозволенные международным правом добровольцы с Северного Кавказа — в том числе и весьма антироссийски настроенные: вспомним хотя бы, что там набрался боевого опыта Шамиль Салманович Басаев. Столь же добровольно участвовали некоторые жители Армении в боях на стороне своих арцахских сородичей. Южная же Осетия сама легко отбила грузинскую атаку: Звиад Константинович Гамсахурдиа — при всём своём истеричном обаянии — не смог наладить ни одну сторону жизни страны, включая вооружённые силы.

Внешнего вмешательства на государственном уровне в судьбу этих четырёх республик нет. Принцип нерушимости границ не затронут. И в полную силу действует принцип самоопределения.

Косовские албанцы даже не пытались действовать самостоятельно. Они не боролись с силами сербского государства, но только резали по ночам мирных сограждан да поджигали церкви. Когда же законно действующая полиция пресекла явный бандитизм, косовары спровоцировали вооружённое вмешательство НАТО — и этим ввели в действие принцип нерушимости границ. Теперь статус края нельзя менять, пока иностранные

войска не уйдут, а НАТО не пообещает раз и навсегда отказаться от «гуманитарных» бомбёжек Сербии. Нынешние декларации о признании косовской независимости юридически ничтожны.

Я уж и не говорю о том, что косовские албанцы — в отличие от граждан четырёх наших новых государств — даже под надзором «миротворцев» убивают коренных жителей края и уничтожают все следы их присутствия, включая уникальные памятники культуры и истории. Гуманитарные соображения редко определяют политику. Но даже без учёта собственного варварства — самим фактом отказа от самостоятельной борьбы за свою судьбу — албанские насельники Косова утратили право на самоопределение.

Не только негодяев

Средства не компрометируют цель

Несколько слов о благородных делах и неблагородных деятелях.

Известный писатель — фантаст, считающий себя по совместительству историком — Александр Александрович Бушков написал книгу «Тайная история США: неизвестная война» о гражданской войне в Америке — между Соединёнными Государствами на севере и Конфедеративными Государствами на юге. Мы привыкли считать правой северную сторону. Основная же часть книги Бушкова доказывает: деятели этой войны с северной стороны были сами по себе, мягко говоря, далеко не ангелами.

Я не собираюсь опровергать Бушкова. Действительно, на стороне севера выступало куда больше всяких не слишком пристойных и слишком непристойных деятелей, нежели было их на юге.

Более того, подобное явление концентрации негодяев вокруг лучшего дела наблюдалось далеко не в первый раз в мировой истории — и думаю, далеко не в последний. Скажем, казнокрадов на войне практически всегда оказывалось значительно больше со стороны, которую впоследствии признавали правой.

Простейший пример — наша Крымская война, случившаяся за несколько лет до американской граждан-

ской. Воровали в российской армии в совершенно гомерических масштабах. Не то что английское, но даже французское казнокрадство — в пору империи Наполеона Третьего Людовиковича Бонапарта весьма изрядное — нашему и в подмётки не годилось. Но кто скажет на этом основании, что правы были французы с англичанами? Думаю, даже они сами вспоминают о Крымской войне без особого удовольствия.

Более того, если мы вспомним жития святых, то убедимся: бо́льшая их часть в молодости — до уверования в христианство — вела себя далеко не лучшим образом. И даже после принятия веры вовсе не все грядущие угодники господни в одночасье становились ангелами во плоти. Блаженный Августин не зря сказал: «Даруй мне, господи, благочестие и воздержание — но не сейчас!»

По отдалённой ассоциации со словами Блаженного вспоминается ещё одна часто цитируемая фраза. Её понимают, на мой взгляд, далеко не так, как понимал её автор — английский историк и эссеист Сэмюэл Майклович Джонсон. Говоря «Патриотизм — последнее прибежище негодяя», он имел в виду далеко не только то, что многие негодяи прикрывают свои дела патриотическими лозунгами, а политические демагоги, которым сам Джонсон очень жёстко оппонировал, вообще пользуются этими лозунгами как фомкой для взлома душ. Главная мысль Джонсона совершенно иная: если даже у самого гнусного человека в душе теплится хотя бы любовь к его родине, значит, он ещё не вполне потерян для общества и может каким-то образом исправиться.

«Цель оправдывает средства» — говорим мы, ссылаясь на орден иезуитов. Но на самом-то деле ни в одном творении иезуитов этой фразы отродясь не бывало. Есть совершенно иная формула: «Если цель дозволена, то надлежит заботиться, чтобы и средства были дозволены». Когда защищать правое дело идёт даже самый

гнусный человек, он не привносит в это дело свою гнусность. Наоборот, он вынужденно пользуется теми средствами, кои с этой целью сообразны, а не делают само её достижение бессмысленным.

Один из основателей американских секретных служб во время той самой гражданской войны прославился, помимо прочего, крышеванием бизнесов и откровенным рэкетом. Но это не значит, что до этих непочтенных занятий — когда сам бродил по тылам южан и очень многим рисковал при этом — он был таким же подлецом, каким стал в новом кресле. Более того, когда он из этого кресла вновь выходил в разведывательные рейды, то сбрасывал с себя всю свою подлость и вновь становился благородным воином.

Возможно, правое дело потому и привлекает так много грешников, что даёт им надежду на очищение.

Бушков убедительно показал: гражданская война в Америке была прежде всего столкновением качественно разных цивилизаций, разных эпох развития — городской и крестьянской. Патриархальная жизнь нам обычно нравится больше — до тех пор, пока мы не испытаем её на своей шкуре в полном объёме, со всех её сторон. А тогда приходится признать: жизнь, оснащённая по последнему слову техники, предоставляет каждому из нас куда больше возможностей для самореализации, любого из нас значительно лучше защищает и от природных напастей вроде тяжких болезней и неурожаев, и от напастей общественных. Скажем, силой ограбить крестьянина куда легче и безопаснее, чем проделать то же самое с жителем мегаполиса. Да, мы считаем мегаполисы средоточием разбоя. Но статистика указывает: жизнь здесь в среднем куда безопаснее, чем в деревне где-нибудь в лесной глуши.

Поэтому, как бы ни завидовали мы все благородству южан и как бы ни восхищались их самоотверженнос-

тью и патриотизмом, мы должны признать: историческая правота была в тот раз на стороне севера. К сожалению, именно эта историческая правота позволила втянуться в дело множеству разнообразных и разнобезобразных мерзавцев. Но наплыв преступников не отменяет саму сущность той давней эпохи. В гражданской войне севера с югом победила та сторона, что была исторически прогрессивнее.

Впредь, как и доселе, всякое исторически прогрессивное дело будет обрастать толстым слоем прилипал. Мы должны не только привыкнуть счищать этих прилипал, когда их изобилие замедляет прогресс, но и научиться за всеми прилипалами различать суть дела.

Ложь и разоблачение

Чем больше лжи, тем сложней с ней бороться

Несколько слов про ложь и её опровержение.

Мне приходится довольно часто — и в спорах, и в отдельных публикациях — опровергать разнообразные ложные предположения. Зачастую это — просто расхожие заблуждения, вполне добросовестные. Сознательной и целенаправленной ложь бывает, к счастью, довольно редко. А чаще всего в разных пропорциях смешиваются оба мотива. Поверит человек в ошибочную теорию, привыкнет к ней, а потом видит, что подтверждений недостаточно — или даже опровержения обнаружатся. А отказываться от теории жалко. И начинается выдумывание аргументов и фактов.

В 1977 году американский астроном Роберт Расселл Ньютон доказал: творец геоцентрической системы мира Клавдий Птолемей во II веке нашей эры сочинил немало астрономических наблюдений, чтобы подтвердить свои расчёты. Лишь через полтора тысячелетия Коперник и Кеплер окончательно похоронили теорию, построенную на подтасовке.

Так много времени понадобилось потому, что опровергать вообще сложно. Доказательство ошибочности — а тем более заведомой ложности — утверждения

во много раз больше объёма самого этого утверждения. Причина очевидна. Ложь может быть иной раз вовсе ничем не обоснована. А чтобы её опровергнуть, надо привести реальные обоснования. Или хотя бы сослаться на обоснования, доступные тем, кому адресовано опровержение.

Многим фальсификаторам прекрасно известны опровержения их слов. Владимир Богданович Резун и Марк Семёнович Солонин уличены столько раз, что несомненно ведают, что творят. Английский историк Дэвид Ирвинг продолжает отрицать целенаправленное уничтожение евреев по приказу национальной социалистической немецкой рабочей партии несмотря на то, что все его доводы несколько раз опровергнуты гласным судебным разбирательством, а сам он даже успел отсидеть за публичную ложь. Но эти шулера хотя бы зарабатывают своими передёргиваниями. А многие прислушиваются к ним — и вслед за ними врут совершенно бескорыстно.

Приходится не только напоминать факты, опровергающие ложного идола — ведь любой отдельный факт всегда сомнителен. Надо видеть всю структуру, куда включены отдельные факты. Например, факт гибели человека, выпавшего из окна — в какой-то мере следствие теории всемирного тяготения. Но и она сама несколько веков считалась необоснованной, а потому сомнительной. Лишь век назад Альберт Эйнштейн вывел её из общих свойств пространства–времени, тем самым включив в более общую структуру знаний.

Выходит, чтобы опровергнуть даже тривиальное утверждение, иной раз приходится писать буквально целые учебники. И тут нас подстерегает большая ловушка. Учебник неизбежно больше каждого отдельного опровергаемого им утверждения. Он, правда, несравненно меньше всей совокупности возможных ошибок. Но ведь

каждый конкретный человек видит лишь ничтожно малую их долю и тратит на знакомство с конкретной ошибкой лишь немного сил и времени. А потому далеко не всегда находит силы и время ещё и на знакомство с учебником. Причём учебник — в отличие от, например, пропагандистской фальшивки — ещё понять надо, вникнуть в весь ход рассуждений в нём. Согласитесь, это достаточно тяжёлая работа.

Многие сочтут, что такая работа им просто не нужна. Какая разница, например, напал Гитлер на Советский Союз исключительно по собственному усмотрению или ради опережения готовящегося советского удара? Мы-то сейчас ни на кого не собираемся нападать!

Между тем разница качественная. Если кто-то поверит, что Советский Союз готовил удар в спину Гитлеру, он и от нас, нынешних, будет ждать удара в спину. Значит, будет строить свои взаимоотношения с нами, исходя из этих опасений, то есть заведомо не лучшим для нас образом. Но чтобы понять, сколь важна истина в данном случае, опять же нужны специальные усилия — и по её преподаванию, и по усвоению материала.

В результате у лжецов есть простой способ защиты. Надо врать побольше и поразнообразнее — тогда опровержения получатся слишком объёмисты для чтения. Лжец, написавший не одну анонимку с доносом, а целую гору фальсификации, может надеяться: большинство его читателей так и не узнают истины — ибо её будет слишком много, чтобы с нею познакомиться.

Изобилие публикаций — конечно, не обязательно признак их лживости. Но производительность труда серьёзных исследователей и публицистов обычно куда меньше, чем бойких фальсификаторов — ведь поиск истины требует немалого времени, включает множество перепроверок. Если автор выпускает по книге в год,

как тот же Солонин, это повод читать его особо внимательно.

Опровержения менее популярны, чем опровергаемая ложь, не только из-за объёма, но и потому, что слежение за ходом серьёзной мысли требует от читателя самостоятельных усилий. Соответственно издательская судьба фальшивок обычно благоприятнее, нежели разоблачений. В конце концов создаётся странное положение: массовому читателю просто нечем проверить подделки, глядящие на него со всех книжных полок. Творчество Анатолия Тимофеевича Фоменко с Глебом Владимировичем Носовским издано миллионными тиражами, а труды десятков академиков, разбивших в мелкие щепки каждую фразу этих весёлых коммерсантов, за пределами Интернета почти недоступны.

Тем не менее надо искать опровержение любой лжи. Потому что в будущее может вести только истина.

Фашизм — массовое неравенство

Общая сторона противоположных течений

Как известно, фашизм многолик. Муссолини и Гитлер даже по одну сторону фронта презирали друг друга. Близко родственные и рядом обитавшие Салазар и Франко создали явно различные режимы.

Но есть общий пункт у всех фашистов бывших и нынешних. Презрение к отдельному человеку.

Строку Маяковского «Единица — вздор, единица — ноль» радостно подтвердит любой фашист. Для него права личности ничего не значат. Важны только большие человеческие массы. «Чего один не сделает, сделаем вместе».

Масса удобна любому вождю. Человеческое стадо, подобно любому другому, легко вести к выбранной пастырем цели. Лавина человеческих тел сметёт на пути к этой цели любые препятствия. А то, что при этом путь будет вымощен костями, что препятствия утонут в реках крови... Масса велика — взамен израсходованных пастырем людей родятся новые.

Но сбиваться в массу бывает удобно и рядовым людям. Не всем, конечно. Но тем, кому вне массы делать просто нечего.

Ещё в XVII веке написано: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев». В этой формуле «негодяй» —

вовсе не ругательство. А точное определение: человек, ни на что не годный. Не способный действовать самостоятельно. А потому видящий в общности с другими последнее спасение.

Неполноценность — тяжёлое переживание. И собственные недостатки прикрываются магическим «ЗАТО»: «Зато я — белый»; «Зато я — мусульманин»; «Зато я — немец»; «Зато я — рабочий»; «Зато я — старослужащий»... Мало ли какой из множества примет человек попытается залатать прорехи в собственной душе?

Бывший социалист Муссолини сочинил слово «фашизм» из итальянского «fascia» — «связка». В массу идут люди, легко ломающиеся поодиночке и надеющиеся лишь на прочность всей связки.

Это не всегда вина самого человека. Чаще перед ним ставят заведомо непосильные задачи. «Один — даже если очень важный — не подымет простое пятивершковое бревно, тем более дом пятиэтажный». Поэтому в кризисные времена в массу рвутся многие. Первая мировая родила российских большевиков и итальянских фашистов, Великая депрессия — немецкий национал-социализм, испанскую фалангу... Исчерпались ресурсы, оплачивавшие неэффективность плановой экономики — и её крах породил в СССР стада фанатиков всякого рода: религиозных, националистических, политических...

Но чем плохо слияние людей в массы? Ведь единство — дело хорошее?

Хорошее. Пока нет причин спросить: «Против кого дружите?»

В массу вливаются не ради чувства локтя в боку соседа. А для защиты своих интересов за счёт чужих. Любой ценой — лишь бы эту цену платили другие. «Партия — рука миллионнопалая, сжатая в один громящий кулак».

Фашизм — движение массовое — утверждает принципиальное неравенство разных масс. И готов ради интересов одной массы жертвовать любыми другими. Всесоюзная коммунистическая партия большевиков призывала бедных крестьян бить богатых. Национальная социалистическая немецкая рабочая партия призвала немцев к объединению против евреев, цыган, славян, французов... В глазах Хомейни или бин Ладена мусульманином представляется лишь тот, кто готов отдать жизнь в священной войне против всех, на кого вождь укажет.

В массе ищут защиты. Поэтому масса считает всё, что вне её, враждебным. И готова истребить. «Одна страна, один народ, один вождь» — призывал Гитлер. В одной стране он истребил других вождей и почти истребил другие народы. А вскоре почти истребил и саму страну. Ибо попытался истребить все остальные. Логичный итог массовой ненависти. Помнят ли о нём нынешние ревнители идеи одного народа на страну?

Масса стремится не к созиданию, а к переделу. Особенно ярко это показал опыт коммунистов. Теория прибавочной стоимости Маркса доказывает: люди способны сделать больше, чем съесть; усилиями людей материальных благ на свете становится всё больше. Говоря математическим языком: экономика — игра с ненулевой суммой. Но вся практика советской власти исходила как раз из того, что сумма этой игры нулевая, что стать богаче можно лишь грабя других. То есть была противоположна своей же основополагающей теории. Ибо по теории обойтись без передела можно (Маркс даже предлагал пролетариям Англии ВЫКУПИТЬ страну у капиталистов). Но масса, возглавленная большевиками, без передела обойтись не могла. А те, кто мог, из массы вышли.

В погоне за переделом люди, слитые в массу, теряют последние шансы выйти из несчастий собственными

усилиями. Коллективизация сократила сельхозпроизводство в СССР в несколько раз. Немецкий поход за жизненным пространством оставил в руинах пол-Европы — и прежде всего саму Германию.

Итак, ЛЮБОЕ учение, признающее безоговорочный приоритет прав массы перед правами личности и готовое жертвовать любыми интересами неугодных ради той массы, которую решено объявить привилегированной, — есть учение фашистское.

Не важно, какими высокими словами о вере, труде и родстве прикрыто учение. Не важно, что массы, выделенные по разным признакам, могут враждовать друг с другом. Все они враждебны в первую очередь любому из нас. Не только тому, кому масса решила противостоять. А ещё и тому, кто надеется, став частью массы, избавиться от проблем своей личности. Хотя бы и вместе с самой личностью.

Империи в войнах

Линия раздела не всегда проходит по линии фронта

Несколько слов о выборе союзников.

Какие лихие ветры истории занесли Союз Советских Социалистических Республик во Второй мировой войне на одну сторону линии фронта с Соединённым Королевством Великобритании и Северной Ирландии да Соединёнными Государствами Америки? Отчего один из символов тоталитаризма бок о бок с символами демократии сражался с другим символом того же тоталитаризма?

Фронт Первой мировой тоже пролёг странно. По расхожему мнению, в Германской и Австрийской империях деспотизма было куда меньше, чем в Российской. Но Россия не просто ушла от традиционного союза с немецкими государствами, а встала на сторону образцовых демократий — Британской империи да Французской республики. Правда, на стороне Центральных Держав оказалась Турция — несмотря на недавнюю националистическую младотюркскую революцию, всё ещё символ восточного деспотизма без оглядки на мнение народа.

По итогам войны развалились не только турецкая и две немецкие, но и российская империя. А в стан побе-

дителей угодили Соединённые Государства Америки (они тогда сражались около четверти срока войны — в отличие от Второй мировой, когда им пришлось драться две трети срока). В полном соответствии с нынешней прогрессивной политической мыслью демократия возобладала над деспотией — предтечей тоталитаризма.

Но куда проще измерять не деспотизм и тоталитаризм, а равноправие.

К Первой мировой светочи свободы — Британия, СГА, Франция — продвинулись в обеспечении избирательного права (и формальной защиты некоторых иных прав) граждан титульных наций (в Америке, чьи граждане — в основном потомки эмигрантов, эту роль играли WASP — White Anglo-Saxon Protestants — белые англосаксонские протестанты). Зато права нетитульных народов ограничивались даже в метрополиях. А жители колоний и подавно наделялись только обязанностями. Даже американцы, отбив в 1898-м остатки испанских колоний, вовсе не даровали им блага своей демократии.

В Российской же империи карьера была открыта представителям любого народа — было бы должное образование. Титулы дворян государств, вошедших в империю, признавались равными внутрироссийским (это порою порождало конфликты: на нищем Кавказе князем звался едва ли не каждый обладатель стада овец и шашки для его защиты, и российские обладатели древнего титула обижались формальному равенству с бедняками). Даже вероисповедные ограничения несложно было обойти. Среди русских генералов Первой мировой — например, Ренненкампф и хан Нахичеванский.

Главный герой известнейшей австрийской оперетты Эммериха Коппштейна (Имре Кальмана) «Княгиня чардаша» Эдвин Рональд — сын немца князя Леопольда Марии фон унд цу Липперт-Вайлерсхайм и венгерки, эстрадной актрисы Цецилии Питькёш — типичный

австро-венгр. Его друзья — итальянец граф Бонифаций Канчиано, венгр, граф Ференц Керекеш... Вне сцены военную разведку империи возглавлял русин Альфред Виктор Редль (его обвинили в шпионаже в пользу России, похоже, в ходе сложной военной дезинформации), а наследник престола Франц Фердинанд фон Хабсбург намеревался провозгласить чехов третьим империеобразующим народом (наряду с немцами и венграми).

В Турции вероисповедные ограничения преодолевались лишь изрядными талантами (или хотя бы деньгами). А в 1915 году крупнейший тогда в империи христианский народ — армяне — был частью истреблён, частью изгнан: надо же свалить на кого-то вину за военные неудачи! Зато мусульманину любая дорога была открыта независимо от того, прикочевали его предки из среднеазиатских степей под предводительством хана Османа или покорены этими кочевниками.

Германия онемечивала поляков, прихваченных в XVIII веке при разделе польско-литовской империи. Но к обитателям своих африканских колоний относилась заметно лучше Англии с Францией вместе взятых. А уж веротерпимость в ней развилась куда раньше, чем в прочей Европе.

В Первой мировой войне разгромлены империи, не придающие особого значения происхождению. Зато победили расистские колониальные империи, возводящие между своими обитателями принципиально непреодолимые барьеры.

Ко Второй мировой расизм в СГА поумерился (в немалой степени благодаря тому, что негры с фронтовым опытом стали готовы и на родине защищаться силой; после новой войны та же причина запустила процесс официальной отмены разделения рас). Зато Германия довела расовое учение виднейших теоретиков француза Жозефа Артюра де Гобино и англичанина Хаустона

Стьюарта Чембёрлена до логического завершения — права полноценной расы истреблять неполноценные. Россия, развившая традиционную межнациональную терпимость также до логического завершения, не могла оказаться по одну с Германией сторону линии фронта.

Маятник нетерпимости, в Первой мировой оттянутый до предела, пошёл обратно. Расисты потерпели поражение. Германия капитулировала. Британия и Франция лишились силы для удержания колоний в подчинении.

Сейчас идея равноправия во многих странах (но, по счастью, не в России) переросла в свою противоположность — поддержку людей только за то, что их предки были когда-то угнетены. Похоже, скоро начнётся обратная отмашка маятника. Интересно, кто окажется нашими естественными союзниками в грядущих мировых конфликтах?

Императоры против империи

Кто сделал инородцев революционерами

Несколько слов о национальности наших революционеров.

«Русские по профессии» любят повторять: русские революции — затея еврейская. Кто поумнее, обвиняет не только евреев, но и всех инородцев — благо в тогдашней России (как и в Советском Союзе) они составляли чуть ли не половину населения, так что есть на кого валить.

Правда, в революционных течениях — как и в стране — большинство составляли русские. Но во многом из-за того, что отдельные — например, северные и среднеазиатские — народы вовсе не втянулись в эти течения. Но доля некоторых «инородцев» — скажем, армян, грузин, евреев, латышей, поляков — в революции настолько выше других, что нуждается в объяснении.

У каждого из этих народов были свои — давно исследованные — причины чувствовать себя в Российской империи не лучшим образом. Но народов, чьи ярчайшие представители если не участвовали в мятежных движениях, то по крайней мере сочувствовали им, очень уж много. Это изобилие заставляет искать общую причину сходства чувств и действий столь разных этносов.

Процессы, охватывающие всё общество, развиваются неторопливо. Первоисточник вопроса — в эпохе Николая Первого Павловича Романова.

Он воцарился вопреки вооружённому сопротивлению революционных дворян — декабристов. И после столь болезненного опыта старался ничего в стране не менять, дабы не дать новый повод для мятежа. Увы, остальной мир менялся независимо от его воли. Да так, что войну 1853–1856 годов Россия проиграла только из-за технического отставания от главных противников — Англии с Францией (хотя с противниками не столь прогрессивными — Турцией и Сардинией — разобралась без труда).

Его сыну Александру Второму пришлось начать сразу множество реформ, назревших ещё десятилетия назад. Понятно, шли они вразнобой, с изрядными заторами, многое менялось на ходу. Все, кто жил при Горбачёве (не говоря уж о Хрущёве), без труда вообразят тогдашние надежды и разочарования.

А уж приостановка ввода новых реформ — ради состыковки всех уже принятых и освоения ранее достигнутых результатов (то же в нынешней России проделал Путин) — вызвала массовое негодование: мол, власть отказывается от собственных завоеваний и намерена вернуться в тёмное прошлое.

Возникло и неформальное общественное просветительское движение. Но власть, погружённая в свои проблемы, не нашла общего языка с поборниками «хождения в народ». К концу 1870-х немалая часть народников учинила охоту на императора и его властную вертикаль. Не помогла даже маленькая победоносная война с Турцией. На фоне внешней победы, даровавшей независимость болгарам и румынам, внутренние беды высветились ярче. И первого (тринадцатого по новому стилю) марта 1881 года императора взорвала

народовольческая граната — за несколько часов до намеченного подписания конституции, связывающей все реформы воедино и тем самым дающей выход из всех накопившихся тупиков.

Его сын Александр Третий не вполне понял причину случившейся катастрофы. Он решил вовсе отменить реформы. И кое-что сдвинул назад.

Реформы начались с освобождения крестьян. Но основная часть перемен освобождала инициативу любых граждан. Самые же инициативные — горожане. А в городах империи доля русских была ниже, чем по стране в целом: большинство их были земледельцами.

Раз от реформ больше выиграли инородцы, Александр Третий Александрович решил покончить с этой вопиющей несправедливостью. И ввёл множество ущемлений прав всего нерусского населения страны.

Император не учёл главный принцип империи. В ней каждый народ делает то, что у него — в силу традиций, исторического опыта, места обитания — получается лучше. Разделение труда повышает его эффективность не только на предприятии, но и во всём обществе. Империя как способ организации культуры и экономики прогрессивнее и эффективнее мононационального государства (в европейской традиции таковы обычно королевства). Ограничивая инородцев, император тормозил развитие собственной страны.

Это прекрасно понимали его предшественники. Слова Петра Первого Алексеевича Романова «Пусть хоть кукишем крестится, лишь бы дело разумел» сопоставимы с фразой Фридриха Второго Фридрих-Вильгельмовича Хохенцоллерна «В моём государстве каждый может спасаться на свой лад». Да и русское дворянство, ещё в доимперские времена выводившее свои родословные чуть ли не со всей Евразии, вовсе не считало мононациональность идеалом.

Люди же, в одночасье объявленные второсортными, не по своей воле оказались в положении, не исправимом законными путями (ибо сменить можно язык и даже веру, но не происхождение). Это принуждает искать незаконные — революционные — средства.

Следующий император — Николай Второй Александрович — продолжил политику отца. Он систематически отвергал любые проекты отмены национальных ограничений. Чем заставил активных инородцев бороться с властью.

У русских тоже было немало претензий к власти. Но у нерусских подданных империи к этим — общим для всей страны — претензиям добавились специфические. Поэтому они шли в революцию охотнее русских.

Власть, собственноручно создающая себе противников из заметной части собственного народа, не устоит.

Расстрелянное возрождение

Революционаризм и национализм

Расстрелянное возрождение — один из ключевых элементов национальных мифов многих постсоветских республик. Волна репрессий 1937—1938 годов накрыла многих из тех, кто, начиная ещё с разгара Гражданской войны, радостно создавал национальные культуры советских народов.

Известнейший из творцов современного украинского языка Николай Григорьевич Фитилёв (псевдоним — Мыкола Хвыльовый, то есть Волновой) до приговора не дожил. 13 мая 1933 года видный прозаик и публицист пригласил домой коллег и перед ними застрелился. Было почему. Его слова «Рим и сегодня тлеет, но никакой Муссолини уже не поднимет его на высоту былой грандиозы» тогда воспринимались как однозначное одобрение вождя Союза Борьбы, хотя фашисты — главные враги коммунистов, а бывший чекист Фитилёв — член компартии. Первичной дифференциацией в обществе он полагал процесс образования национальных государств, хотя по Марксу — да и по здравому смыслу — общество дифференцировалось задолго до появления самого понятия нации. Множество отклонений Фитилёва от канона — не мелочь (как кажется по нынешнему забвению марксизма), а проявление

стратегического разногласия в выборе пути развития страны.

Основоположники коммунизма по опыту французской буржуазной революции считали социалистическую революцию возможной только во всём мире сразу, чтобы старый строй не пытался силой задавить новый. Если бы революция началась, как они ожидали, в самой высокоразвитой стране, остальные скорее всего последовали бы передовому примеру. Но революция случилась в Российской империи, в ту пору далеко не совершеннейшей. Она могла только агитировать за перевороты в других местах. И контрпропагандисты тут же объявили идею мировой революции продолжением имперской экспансии.

Многонациональная империя прогрессивнее мононационального королевства хотя бы потому, что даёт больше возможностей разделения труда. Но большевики до прихода к власти объявили Россию тюрьмой народов. Теперь им пришлось доказывать: в революционной стране любая нация расцветёт, а не будет угнетаться, как в старое время.

Народы, чьё положение революция явно улучшила, не годились на роль рекламной витрины: слишком малы, а то и вовсе неведомы за рубежом. Большевикам пришлось делать эффектные манекены из частей русского народа.

Ещё в 1860-х, после поражения очередного польского восстания против России, историк ксёндз Валериан Анджеевич Калинка писал: «Если противодействующая сила поляка хранится в его польской душе, то между душой малоросса и душой москаля нет основного различия. Поэтому надо влить новую душу в малоросса — вот в чём главная задача поляков... Если Гриць не может быть моим, и в таком случае пусть будет ни моим, ни твоим». С 1867 года согласно этому указанию

действовала Австрия: превратности европейской политики вынудили её искать приращения в зоне интересов России, так что пришлось разрабатывать пропагандистское оружие. Галичина — восточный склон Карпат — стала австрийским полигоном отработки технологии превращения русских в антирусских.

Большевики подхватили австрийский почин. Рьяные украинизаторы — еврей Лазарь Моисеевич Каганович, поляк Станислав Викентьевич Косиор, русский Павел Петрович Постышев — давили всею мощью власти, чтобы южная часть русского народа не уклонялась от уроков украинства. В учителя пригласили галичан, чья родина оказалась под властью Польши. За пользование русским языком на работе можно было вылететь из партии. В то время это — волчий билет и серьёзный риск ареста. Но создание витрины дружбы народов, подготовка развития революции важнее!

В создание украинского народа и языка впряглись рьяные революционаристы любой ориентации. Но вскоре стало ясно: мировой революции в обозримом будущем не предвидится. Во внутрипартийных дискуссиях 1927 года за её поборника Лейбу Давидовича Бронштейна проголосовал каждый сотый коммунист. Остальные поддержали призыв его оппонента Иосифа Виссарионовича Джугашвили — строить социализм в одной стране.

Для созидания нужно внутреннее единство. Но оно обостряет конкуренцию. Фитилёв обосновал свой лозунг «Прочь от Москвы!» откровенно: «Русская литература тяготеет за нами веками как хозяин положения, приучивший психику к рабскому подражанию». То есть он и его коллеги не надеялись написать что-то оригинальное в рамках русской литературы, а пытались создать место, где их не с кем сравнивать.

Но под арест (а то и расстрел) большинство соратников Фитилёва и Постышева попали не за раскольни-

чество, а в силу своего глубокого революционаризма — стремления менять всё подряд, хоть на пользу, хоть во вред. Такие люди опасны для окружающих. Не зря всякая революция уничтожает собственных творцов. Если бы Эрнесто Эрнестович Гевара де ла Серна не ушёл делать новую революцию в Боливии — на Кубе он бы всё равно не выжил.

Судя по дошедшим до меня — гражданина Украины — обрывкам воззрений народостроителей других союзных республик, те также разрывали старый мир под фундамент для нового. Похоже, не только на Украине расстрелянные возрождения было за что расстреливать.

Империя равенства

Вспышки межнациональных напряжений порождены попустительством

В последние годы в нашей стране уже не раз вспыхивали стихийные волнения, направленные против каких-нибудь национальных групп. Чаще всего агрессия направляется на представителей бесчисленных народов Кавказа. Причём отличить их обычно не в состоянии не только погромщики, но и защитники. Бюрократический оборот «лицо кавказской национальности», вошедший в наш лексикон ещё в советские годы по аналогии с выражением «лицо еврейской национальности», намекающим на раздвоенность малой, но в ту пору активной части евреев между собственной и исторической родиной, довольно точно отражает наше неумение различать тех, кто сам в совершенстве знает, чем осетин отличается от вайнаха и оба они от армянина.

Основная масса кавказцев так же законопослушна, как и основная масса уроженцев всех прочих регионов нашей страны, разделённой ныне на полтора десятка общепризнанных, два частично признанных и два почти непризнанных государства. Поэтому любые нападения на них вызывают всеобщее справедливое негодование. Ибо им чаще всего приходится отвечать за чужие грехи.

Даже если рядовой вайнах или грузин трудолюбив и законопослушен, среди его соотечественников немало желающих шантажировать власть: мол, если попробуете чего-то не позволить мне — я так закричу об ограничении по национальному признаку, что все мои соплеменники сбегутся на помощь.

Власть зачастую поддаётся такому шантажу. Кавказцу иной раз сходит с рук такое, за что татарина или марийца наказали бы по всей строгости закона. Но и татары с марийцами в свою очередь могут выстроить конструкцию, где им предоставят куда больше возможностей, нежели русским.

Выходит нечто вроде колониализма наоборот. В классических колониальных империях вроде Британской народы колоний имеют куда меньше прав, нежели народ метрополии. У нас же, напротив, тем, кого зачастую считают колониями, прав предоставлено куда больше, чем народу метрополии.

Это на первый взгляд кажется справедливым: малым народам сложнее жить — надо эту сложность чем-то уравновесить. Но кому много дано, с того много и спросится. Когда власть даёт несуразно большие права какому-то народу, с него начинают спрашивать другие народы.

Бесчинства в Кондопоге или на московской Манежной площади лишь на первый взгляд кажутся бессмысленными погромами. Внимательное рассмотрение выявляет в их основе протест большинства против предшествующего злоупотребления правами меньшинства. Если бы убийц на Чистых прудах и Кронштадтском бульваре оставили под арестом, а не выпустили (похоже, даже не за взятки, а из опасения прослыть гонителями кавказцев) — москвичи спокойно дожидались бы законного решения суда. Если бы в Кондопоге правоохранители пресекли первые же попытки маленькой, но

сплочённой заезжей группы давить на местных жителей — не понадобилось бы этим жителям браться за силовую самозащиту с неизбежными перехлёстами взбудораженной стихии.

Колониальная империя строится на неравноправии по чисто технической причине. Выходцы из метрополии очень малочисленны по сравнению с жителями колонии, а силовая поддержка ещё пару веков назад могла появиться из-за моря лишь через несколько месяцев после того, как понадобится. Вот и приходилось давить в зародыше всякую мысль о возможности неповиновения.

Но наряду с колониальными империями существуют и континентальные. В них десятки народов живут бок о бок, веками нащупывая формы взаимодействия. Да и перебросить силы на подавление любого бунта можно довольно быстро. Легендарные римские дороги предназначались не столько для повозок с товарами, сколько для стремительных маршей легендарных же легионов. В таких условиях постоянное жёсткое давление на какую-то часть населения фактически единой страны попросту невыгодно. В Риме уже в 212 году нашей эры, через два века существования империи её тогдашний глава Септимий Бассиан Луций-Септимиевич Север, известный по прозвищу Каракалла в честь любимого им длинного плаща, даровал всем жителям провинций равные права с римлянами. После чего империя благополучно прожила ещё пару веков и распалась не из-за внутренних конфликтов, но только под сильнейшими ударами извне. Восточная же часть империи, строго следуя указу Каракаллы, сохраняя равенство прав всех своих подданных, продержалась до середины XV века. Да и Турция, возникшая на её обломках, сохранила равноправие хотя бы мусульман и ещё четыре века жила довольно устойчиво.

Россия издревле росла как континентальная империя. В нашей стране права разных народов с незапамятных пор если не вовсе равны, то по меньшей мере довольно близки. Именно потому, что ущемление чьих-то прав создаёт внутренние напряжения, а нам и внешнего давления всегда хватало.

Кондопога и Манежная площадь напомнили: поддерживать меньшинство против большинства так же опасно, как большинство против меньшинства. Страна может быть устойчива только до тех пор, пока в ней права граждан вовсе не зависят от их происхождения. Когда государство вновь станет всей своей мощью карать воров и убийц независимо от того, родились они на кавказских горах или поволжских равнинах — рядовым гражданам не нужно будет подменять силу власти властью силы.

Национализм — заразная душевная болезнь

Очерк политической гигиены

Национализм — болезнь, ибо вызван расстройством биологического механизма.

В биологии вид — совокупность всех особей, способных (в соответствующем возрасте) дать при скрещивании жизнеспособное плодовитое потомство. Чтобы не растрачивать силы на бесплодные браки или выращивание бесплодных потомков, эволюция формирует у каждого вида механизм изоляции, ориентированный на самое заметное — поведенческие привычки.

Чем ближе виды, тем резче реакция на различие. Собаки генетически ещё волки (10–15 тысяч лет — не срок для эволюции), но так боятся и ненавидят волков, что скрещиваются уже крайне редко. Трудно найти человека, которого не смешил бы любой жест обезьяны.

Но все люди — единый биологический вид! Отпрыски смешанных браков не менее плодовиты, чем их родители, не менее жизнеспособны. И внешне не хуже. Специалисты по женским фигурам дружно признают самыми изящными латиноамериканских мулаток, объединяющих гены всех трёх основных человеческих рас — негритянской (самой древней), европейской и азиатской.

Если человек считает других людей недостойными себя или вообще нелюдьми, значит, у него что-то не в порядке с механизмом межвидовой изоляции. Мелочи поведения закрывают ему главное — наше всеобщее родство.

Таковы многие примитивные народы. Названия сотен племён в переводе означают просто «человек». Да и мы долго именовали всех окружающих немыми (немцами), а себя говорящими (словянами). Только когда нелепость этого стала очевидна, видный филолог XVII века Лаврентий Тустановский (известный под псевдонимом Зизаний: от «зиза» — род монашеского колпака) замаскировал ошибку предков русским написанием «слАвяне». А в других слОвянских языках она сохранена и по сей день.

Далее. Национализм — болезнь душевная, ибо национальность никак не связана с биологией.

Современные турки на девять десятых — потомки греков, завоёванных свыше шести веков назад крошечным отрядом среднеазиатских кочевников. Но кто признает их греками?

А кто по национальности рождается в смешанных браках? Не зря нацисты всех стран требуют их запрета — смешанные браки противоречат их теориям.

Добрая половина генов болгар — тюркские (от волжских булгар). У русских (включая украинцев) тюркского наследства (от половцев и татар) около четверти, немало родства и финно-угорского. Тем не менее все они — славяне. Как и поляки, вообще с тюрками и финно-települграми почти не взаимодействовавшие.

Славян создало в начале нашей эры бурное смешение балтов (пруссы, ятвяги...) и иранцев (скифы, осетины...) в широкой полосе, опустошённой великим переселением народов. Если национальность заложена в генах — кто мы?

У Николая Второго Александровича Романова лишь один прапрапрадед — русский, а остальные 31 предок того же уровня — немцы (континентальные и скандинавские). Кто рискнёт счесть последнего нашего царя не русским?!

Самые стойкие борцы за чистоту арийской расы — вожди Третьей Германской империи — были похожи на что угодно, только не на стандарт арийской внешности.

После Второй мировой войны в Нидерланды попало множество сирот из Восточной Европы. Всех их усыновили. Сейчас любого из них под лупой не отличить от коренного нидерландца. Те же речь, манеры, вкусы... А что волосы у многих тёмные и нос у кого горбом, у кого картошкой — так коренные тоже разномастные и разноносые.

Национальность — совокупность привычек. Просто многие из них мы приобретаем в детстве столь раннем, что нам самим они кажутся врождёнными.

Но привычка — всегда результат воспитания. И даже если наследуется, то не через рождение, а через воспитание.

Наконец, национализм заразен — ибо легко передаётся другим.

Эволюция человека не завершена. И завершена не будет.

С момента возникновения разума человек может отвечать на вызовы окружающей среды изменениями не себя самого, а этой среды. Вид Homo sapiens ушёл от давления естественного отбора.

Но раз отбор работу над человеком не завершил, все мы несовершенны. И все наши биологические механизмы крайне хрупки и неустойчивы.

Особенно — механизмы, связанные с размножением. Ведь они основаны не столько на физиологии, сколько на привычках. Человек — единственное жи-

вотное, практикующее все возможные в природе формы брачного поведения. А у скольких это поведение расстроено вообще!

Механизм межвидовой изоляции у человека ломается легко. То отключается вообще, порождая скотоложество. То, наоборот, кольцо изоляции сужается до удушения. И больной на полном серьёзе спрашивает: «А что бы Вы сделали, если бы Ваша дочь вышла замуж за негра? (цыгана? еврея? москаля?.. — ненужное зачеркнуть)»

Механизм изоляции так хрупок, что сломать его легко не только у себя, но и у других. Умелой агитацией можно целые народы уверить в неполноценности — или, наоборот, опасной сверхполноценности — каких-нибудь соседей.

Агитация эта не выдерживает критики. Но наша эволюция не завершена. Все мы ещё настолько животные! Настолько не привыкли поверять инстинкты голосом разума! Даже если эти инстинкты извращены и ложны...

Поэтому национализм заразен. Особо острые его эпидемии человечеству не раз приходилось лечить хирургическим — военным — путём.

Язык или диалект

Лингвисты выделяют языки по политическим соображениям

Несколько слов о национальном языкознании. Я люблю вбрасывать в обсуждение тезисы, максимально неудобные для моих оппонентов. Но, как правило, потом мне удаётся подкреплять эти тезисы обширными рассуждениями. Хотя, конечно, не всегда. Иной раз открываю тему, по которой у меня самого окончательного мнения ещё не сложилось, и по ходу обсуждения могу многое в ней изменить. Дискуссии ведутся не ради того, чтобы обязательно положить на лопатки соперника, а прежде всего для установления истины. Методам дискуссии с этой целью меня очень хорошо научили ещё в институтские годы, когда я был членом совета Клуба современных проблем в Одесском университете, хотя сам учился в другом институте.

Особые эмоции оппонентов порождают мои воззрения по национальным вопросам: самоидентификация — основа самосознания. Более всего негодуют от того, что по моему мнению белорусский и украинский — не самостоятельные языки, а диалекты русского. Ведь требование белорусской и украинской государственной самостоятельности обосновывают именно утверждением, что живут в этих республиках самостоятельные народы,

а самостоятельность народов доказывается в первую очередь самостоятельностью их языков.

В бурную дискуссию вокруг моего тезиса о языках вовлечены и профессиональные филологи. И выяснилось: в языкознании нет единого критерия доказывания самостоятельности языка. Более того, самый распространённый критерий вообще не лингвистический: «Язык — диалект с армией и флотом».

Но, скажем, австрийцы считают свой язык не австрийским, а одной из веток немецкого. Ведь венский диалект отличается от берлинского, пожалуй, даже меньше, чем мюнхенский, а баварцы считают себя частью немецкого народа. Собственно, австрийцы-то тоже считают. В 1919 году первый послеимперский парламент постановил воссоединить Австрию с остальной Германией. Причём вопрос обсуждался по ходу предвыборной кампании, так что решение фактически всенародное. Только давление победителей в Первой и Второй мировых войнах не позволило осуществить волю народа Австрии, оставило его в старых границах.

Но границы приходят и уходят, флоты строятся и тонут. А есть и совершенно объективный критерий. Скажем, половина слов корейского языка позаимствована из китайского. Но на этом основании никто не объявляет корейский язык одним из великого множества китайских диалектов. Сейчас в границах самого Китая существуют десятки различных диалектов китайского языка, около десятка этих диалектов сами китайцы называют языками, причём их носители иной раз не понимают друг друга. Потому и держится там иероглифическая письменность. В фонетической записи произносимых звуков китайцы из разных регионов могут друг друга просто не понять, тогда как иероглифы, обозначающие понятия, а не звуки, для всех диалектов одни и те же. Правила построения слов из фрагментов,

обозначающих понятия — морфология — одни и те же. И правила построения фраз из понятий — синтаксис — одни и те же.

Иной раз морфологию считают частью синтаксиса. Потому что есть языки, где целую фразу упаковывают в одно слово. Я тоже для простоты обычно говорю о синтаксисе, но включаю в него и морфологию.

Корейский отличается от китайского синтаксисом. Английский, где половина слов французского происхождения, отличается от французского синтаксисом. Польский и русский происходят от смешения одних и тех же иранских и балтских диалектов, просто в разной дозировке. Но в польском есть синтаксические явления, чётко отличающиеся от русских. Например, прилагательное в польском обычно идёт ***после*** существительного, а в русском обычно ***до***. Поэтому польский и русский — несомненно, разные языки.

А вот украинский и белорусский пользуются тем же синтаксисом, что и русский. Даже звательный падеж, официально признанный в украинском существующим, а в русском — утраченным, на самом деле в русском тоже существует, просто оформлен нетрадиционно. В разговорной речи мы просто говорим: «Вань, Петь, Гриш! Обедать пора!», то есть так называемое нулевое окончание, а в письменной речи прибегаем к предложному восклицанию: «О воины!» Грамматическая форма отлична от принятой в украинском, но в то же время само это явление существует. Каждому синтаксическому явлению, бытующему в белорусском и русском, есть однозначно соответствующее синтаксическое явление в русском. Именно это синтаксическое единство и доказывает: украинский и белорусский — производные от собственно русского языка.

Интересно, как созданы эти производные. Из диалектов, бытующих в той или иной местности, отбирали

по одному-два слова, не совпадающих с литературным русским или хотя бы звучащих иначе. Эти слова объявлялись исконно украинскими или исконно белорусскими. Поэтому в исходных белорусских и украинских словарях XIX века есть только бытовая лексика: ведь набирались-то они именно из бытовых говоров, а не из речи специалистов.

Эта языкостроительная технология хорошо документирована: ведь работа началась всего полтора века назад. И до сих пор, несмотря на усилия политиков и нанятых ими языковедов, не удалось отделить белорусский и украинский языки — да и сами народы, пользующиеся этими языками — от русского.

О больших учёных

Наука не определяется политикой

Несколько слов о вопросах языкознания.

Последствия касания этой темы — неизменно скандальные.

Недавно в связи с совершенно внеязыковыми и даже, пожалуй, вовсе вненаучными обстоятельствами я вспомнил статью Иосифа Виссарионовича Джугашвили «Марксизм и вопросы языкознания». За эту статью его посмертно ругали не так интенсивно, как за массовые репрессии, но тоже достаточно серьёзно, ибо в данном случае он вмешался в одну из заповедных зон деятельности интеллигенции. Он обрушился на языковедческую теорию покойного к тому времени академика Николая Яковлевича Марра.

Организационные последствия были не тюремными, но тоже достаточно малоприятными для тогдашнего множества учеников, последователей и сторонников академика. Многие из них оказались вынуждены поменять направления своих языковедческих исследований, часть переключилась из языковедения на различные смежные специальности, кое-кого просто поувольняли. В общем, последствия достаточно тяжелы для того, чтобы о них вспоминать.

Беда только в том, что сам академик Марр при жизни охотился на своих оппонентов куда круче, чем Джугашвили на его последователей. Да и своих учеников приохотил к силовому способу решения научных споров.

В частности, был даже такой слух (как все слухи, не подтверждённый, но кое для кого выглядящий правдоподобно), что знаменитый в своё время лингвист Евгений Дмитриевич Поливанов был через три года после смерти Марра арестован и казнён не просто так, а по доносу кого-то из ближайших сподвижников покойного. Подобные слухи в немалой степени поддерживаются тем, что бóльшая часть дел репрессированных доселе рассекречена далеко не полностью. В частности, не раскрываются сведения о том, кто на них доносил, поскольку не хочется портить репутацию тех, кто остался в живых. Так что будем считать этот слух только слухом. Главное — сущность теории Марра.

У него немало научных заслуг. В частности, именно он ввёл для европейских языков термин «яфетические» по аналогии с семито-хамитскими языками, названными в честь двух легендарных сыновей праотца Ноя — Сима и Хама. По библейской легенде потомки Сима заселили западную, ближнюю к местам создания Библии, часть Азии, потомки Хама — Африку. Иафет — третий из этих сыновей — по той же легенде дал потомство, освоившее Европу.

Но термин термином, а была у Марра и теория происхождения языков в целом. По его мнению, они все постепенно выросли из четырёх первобытных выкриков, которыми общались между собой первобытные люди. Выкрики эти звучали — сал, йон, бер, рош. Вот из этого, мягко говоря, ограниченного набора и выросло со временем всё языковое богатство мира.

Ни единого внятного доказательства того, что выкриков изначально было четыре, а не три и не дюжина,

Николай Яковлевич так и не предъявил. Языковая конструкция, позволившая ему восстановить облик именно этих четырёх слогов, тоже, мягко говоря, блистает натяжками. Многие современные исследователи вообще полагают, что к моменту создания этой теории почтенный по тому времени возраст — шесть десятилетий — серьёзно сказался на умственных способностях и душевном благополучии почтенного академика. Но это опять же слухи, вряд ли допускающие независимую проверку.

Тем не менее теория прижилась. Была объявлена единственно верной, поскольку сам Марр прикрыл её авторитетом марксизма, нахватав из старых работ Карла Генриховича Маркса и Фридриха Фридриховича Энгельса несколько цитат, поддающихся при желании трактовке и в его пользу. А желание связать господствующую тогда политическую теорию с разными науками было у многих. Тем более что сама эта теория опирается на данные многих наук и построена довольно близко к тогдашней научной норме, так что многие считают её наукой без всяких оговорок. Науки же, при всех своих внешних различиях, описывают с разных сторон один и тот же единый мир, а посему их взаимосвязи весьма обширны и разнообразны. Так что политическое обоснование теории Марра на первый взгляд не противоречило тогдашним представлениям.

Насколько я могу судить, гипотеза Марра никогда не была лучшей из существовавших на данный момент теорий происхождения языка. Уже когда Марр начинал работать, были теории значительно убедительней и логичней. Да и в дальнейшем его оппоненты развивали теории куда более убедительные и логичные. Именно Марр использовал для подтверждения своих взглядов вненаучную аргументацию. И то, что Джугашвили отвлёкся от достаточно серьёзных работ по управлению

страной и отключился от не менее серьёзных внутрипартийных интриг по перетягиванию каната на верхушке власти, то, что он снял с теории Марра броню из марксистских цитат, лично я считаю его научной заслугой. Именно научной: ведь он должен был озаботиться положением дел в науке и всерьёз убедиться, что теория Марра никоим образом не вытекает из используемых им марксистских цитат.

Далеко не вся деятельность Джугашвили благотворна. У него хватало и преступлений, и ошибок, зачастую куда более тяжких, чем любое преступление. Но если навешиваем на него преступления, коих он не совершал, тем самым лишаемся возможности обвинить его за то, что он делал плохого на самом деле.

Свобода правдивого слова

Честность оратора нужна слушателям

Я, помимо всех прочих своих занятий, считаю себя ещё и журналистом. Поэтому для меня тема свободы слова — дело профессиональное.

Довольно многие мои коллеги полагают: свобода слова означает вообще свободу говорить всё, что угодно, по своему вкусу и усмотрению. Мол, моё дело прокукарекать, а там хоть не рассветай. Я скажу, а читатели пусть разбираются, в какой мере и в каких аспектах сказанное соответствует действительности.

Позиция весьма удобная в том смысле, что действительно позволяет журналисту заниматься исключительно поиском информации, даже не пытаясь её всерьёз проверять. Скажем, после катастрофы на Саяно-Шушенской гидроэлектростанции несколько местных журналистов предлагали способы ведения спасательных работ, гарантирующие наводнение сотен километров окрестностей — да ещё и призывали весь народ поддержать их губительные советы.

Той же ссылкой на свободу слова зачастую оправдывают и публикацию уже совершенно откровенного вранья, не только журналистского.

Известный математик Анатолий Тимофеевич Фоменко решил реанимировать уже давным-давно извест-

ные и опровергнутые фантазии народовольца Николая Александровича Морозова о том, что вся история фальсифицирована путём размножения в прошлое — с небольшими редакторскими правками — копий событий последних нескольких веков. До сих пор очень многие именно ссылками на свободу слова защищают право Фоменко публиковать эту ахинею.

Беглый разведчик Владимир Богданович Резун под псевдонимом Виктор Суворов публикует вариации на тему, впервые развитую ещё доктором философии Йозефом Паулем Фридриховичем Гёббельсом в 1941 году: мол, Германия напала на Советский Союз только потому, что опасалась удара с его стороны. И эту злонамеренную ложь тоже зачастую оправдывают ссылками на свободу слова.

Но свобода человека никогда не бывает неограниченной — просто потому, что человек, во-первых, почти никогда не бывает один, во-вторых, живёт в реальном мире и должен считаться с его реальностью.

Даже Робинзон на своём острове был далеко не свободен. Хотя бы потому, что изрядно зависел и от запасов, сохранившихся на разбитом корабле, и от сил природы, использование которых помогало ему удовлетворять свои собственные потребности. А когда ему понадобилась свобода слова и самовыражения, пришлось ждать появления Пятницы, потом обучать его английскому, а потом старательно следить за тем, чтобы не сказать Пятнице ничего такого, во что сам Робинзон не верил бы. Ибо Пятница мог воспринять всерьёз любые его слова и на их основании действовать каким-то образом, явно ошибочным с точки зрения самого Робинзона.

Когда отцы-основатели Соединённых Государств Америки включили требование свободы слова в первую из поправок к созданной ими конституции, они обос-

новали его тем, что каждый человек имеет право на получение всех возможных сведений, способных помочь ему принять обоснованное, обдуманное и осмысленное решение. Исходя из этого, следует признать: свобода слова не распространяется на высказывания, заведомо неспособные помочь человеку в принятии обдуманных решений. Если кто-то начинает искренне заблуждаться и транслировать свои заблуждения окружающим, мы вправе прервать его, не ссылаясь на свободу его слова. Ибо такое слово не способствует принятию теми, кто его слышит, разумных решений. Если же кто-то сознательно лжёт, мы вправе его покарать за эту ложь, опять-таки не принимая во внимание его свободу слова. Ибо лжец, бесспорно, злоупотребил своей свободой — в ущерб равным свободам других людей.

Уж не помню, кому принадлежит замечательная формулировка: «Свобода вашего кулака кончается там, где начинается мой нос», но к свободе слова эта формулировка, несомненно, относится не меньше, чем к любой другой. Мы не можем оправдывать свободой слова ни заблуждение, ни тем более ложь. Поскольку в этом случае свобода одного человека превращается в явное ущемление интересов — и тем самым свобод — множества других людей.

Я — и в качестве политического консультанта, и в качестве журналиста — всегда стараюсь говорить именно то, что думаю сам. Если в моих словах оказываются какие-то заблуждения и мне на эти заблуждения указывают, я стараюсь как можно скорее исправиться, не ссылаясь на свободу своего слова. Ибо свободно — правдивое слово. Свободно — правильное слово. А ошибки и ложь не заслуживают свободы, ибо сами её ущемляют.

Мне приходится участвовать во множестве споров — и в Интернете, и в средствах массовой информации, и в работе. Понятно, ни один участник спора не может

обосновать свою позицию просто ссылками на свободу слова. Потому что остальные так же свободны эту позицию опровергать или вовсе не принимать во внимание. Но почему-то вне контекста открытого спора многие склонны оправдываться свободой слова — даже если это слово фактически вводит в далёкое заблуждение тех, кто не располагает знаниями, достаточными для оспаривания. Поэтому безопаснее при любом чтении чувствовать себя участником спора — внимательно исследовать всё сказанное, сверять разные источники, искать в каждом внутренние противоречия... И если увидите, что Вас пытаются обмануть — разоблачайте всякого злоупотребившего свободой слова.

Ложь и заблуждение

Ошибаться можно и совершенно искренне

Однажды я сказал: свобода слова введена для того, чтобы каждый мог располагать информацией для принятия решений — следовательно, свобода слова не означает права на ложь и уж подавно на безнаказанность лжи. При обсуждении моей публикации мне задали совершенно логичный вопрос: как отличить — врёт человек или искренне заблуждается?

Понятно, слушатель не может проникнуть в мысли собеседника, дабы однозначно узнать, верит ли тот в то, что говорит. Но сам говорящий чаще всего имеет вполне внятное представление: говорит ли он то, что думает.

Например, неоднократно мною помянутый популярный британский пропагандист гёббельсовых легенд о защите Германской империи от Советского Союза Владимир Богданович Резун несомненно знает: все его книги содержат вполне чёткую и определённую ложь. Ведь он сам не раз читал труды, где не просто опровергнуты его слова, но однозначно показано: он искажает факты и цитаты, заведомо доступные в ходе его работы, причём искажает таким образом, чтобы создать впечатление достоверности своих и гёббельсовых утверждений. А то, что Резун читал эти труды, видно из того, что

он сам на них ссылается и пытается упрекать во лжи их авторов.

А вот уверен ли в своей правоте другой автор той же ориентации — Марк Семёнович Солонин — не знаю. Правда, он тоже недавно выпустил книгу, где обвиняет во лжи всех своих оппонентов. То есть знаком с доказательствами ложности собственных воззрений. Но содержание книги столь странно, что я не исключаю даже обычную неспособность Марка Семёновича понять: о чём, собственно, говорится в опровержениях его творчества.

Конечно, и наёмные пропагандисты, и спекулянты на популярности горячей темы — крайний случай. Но и рядовой гражданин чаще всего понимает, где в его словах ложь. Если, конечно, не похож на Мюнххаузена — не реального Карла Фридриха Иеронима Оттовича фрайхерра фон Мюнххаузен, рассказавшего о своей службе ротмистром российской армии столько интересного, что соседи, отродясь в России не бывшие, никак не могли ему поверить, а воспетого Рудольфом Эрихом Христиан-Теофиловичем Распе, барона, искренне верующего в каждое слово своих безудержных фантазий.

Бывают и случаи куда посложнее Резуна и Мюнххаузена. Так, на протяжении многих поколений многие авторы совершенно искренне утверждали, что земля плоская. Сейчас это опровергнуто не только косвенными доводами вроде существования линии горизонта, но и множеством прямых экспериментов. Но античные и средневековые авторы бесспорно искренне верили в свои слова — следовательно, не лгали, а именно заблуждались. А вот если сейчас человек, получивший хотя бы минимальный курс школьного образования, говорит, что земля плоская — скорее всего сознательно лжёт. Почему говорю «скорее всего»? Потому что в Ан-

глии, например, до сих пор существует общество людей, судя по всему искренне убеждённых, что земля плоская и что все опровергающие это данные — результат массовой фальсификации. Так же как есть люди, искренне уверенные, что все рассуждения и документы, опровергающие теорию Резуна, — тоже сфальсифицированы. Но всё же, как видим, ложь может отличаться от заблуждения по причине исторического развития познания.

Полагаю, свобода слова — возможность высказаться каждому, даже если он заблуждается, и более того, даже если он сознательно лжёт. Ведь далеко не всегда можно со стороны отличить ложь от заблуждения, а то и другое — от глубокой истины, ещё не познанной оппонентами. Другое дело, что опять же в силу свободы слова любые оппоненты также имеют право опровергать всё сказанное каждым из нас, чтобы любой слушатель мог сравнить если не достоверность, то хотя бы убедительность слов всех спорящих, и опираться на это сравнение при выработке собственных позиций и решений.

Но на основании той же свободы слова каждый должен понимать, что в полной мере отвечает за свои слова. Потому что слова каждого из нас могут быть использованы для принятия решений другими людьми. Следовательно, каждый из нас в какой-то мере отвечает за последствия этих решений. Даже полная искренность ни в коей мере не освобождает от обязанности столь же искренне изыскивать способы проверки своих взглядов и столь же искренне признавать заблуждения, если они обнаружатся.

Ну а сознательная ложь — несомненное преступление. Ибо любое уклонение от истины так или иначе толкает других людей на путь, где они могут понести ущерб. А сознательное причинение ущерба или создание возможностей для его причинения — всегда пре-

ступление. Соответственно за это преступление надлежит нести наказание. Некоторые формы таких наказаний прописаны в законах, некоторые остаются делом личной совести самих лжецов, если она ещё не полностью вытеснена злобой и корыстью.

Но в любом случае мы в ответе за свои слова. Независимо от того, искренне ли мы заблуждаемся, как выразился Мухаммад Абдуллахович Курейшин, далёким заблуждением или злонамеренно пытаемся заблудить других.

Так что будьте бдительны. Проверяйте всё — и то, что думаете сами, и то, что говорят Вам другие. В том числе и то, что сказал вам я.

Либеральный тоталитаризм

Крайности всегда сходятся

Кое-что о забавном происшествии лично со мной. Я много работаю в Интернете. Смотрю чужие тексты, публикую свои, участвую в спорах. В частности, немало сил трачу на «Живой Журнал». Так уж вышло, что из множества блогов — сетевых ресурсов для записей в дневниковом стиле и их обсуждения — именно в LiveJournal группируется больше всего политически активных русскоязычных деятелей.

В Живом Журнале каждый может наложить бан — запрет — на чьи-то комментарии к своим записям. Например, в моём бан-листе — списке запретов — пока всего один человек. Он, споря в моём ЖЖ, грубо оскорбил оппонента и, несмотря на мои неоднократные предупреждения, отказался извиниться.

Лично я чаще бываю замечен в преувеличенно вежливом поведении, нежели в преувеличенно резком. Но и такой стиль тоже может кому-то не нравиться. Вот и некто ОлегПанфиловДва меня забанил после нескольких реплик.

Он представляется директором Центра Экстремальной Журналистики. Вся его экстремальность сводится к тому, что он время от времени наезжает в Тбилиси и — главное — регулярно перепечатывает в своём ЖЖ сооб-

щения с интернет-ресурсов, активно враждебных России — в основном с грузинских агитационных сайтов. Возможно, делать это, будучи жителем России, он и считает экстремальным поведением. Более того, он время от времени намекает на то, что за такое поведение может понести экстремальные последствия. Но пока единственное последствие — его ЖЖ кто-то взломал и по этому поводу он завёл себе новый. Отсюда и двойка в его обозначении.

Удивил меня не сам факт попадания в экстремальный бан-лист. Удивила мотивировка. ОлегПанфиловДва объявил, что впредь у него в ЖЖ будут забанены все, кто попытается переубедить его или его гостей.

В принципе каждый из нас вправе и принимать любые убеждения, и упорствовать в их отстаивании. Но запрещая кому-то переубеждать, ОлегПанфиловДва тем самым признаёт, что его собственные убеждения не выдерживают ни малейшей критики и с лёгкостью опровергаются любым желающим.

В этом он, правда, тоже не первый. Скажем, в том же Живом Журнале в своё время некто Мицгол банил не только каждого, кто писал в ЖЖ не удовлетворяющие его тексты, но и всех, кого забаненный упоминал в своих френд-лентах, то есть списках регулярно просматриваемых дневников. То есть Мицгол изолировался от всех, кого считал единомышленниками забаненного. Понятно, очень скоро он дошёл до предела предусмотренного в ЖЖ размера списка запретов и прославился тем, что обратился в администрацию Живого Журнала с требованием снять ограничение и позволить ему создавать список запретов любой длины. Насколько я знаю, ограничение не снято и по сей день. Так что Мицгол тихо удалился из ЖЖ и ныне активен в иных местах.

Но политическое учение, исповедуемое в те годы Мицголом, не только противники признают тоталитар-

ным. Сами его сторонники не слишком возражают против такой классфикации. А вот ОлегПанфиловДва объявляет себя либералом и даже ультралибералом. Он и свою защиту нападения Саакашвили на Цхинвал объясняет тем, что, мол, Южную Осетию поддерживает Россия — а следовательно, Южная Осетия, как и Россия, есть сущность тоталитарная и потому подлежащая искоренению.

До сих пор было принято считать, что защита свободы от тоталитаризма подразумевает и убеждение в справедливости этой защиты. Следовательно, всякий, кто возражает против убеждения и переубеждения, тем самым возражает против свободы и становится на сторону тоталитаризма.

Выходит, и сам ОлегПанфиловДва, и поддержавшие его позицию посетители его ЖЖ, прикрываясь лозунгами защиты свободы, на самом деле защищают поведение куда более тоталитарное, нежели наблюдаемое ныне у их политических противников. В частности, российская власть, которую этот экстремальный журналист нещадно бранит за тоталитаризм, не проявляет и сотой доли той активности в запрете неугодных мнений, какую проявляет он сам.

ОлегПанфиловДва — далеко не единственный либерал, демонстрирующий всему миру сугубо тоталитарное поведение. Загляните в любой из нынешних интернет-ресурсов, настаивающих на своём либерализме, и несомненно обнаружите там сугубо тоталитарную борьбу с неугодными идеями. На форумах таких известных сайтов, как «Грани» или «Ежедневный журнал», систематически удаляются многие тысячи недостаточно либеральных комментариев.

Сайт ИноСМИ, переводящий зарубежные публикации о России, в марте 2009-го возглавила некая Марина Пустильник — выпускница небольшого американ-

ского колледжа, где изучала Россию. И первым делом закрыла интереснейший форум на сайте — просто потому, что завсегдатаи форума удивились такому назначению.

Да и лично меня после ОлегПанфиловДва забанили ещё в двух ЖЖ — у бывшего замминистра Владимира Милова и у сторонников теории Резуна о подготовке советского нападения на гитлеровскую Германию. Оба эти места официально считаются заповедниками крайнего либерализма.

Похоже, крайности действительно сходятся. И всякий пытающийся слишком рьяно защищать свободу заканчивает тем, что защищает свободу только для себя самого, в то же время самым беззастенчивым образом запрещая свободу всем остальным. Замечательный поэт Леонид Семаков сказал:

Где изуверство, где святая вера —
Решает мера. Всё решает мера.

Обойдёмся без юбочки

Успехи страны — не повод к огорчению

Несколько слов о красоте телесной и духовной. Не так давно прогрессивную либеральную российскую общественность постигло очередное тяжкое несчастье — Россия выиграла право провести в 2018 году чемпионат мира по футболу. Сетевые форумы и многие средства массовой информации заполнило праведное негодование по поводу предстоящей растраты многих миллиардов казённых рублей и позора страны, где эти деньги будут разворованы, а приезжих ждут потёмкинские деревни.

Правда, понятие «потёмкинские деревни» пустил в оборот кто-то из дипломатических представителей в России государств, традиционно враждовавших с нашей страной. Сам же граф Григорий Александрович Потёмкин, организуя освоение новых губерний (в честь одной из них он получил титул светлейшего князя Таврического), работал хотя и быстро, но на совесть, и заложенные им бесчисленные населённые пункты успешно развиваются по сей день.

Но всё же подозревать в растрате и халатности можно даже без повода. Поэтому я вспомнил другое событие, никоим образом не влекущее для нас ни малейших затрат, но вызвавшее столь же праведное негодование.

В 2008 году на очередном конкурсе Мисс мира — в Йоханнесбурге — победила представительница России Ксения Владимировна Сухинова. Лично у меня от чтения многочисленных комментариев этого события в Интернете сложилось впечатление: чем прогрессивнее и либеральнее выглядит человек в собственных глазах, тем резче и грустнее он об этом событии отозвался.

Конечно, были там и огорчения без откровенной политической окраски. Очень многие просто возмущались: «Ну что судьи в ней нашли? Ни кожи ни рожи, и вообще эти кукольные блондинки всем осточертели».

Понятно, о вкусах не спорят. Хотя лично мне мисс Россия, ставшая мисс Мира, показалась очень симпатичной. Но ясно, что мой вкус далеко не эталон. И ясно, что вообще нет на свете такой женщины, чтобы нравилась всем и сразу.

Помнится, когда я ещё был в институте, Москву посетила с дружественным визитом Джоконда. На выставке этой картины успели побывать очень многие, и далеко не все отозвались о ней восторженно. Помнится, когда в присутствии Фаины Георгиевны Раневской кто-то сказал, что его Мона Лиза не впечатлила, она ответила: «Она уже пятьсот лет выставляется и давно научилась сама выбирать, кого впечатлять, а кого нет».

Если бы отзывы сводились только к тому, что Сухинова кому-то не понравилась чисто внешне, я не обратил бы на них особого внимания. Беда именно в том, что очень многие восприняли эту победу как лишний повод огорчиться по поводу успехов России вообще. И огорчаются, как правило, не потому, что им так уж не нравится страна, а потому, что привыкли воспринимать любую победу России как успех государства и более конкретно — властного аппарата.

Насколько я могу судить, сам этот аппарат в целом мыслит более здраво. Ни президент, ни премьер, ни,

например, главы палат парламента и администрации президента со всеми их многочисленными заместителями на моей памяти ни разу не пытались приписать лично себе победу, скажем, российской сборной на чемпионате мира по хоккею или успех Димы Билана на Евровидении. Ведь любой руководитель имеет долгий и печальный опыт разнообразных разочарований и довольно здраво представляет себе, что действительно может считаться его личной заслугой, а что происходит без его участия. Тогда как люди, далёкие от непосредственного управления, склонны приписывать этому управлению куда большее могущество, чем то, которым оно обладает в реальности.

Ну а дальше цепочка рассуждений очевидна: «Россия победила, правительство получит дополнительный повод хвастаться этой победой — стало быть, нам, противникам этого правительства, надо ставить эту победу под сомнение, чтобы не давать правительству лишней точки опоры». От этой цепочки рассуждений уже не далеко и до другой цепочки: «Правительство у нас плохое, значит, всё у нас вообще плохо, ничего хвалить нельзя, надо только ругать». Следующая цепочка очевидна: «Надо всё ругать, а если случайно у нас что-нибудь случится хорошее, значит, надо от этого хорошего поскорее избавляться».

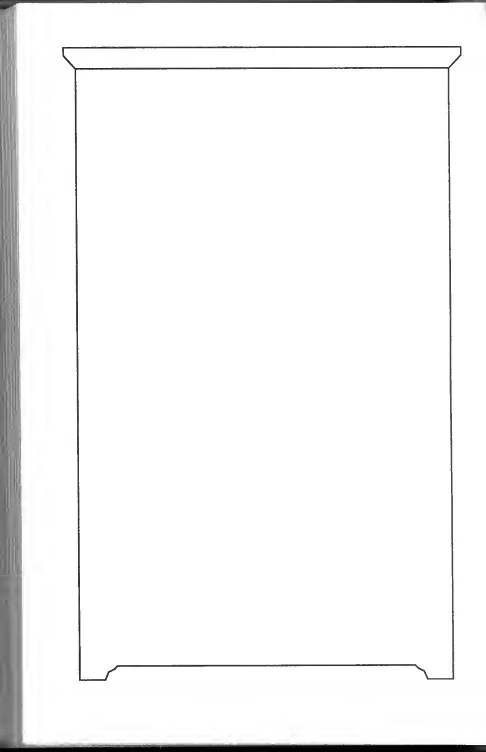
Я с такой уверенностью называю все эти цепочки рассуждений потому, что в эпоху перестройки и первые постсоветские годы сам в немалой степени страдал ими. Я и тогда был либералом, и сейчас, на мой собственный взгляд, остаюсь либералом: очень высоко ценю свободу, очень рад всем её проявлениям, полагаю, что свобода сама по себе весьма полезна всем, кто в состоянии эффективно ею воспользоваться. Просто я не верю, что наше правительство занимается только тем, что подавляет свободу, не считаю, что свобода не достижи-

ма при нынешнем правительстве и требует его свержения, и не думаю, что свобода полезна сама по себе, в отрыве от умения ею пользоваться.

Поэтому я и вытащил лишний раз на свет рассуждения тех, кто считает свободу лекарством от всех бед и не видит в России ничего, кроме подавления свободы. И заранее предостерегаю вас, чтобы вы видели: подобные рассуждения далеко не исчерпывают всю возможную истину. Я, конечно, тоже не исчерпываю всей возможной истины, но по крайней мере, постараюсь, чтобы и впредь, заглядывая ко мне, вы не впадали в очень уж далёкое заблуждение.

Таков краткий очерк обширной картины. Ещё увидимся.

Нурали Латыпов

Возлюби врага своего

Здесь речь пойдёт о бережном отношении к врагу. Этому учит история как древнейших, так и новейших времён.

Где-то полторы тысячи лет назад после двухмесячной персидской осады пала византийская пограничная крепость Амида в верховьях Тигра, прозванная Чёрной за стены, сложенные из тёмного базальта. Толщиной около трёх метров и высотой двенадцать, укреплённые восемью десятками башен, длиннее всех прочих фортификационных сооружений мира, кроме разве что Великой Китайской стены. Взять эти стены штурмом не удавалось никак и никому.

Город пал лишь после того, как осаждающие нашли плохо засыпанный подземный ход, а монахи, охранявшие внутренний его конец, заснули с перепою. Так — неудачно для византийцев — началась первая в шестом веке война. Но далеко не последняя.

Две величайшие державы тогдашнего мира более столетия разоряли огромные пространства Ближнего Востока и обескровливали друг друга. В конце концов, в первой половине седьмого века Восточная Римская империя одержала окончательную победу над Персией. Но победа Византии оказалась более чем пирровой. Падение Персии создало на громадных пространствах вакуум власти. В него ринулся с юга новый враг. Арабские

кочевники, воодушевлённые новой религией — исламом, гнали ромеев вплоть до стен Константинополя.

Новое противостояние — с переменным успехом — растянулось на восемь веков. Завершили его уже не арабы, а исламизированные ими турки. Несколькими волнами они вливались в Малую Азию с Востока уже с середины одиннадцатого века. Их экспансия совпала с окончательным разрывом между двумя христианскими церквями Рима и Константинополя.

Византия перестала существовать в тысяча четыреста пятьдесят третьем. Но если бы не разгром Персии в своё время и неразрывно с ним связанное ослабление Византии — вряд ли исламский халифат смог бы так развернуться.

А если бы не взятие христианского Константинополя на копьё теми же крестоносцами с Запада, едва ли можно было ожидать от турок такого могущества на Востоке.

Упадок Византии привёл к вторжению турок в Европу и их четырёхвековому господству на Балканах. Столетия прошли в непрекращающихся войнах с Австрией, Польшей, затем — Россией. Восстания против турецкого засилья стоили сотни тысяч жизней грекам, албанцам, славянам, румынам и другим народам.

Так что даже злейшего врага иной раз приходится терпеть. Иначе освободившаяся политическая валентность может насытиться чем-нибудь несравненно более жестоким.

Ранее российским политикам был крайне неугоден Шеварднадзе, поскольку нам не нравились его половинчатость, его шашни с Америкой, да мало ли ещё что.

Но пока он возглавлял Грузию и выступал против нас, Россия автоматически оказывалась потенциальным благодетелем для любого его оппонента. И вот он, в том числе и усилиями России, ушёл — и кто хлынул в

образовавшийся вакуум? На место умеренного и осторожного Шеварднадзе явился пассионарный радикал Саакашвили.

Вообще, как показывает опыт тех же греко-персидских войн, проблема заполнения политического вакуума зачастую жизненно важна. Поэтому иной раз врага не только можно, но и нужно пощадить. Не обязательно в надежде на то, что сам он если и не превратится в друга, то по крайней мере перестанет быть помехой (вчерашний враг может стать сегодняшним покупателем и завтрашним союзником). Но хотя бы до тех пор, пока не найдётся приемлемая замена.

Вероятно, именно поэтому Джордж Буш-старший не стал в своё время — хотя и мог — добивать Саддама Хусейна. Его аналитики так и не нашли безопасных для запада путей заполнения пустоты на месте свергнутого диктатора (как известно, любой диктатор особо заботится об отсутствии потенциальных преемников — хотя бы в пределах его досягаемости). Оставлять же в жизненно важном для США регионе хаос было бы, по меньшей мере, не мудро.

Впрочем, теоретически не исключено, что на место Саддама изыскивали приемлемого для США кандидата. И вряд ли он ожидался намного порядочнее и добрее своего предшественника.

Страна, привыкшая к диктатуре, легко срывается в бунт, если ослаблять ошейник слишком быстро. Но США к этому не привыкать. Ещё Фрэнклин Делано Рузвельт сказал: «Сомоса, конечно, сукин сын, но он наш сукин сын». С тех пор (как, собственно, и до того) США не раз демонстрировали готовность беречь своих сукиных сынов — по крайней мере до тех пор, пока держава в этом заинтересована.

Мы же своих сукиных сынов не просто не бережём. Мы от них избавляемся, как нарочно, тогда и так, что-

бы создать себе как можно больше осложнений. Прекратив поддержку (довольно недорогую даже по меркам тогдашней российской экономики), Наджибуллу сдали моджахедам как раз в тот момент, когда распад СССР особо обострил проблему защиты южных границ. Хонеккера в последней степени рака объявили здоровым, чтобы выдать как раз туда, где гуманное обращение со смертельно больными признано одним из главнейших признаков цивилизованности. Есть и совсем свежие примеры, это наше попустительство «из соображений демократии» расправе над Ливией и её лидером Муаммаром Каддафи.

В России, как правило, мало кто способен просчитать последствия своих шагов прежде, чем эти шаги делать. Даже Ленин, признанный одним из величайших политических практиков XX века, руководствовался лозунгом Наполеона: «Главное — ввязаться в драку, а там разберёмся». Но ввязывались так часто, что подчас не успевали разобраться.

Неуступчивая Восточная Римская империя сражалась со столь же «упёртой» Персией — и совершенно не думала о хаосе пустынь Аравийского полуострова и Средней Азии, откуда и вышли в конечном счёте её могильщики. Да и крестоносцы, грабившие Константинополь, точно не думали о далекоидущих последствиях собственной алчности.

Как выразился один из последователей Омара Хайяма:

От мудрого совета не беги,
Врагов на всякий случай береги.
Когда друзья становятся врагами,
Друзьями нам становятся враги.

Воспоминания о ГКЧП

Хотел бы вернуться к одной дате, событиям, которые всё менее и менее пафосно освещаются. По прошествии времени, осмысливая пройденное, я счёл необходимым поделиться с телезрителями некоторыми соображениями. Я имею на то право, поскольку в августовские дни 1991 года я работал членом инновационного совета при российском премьере Иване Степановиче Силаеве.

Я находился в Белом доме в те дни, видел всё происходящее, видел, как действует федеральная власть в лице ГКЧП, разумеется, и как организовывает противодействие группировка Ельцина. Бывал, например, на совещании так называемого госсекретаря Бурбулиса, у Руслана Имрановича Хасбулатова, у других...

Первый вывод, который я сделал, глядя на действия федералов, что они хотят и переворот совершить, и Конституцию соблюсти. Про такое говорит народ — и на ёлку вскарабкаться, и задницу не уколоть. И у меня уже тогда создалось впечатление, что эту группку людей сумел завести Михаил Сергеевич Горбачёв, хотя, конечно, прямо он эту комбинацию не расписал, но он сумел намекнуть им, завуалировано дал знать: «Вы видите, мол, до чего обнаглел этот Ельцин, до чего он доведёт страну... даю вам карт-бланш. Но сам я как нобелевский лауреат мира не могу принимать явное участие». Расчёт же его был прост. Победят ГКЧПисты — легитимный президент страны Горбачёв таки вернётся. Не победят — демократически настроенный президент в стороне, к тому же ставший узником совести. Но это что касается действий тогдашних федералов.

Сепаратистская сторона была ничем не лучше, а даже ещё и хуже. Я видел эти баррикады. Ельцинскую власть защищало весьма ограниченное число людей. Это в Центре, в Москве группировались радикальные

демократы, но большая часть симпатий страны были изначально скорее на стороне ГКЧП. И если бы, например, у Геннадия Ивановича Янаева не дрожали при телесъёмке руки, всё могло сложиться иначе.

Их дрожание свидетельствовало о слабости, неправоте или неуверенности в том, что он поступает верно, о нервозности, граничащей со страхом и безволии. Режиссёр мастерски сфокусировал внимание телезрителей на этом. И как говорила героиня Нонны Мордюковой: «Хороший ты мужик, но не орёл»...

А вот я думаю, если бы во время Великой Французской революции было телевидение и стояла бы скрытая камера в доме Жана Поля Марата... Удалось бы справиться с Жирондой? Казнили бы короля? Чтобы унять нестерпимый зуд, вызванный неизлечимой кожной болезнью, Марат дни напролёт лежал в ванной; в этом положении он сочинял революционные вирши и там же получил удар кинжалом... Так было в реальности. Свидетельства же тогдашних пиарщиков сохранили нам другой образ революционера — взрывной темперамент, пылающие очи, распахнутый ворот рубашки, обнажающий грудь.

Я не знаю, кто подсказал Ельцину эту идею, но именно он, подражая известному большевику, киношно влез на броневик. И это символизировало столь же страшные потрясения для страны, как в октябре семнадцатого.

Конечно, у Белого дома было и много молодых, романтически настроенных людей, охваченных азартом борьбы, жаждущих приключения. Именно для них, я лично видел, как к баррикадам грузовики подвозили ящики с продуктами, но ещё больше ящиков было с водкой. Не скупился теневой бизнес. Молодёжь, подогретая спиртным и проповедниками, жаждала действий.

Именно ельцинские политтехнологи провоцировали пролитие крови. И как раз ГКЧП, который можно за

многое справедливо критиковать, боялся эту кровь пролить. Ельцинисты улучили момент и подсекли на этом гкчпистов, спровоцировав нападение молодёжи на уходящую танковую колонну, так пролилась кровь. Первая кровь.

И ещё о федеральной власти образца девяносто первого года. Да, я уважаю попытку остановить развал страны. Но деятели ГКЧП подставились — и подставили всю страну. Когда корреспондент французской «Монд» предложил мне написать пятистраничный анализ происшедшего, я ответил, что суть событий укладывается буквально в одну фразу: «Нельзя делать переворот с пустой головой и полными штанами!» Надо быть последовательными: или переворот, или легитимные процедуры. В итоге они сели между двух стульев. То, что на стратегию ума не хватило, понятно. Но непонятно, почему его не хватило даже на тактику. Неужели нельзя было в указ о приостановке деятельности политических движений и партий включить и саму КПСС? Неужели нельзя было не объявлять своим официальным печатным органом газету «Правда»? ГКЧП опёрся на инфраструктуру, уже породившую в элитах повальную аллергию, и в итоге не только скоропостижно скончался сам, но и забрал в могилу партию. А ведь она — при всех присущих ей проблемах — была арматурой страны.

Ельцин два года спустя, в девяносто третьем при следующем перевороте проявил изворотливость и, самое главное, решительность. Как говорил поэт: «Хоть тупы они, как пробки, это не беда, но зато они не робки — парни хоть куда!»

В тот же девяносто первый год, да и сейчас, для меня непостижимым остался странный факт, что два русских человека разрушили страну, которую создавали русские люди. Такие, как Алексей Петрович Ермолов, Александр Михайлович Горчаков, как тот же Скобелев,

например. Ведь и Советский Союз был как раз Великой Россией.

Горбачёв мог, превозмогая гордыню, передать союзную власть Ельцину. Или Ельцин через свои амбиции мог не зажигать сепаратистский бикфордов шнур.

Это тёмное прошлое, но есть и туманное настоящее. Ведь Россия способна выжить только будучи великой. Это и дух, это и земля, это и народ. В нынешнем состоянии, увы, наша страна не притягивает к себе. Всё, что откололось, притягивают к себе США, Китай, Евросоюз. Если дело пойдёт и дальше так, то части и без того усечённой России снова пойдут кому-то в качестве дешёвого строительного материала.

Гетманское золото

Небольшой пример из истории новейших информационных войн.

Предание гласит: в годы правления Петра Великого гетман Павло́ Леонтьевич Полубо́ток решил осуществить свою давнюю мечту — отсоединить Украину от России. Сделать Украину отдельным государством, независимым от других стран. Когда же Полуботок почувствовал, что проиграл и должен погибнуть, он решил помочь хотя бы своим детям. Именно поэтому перед отъездом в Петербург он якобы переправил за границу и положил в один из английских банков целый бочонок с золотом. Через какое-то время гетман был схвачен слугами Петра Первого и умер в декабре тысяча семьсот двадцать четвёртого в Петропавловской крепости.

Шли годы, десятилетия, века. А наследники Полуботка, по стечению разных обстоятельств, так и не получили золото. Лишь в конце тысяча девятьсот тридцатых правительство СССР наконец решило поставить

вопрос «по-государственному». Для этого в Москве провели съезд всех здравствующих потомков Павлá Полуботка, с целью доказать их права на получение наследства. Собралось чуть менее трёхсот человек. К открытию всесоюзного съезда выпустили брошюру с текстом самого завещания и списком кровных наследников. Однако потом так и не было сделано реальных шагов для получения «золота Полуботка».

Наступил 1941-й, и всем стало вроде бы уже не до гетманского наследства. Но двое из потомков Полуботка, по их свидетельству, лично передали оригинал завещания гетмана в министерство финансов СССР, чтобы получить с Англии деньги, так нужные родине для победы. Правительство СССР якобы предъявило документ и попросило англичан выплатить деньги наследникам. Подсчитав выплаты, с учётом набежавших за два с лишним века процентов с этого «бочонка», англичане поняли, что сумма слишком велика. Тогда они стали искать в законодательстве лазейку для отказа от выплаты.

И нашли. По английским законам XVII–XVIII веков документы должны были храниться в свитках. Завещание гетмана было сложено, а не скручено (так его было удобнее хранить), что и послужило причиной формального отказа. Таким образом, Англия осталась при золоте, а завещание осталось на хранении в архивах СССР.

Уже в 1980 годах завещание гетмана неожиданно всплыло — на этот раз в США. Какой-то российский эмигрант предложил английскому правительству передать оригинал завещания всего за один процент от накопившихся денег. Но английское правительство отказалось от сделки, ибо владелец документа не являлся законным наследником гетмана Павлá Полуботка.

На этом историческом анекдоте можно было поставить точку. Но гетманская звезда вспыхнула ярко, когда разваливали Советский Союз. Если звёзды зажигают, это кому-нибудь нужно! На Украине большинство граждан голосовало за сохранение СССР. Но им постепенно стали внушать, как хорошо жилось бы на мифическое золотишко Полуботка, если оно достанется исключительно самостийной. Боливар не выдержит двоих. Зачем делиться с клятыми москалями?

Между прочим, на подобную наживку в те же годы поймали русскоязычное большинство Латвии и Эстонии. Сыграв на обыкновенном эгоизме, нашим соотечественникам в Прибалтике сулили житие на острове благополучия. Разумеется, в случае отделения от материка — Союза. И пусть там в РэСеФеСеРе бедствуют, но Прибалтика будет процветать, получив независимость. И ведь поверили! Большинство поверило... И стало в итоге **негражданами**.

Но вернёмся к гетманскому золоту.

Сочинённое для взрослых в конце концов переходит к детям. Легенда конца восьмидесятых была включена в середине девяностых в «Рассказы по истории Украины» (автор — Виктор Мисан), утверждённые министерством образования этой страны как учебник истории для 5-го класса средней школы. В этом «учебнике» сказано дословно так:

«Согласно завещанию гетмана, забрать вложенные средства мог или сам Полуботок, или его наследники, но только тогда, когда Украина станет свободным государством. По оценкам экономистов, на каждого жителя Украины приходилось бы более 30 кг золота! Так это или нет — должны выяснить историки».

На каких таких экономистов ссылался автор, утверждая, что на каждого жителя Украины приходилось бы почти два пуда золота?

Во-первых, если даже наследство существует и потомки Полуботка, проживающие на территории Украины, когда-нибудь и вернут себе его часть, украинское правительство получит — в виде налога на наследство — лишь малую долю предполагаемой суммы.

Во-вторых, любой школьник, перемножив желанные тридцать кило на пятьдесят миллионов украинцев, выяснит, что Англия «задолжала» Украине полтора миллиарда килограммов золота. Это более чем вдесятеро превышает общие мировые запасы добытого золота. Мировая добыча золота составляет сегодня около двух миллионов килограмм в год. Значит, для полного возврата долга всему миру пришлось бы работать на Украину около семи с половиной веков.

Дело, конечно, не в этих сумасшедших числах. Для уважающего историю человека важно лишь то, что подобной, мягко говоря, некорректной подачей легенд под видом фактов в своё время сознательно заморочили головы народу иллюзией несуществующих прав на мифическое золото и тем самым добились выгодных для себя результатов референдума. Не исключено, что отдельные граждане Украины всё ещё верят этому мифу...

И это лишь один пример из истории современных информационных войн...

Государственный порядок из общественного хаоса

Есть такая фраза Льва Толстого, на вопрос: «Каких людей больше, плохих или хороших?», он ответил: «Хороших людей на свете больше, но плохие — лучше организованы». Почему же нормальные — мы все, ко-

торые в большинстве — проигрывают в организации ненормальным?!

Комсомольская, партийная, профсоюзная организации — все они по-своему упорядочивали советское общество. Не последнюю роль в доминировании Порядка над Хаосом играл и Комитет государственной безопасности СССР.

Я был молодым преподавателем ВУЗа, когда меня пригласили на беседу к высокопоставленному офицеру КГБ.

Родители перепугались. И вовсе не потому, что они считали, будто я в чём-то провинился. Они опасались, что меня пригласят на работу в эту всемогущую по советским временам организацию. Вывод родители сделали правильный. Опасались не напрасно. Пригласили...

— Очень уважаю оперативную и аналитическую работу Вашей организации, — сказал я полковнику, — но презираю стукачество, и такой вариант, если Вы его имеете в виду, даже не рассматриваю. Трудиться осведомителем пусть и на благо страны — не для меня, — ответил я в юношеском запале.

Офицер рассмеялся и уточнил: «Это тоже помощники. И у любой спецслужбы мира они есть». На том и расстались.

Эхо тридцать седьмого года, когда стукачи могли за вольную фразу, анекдот погубить человека и его семью, когда многие ГПУшники обзаводились комфортным жильём, выживая из родных пенат старую интеллигенцию... и так далее... наложило свой отпечаток на наше отношение к осведомителям. На загнивающем Западе и по сей день порядок поддерживается благодаря тому, что если буквально соседи увидят тебя творящим «зло», неважно, большое или маленькое, тут же доложат, куда надо. Это проблема, но не главная.

Главная проблема — качество материала самой секретной спецслужбы России. На это сетуют и нынешние ветераны КГБ СССР. Качество же определяют — при всём при том, что техника далеко шагнула вперёд — две компоненты. Это интеллект и чистота. Начнём со второй, благо на эту тему высказывался сам Дзержинский: «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками».

А мне вспоминаются слова известного правозащитника, знаменитого физика, нобелевского лауреата, академика Андрея Дмитриевича Сахарова, сказанные им в восемьдесят девятом году: «...благодаря своей элитарности КГБ оказался почти единственной силой в СССР, не затронутой коррупцией».

Они весьма примечательны, ведь если это вырвалось из уст самого Сахарова, немало претерпевшего от Комитета, то, значит, именно так оно и было.

Разложение КПСС, я считаю, началось с нефтяного изобилия, разложившего страну в середине правления Брежнева. К сожалению, в конце концов, ржа коснулась не только сторонников «развитого социализма», но и органов.

Кого-то ушли во времена Ельцина в качестве неблагонадёжных, то есть не прогнувшихся под него, когда расстреливали Российский парламент. Кто-то ушёл сам... Вакансии в органах безопасности заполнили по остаточному признаку.

Элитарность, о которой говорил Сахаров, помогла бывшим сотрудникам Лубянского ведомства устроиться на высокооплачиваемые места в Роснефть, Газпром и прочие структуры. Так следом за нефтегазовым развращением партийного аппарата настал черёд и элиты спецслужб.

За минувшие с тех пор годы силовые структуры в нашей стране неоднократно перекраивались и реформи-

ровались. На преданных — генеральские звёзды сыпались все два десятка лет, как дождь с неба. Сколько кандидатских и докторских было защищено в эти годы — диссертаций по безопасности страны и гражданского населения?! А безопасностью в итоге не пахнет.

Может, настало время призвать на службу государству старые кадры из всех частных охранных бюро, из всех правлений всевозможных корпораций, особенно нефтегазодобывающих? Вернуть на профильную работу — Родину защищать. А дабы это состоялось, платить им те же деньги, что они получают ныне. Откуда их взять, эти деньги? Хороший вопрос. Если вычистить от блатных офицеров те же банки и госмонополии, освободившиеся ставки дадут как раз эти деньги. Тогда и корпорации, и службы станут поэффективнее.

Мы разбрасываемся и сравнительно молодыми кадрами. Приведу такой пример. В девяносто девятом году в наукограде Обнинске Федеральная служба безопасности задержала сотрудника Института США и Канады Российской академии наук Игоря Вячеславовича Сутягина. Ему было предъявлено обвинение в государственной измене. Следствие длилось четыре года, и хотя на мой взгляд доказательств вины Сутягина прокурором представлено не было, он получил пятнадцать лет.

Вся вина Сутягина оказалась в том, что он внимательно читал открытые публикации, скажем «Красной Звезды», сопоставлял и анализировал официальные публичные источники информации, делал выводы из прочитанного и по бедности продавал эти сведения за бугор.

Прокурор сам признал, что (цитирую): «...мышление обвиняемого характеризуется высокой способностью к анализу, установлению логических связей».

«Так даже если Сутягин и нанёс ущерб стране, надо этот урон возместить, опираясь на те же феноменальные способности заключённого! То, что он умеет де-

лать, называется работой с открытыми источниками, извлечением из них секретов. Но именно это и составляло во все времена главную суть разведки. Посадите его в комфортную шарашку типа охраняемой виллы, дайте ему зарубежные печатные и электронные материалы... И пусть сидит, вычисляет для Родины. А Родина пусть пополняет его банковский счёт нефтяными деньгами. Не жалейте их, господа! Окупятся сторицей, нежели если бы он работал на лесоповале, как обычный зэк. Иногда и один в поле воин», — предлагал я в одной из телепередач ещё в то время, когда Игорь Вячеславович сидел.

Итог таков. В июле 2010-го, на одиннадцатом годе лишения свободы, Сутягин был помилован президентом Дмитрием Медведевым... но в рамках операции по обмену его и ещё трёх граждан России, осуждённых за шпионаж в пользу США и Великобритании и отбывающих наказание, на десяток россиян взятых под стражу в США в июне.

Вот так нерационально мы относимся к тому, кто имеет светлую голову!

И вновь о стабилизации климата

Как вы помните, вот уже несколько лет подряд Европу поражают катастрофические наводнения и столь же пагубные засухи. Главную их причину принято видеть в глобальном потеплении, а спасение положено искать в шаманских плясках вроде Кётского протокола.

Между тем и наводнения, и засухи наблюдались ещё тогда, когда температуры в Европе были куда ниже нынешних. Более того, они гармонично сочетаются со сколь угодно сильными зимними морозами. Поэтому ясно: их причина — вовсе не в каких-то изменениях

климата, а в том, что долины большинства европейских рек застроены на всём протяжении.

Рейн долго называли сточной канавой Европы. Сейчас — после десятилетий внедрения безотходных технологий — назвать реку сточной невозможно. Но канавой она осталась: вдоль неё почти непрерывна линия зданий, зато отсутствуют пологие берега. Они-то и преобразуют сколь угодно мощный приток воды в широкий — но невысокий и поэтому практически безопасный — разлив.

Спасти Европу от регулярных наводнений могут лишь громадные накопители атмосферной влаги, способные поглощать её быстро, а отдавать очень медленно и равномерно.

Крупнейший такой накопитель в Европе известен давно — это полесские болота. Ещё в советское время было доказано. Причём, как это у нас водится, «от противного».

В 1960-х годах мелиораторы попытались осушить полесские болота, чтобы расширить посевные площади. Первые же успехи проекта обернулись такими тяжкими и разнообразными последствиями на многие сотни километров вокруг, что болота пришлось немедленно затопить вновь.

Разумеется, полесские болота — далеко не единственный в Евразии стабилизатор погодных процессов. С учётом господствующих направлений переноса воздушных масс очевидна ключевая роль ещё и монгольских и казахских степей, и остатков Аральского моря, и нашей собственной тайги.

Все эти природные зоны как бы образуют единую Евразийскую климатическую платформу. На ней строится вся система погодо- и климатообразующих процессов на континенте. Без сохранения всех стабилизаторов климатическая система Евразии разваливается

независимо от каких бы то ни было глобальных потеплений и похолоданий.

Немалая часть компонентов Евразийской климатической платформы находится в самой России. Со странами, где лежат остальные звенья платформы, Россия традиционно поддерживает особо близкие отношения. Наше участие в проектах, обеспечивающих сохранение и развитие этой природной цепи стабилизаторов, не только неизбежно, но и полезно всей Евразии.

Для нас же самих весьма важно, что в систему стабилизации климата входит и Среднерусская возвышенность — в частности, Московская область. Следовательно, состояние подмосковных лесов, рек и болот сказывается на погоде не только Москвы, но и Западной Европы. С другой стороны, уровень Москвы-реки связан с теми же факторами, чьё воздействие порождает европейские наводнения.

Нестабильность содержания влаги в атмосфере — далеко не единственный из этих факторов. Едва ли меньше роль буферной влагоёмкости почвы.

Я уже отмечал, что Рейн практически на всём своём протяжении окружён районами сплошной застройки. Скажем, в среднем его течении — Рурском бассейне — найти открытый участок грунта вряд ли проще, чем отыскать золото и алмазы в тамошних шахтах. Понятно, вся вода, выпадающая в виде осадков в окрестностях Рейна, ни на минуту не задерживается в почве (за отсутствием таковой), а скатывается прямо в реку. Разве что в шахты что-то просочится, но оттуда воду немедленно извлекают мощные насосы и сбрасывают всё в тот же Рейн.

Другой традиционный источник европейских наводнений — Дунай — набирает силу в горах, где слой рыхлой почвы впору измерять в микронах. Естественно, все горные ливни мгновенно поднимают уровень реки.

Впитывающей способности сельскохозяйственных угодий среднего и нижнего Дуная просто не хватает для компенсации колебаний потока, стекающего с гор.

В Подмосковье ещё в 1990-х открытых почв — лесных и сельскохозяйственных — хватало, чтобы удержать основную часть осадков. Паводки на здешних реках были достаточно скромны и сравнительно безопасны.

К сожалению, в последнее десятилетие подмосковные поля и леса постепенно уступают место — в лучшем случае коттеджной застройке, а то и вполне урбанистическим пейзажам. Их влагоёмкость непрерывно снижается. Это не только мешает стабилизации содержания воды в атмосфере, но и не позволяет предотвращать разрушительное воздействие воды, уже из атмосферы выпавшей.

Объёма водохранилищ, созданных для снабжения столицы питьевой и технической водой, пока хватает, чтобы сдерживать сезонные колебания уровня самой Москвы-реки. Но дальнейший рост подобных колебаний во всём регионе способен очень скоро исчерпать этот резерв. И тогда Москва рискует разделить судьбу западноевропейских городов, ежегодно теряющих от наводнений десятки жизней и миллиарды долларов.

Чтобы предотвратить подобное развитие событий, необходимо остановить дальнейшее преобразование природных ландшафтов Подмосковья в сплошные массивы зданий и промышленных сооружений. Расширение Москвы практически до границ Калужской области грозит всему региону в случае хищнической вырубки лесов и застройки берегов рек крупной экологической катастрофой.

Предложения о прекращении строительства в городской черте и переходе к массовой жилой застройке окрестностей следует признать пагубным для природы во всех отношениях.

Выход один, это включение Подмосковья в единую с Москвой систему управления природным хозяйством ради стабилизации погоды и на Русской равнине, и в Европе вообще.

И ГРЯНУЛ БОЙ...

Хотя нынешний год юбилейный для битвы Бородинской, я хочу вернуться на триста лет и три года назад, когда состоялась знаменательная Полтавская победа. Военное поражение шведов, с которого начался закат некогда могучего королевства, стало для нас ныне обыденным фактом. На самом же деле и на этом поприще можно сыскать немало творческих идей.

Начнём издалека. Примерно за год до битвы под Нарвой Пётр Первый существенно нарастил численность своих войск, собрав на скорую руку не менее двадцати пяти новых пехотных и двух кавалерийских полков.

Должно быть, вернувшись из Европы, он вполне трезво оценивал способности своей армии и полагал, что сможет сломить силу шведов скорее числом, чем умением. При осаде крепости до высадки основной армии Карла Двенадцатого, у Петра было не менее сорока тысяч человек — против полуторатысячного вражеского гарнизона.

Но даже и после подхода главных шведских сил — порядка двенадцати тысяч, под Нарвой русские имели почти что четырёхкратное превосходство в живой силе, а на одно шведское орудие приходилось более четырнадцати русских.

Но царь Пётр оставил расположение своих войск, сознавая, что такой численный перевес в битве с высокоорганизованным врагом явно недостаточен. Он не хотел, как видно, принять на себя горечь поражения. Он

не мог позволить себе, выражаясь современным языком, такого антипиара.

Командование осадой Пётр перепоручил французскому фельдмаршалу, герцогу Карлу-Евгению Круа, имевшему богатый послужной список. Герцогу довелось в составе австрийской армии побеждать турок. Но шведы — не турки.

В сильный снегопад армия Карла вплотную приблизилась к русским позициям и с марша взяла передовые укрепления вместе со всей артиллерией. Началась паника, кавалерия Шереметева бросилась к реке, потеряв на одной только переправе не менее тысячи человек. Завидев это бегство, дрогнули и побежали пехотные части.

Оглушённый внезапным появлением шведов, воюющих не по правилам, Круа вскричал: «Пусть сам чёрт воюет с этой сволочью», переломил о колено шпагу и сдался Карлу вместе с группой других иностранных офицеров, состоявших на русской службе. Хладнокровие сохранили преображенцы, семёновцы и Лефортовский полк, они сражались до темноты, отходили в порядке и сумели избежать пленения. Армия Петра потеряла три четверти состава убитыми и пленёнными, то есть не менее тридцати тысяч, потери шведов едва превысили две тысячи.

Надо отдать должное Петру, ему удалось извлечь уроки из горестного поражения. В последующие годы им были воспитаны национальные офицерские кадры. Пётр ввёл единые стандарты на стрелковое оружие и артиллерию, а также — обязательный приставной штык.

Как отмечают военные специалисты: «введение штыка усиливало армию вдвое. Это связано с тем, что перед этим половина рот снабжалась фузеями, половина холодным оружием. При этом в бою участвовала лишь половина армии — на дальних дистанциях велась

стрельба, в рукопашном бою действовала остальная часть войска. Введение же приставного штыка позволяло легко переходить от рукопашной к стрельбе и наоборот». Это, как мы увидим, значительно помогло в битве Полтавской.

Преуспел царь и в новшествах по части фортификаций. Появившись в шестнадцатом столетии (а по некоторым данным еще в период Столетней войны), редуты как основная форма укреплений применялись еще три века. Они исчезли только в начале Первой мировой войны с развитием мощной артиллерии.

По мнению отечественных специалистов в области военной инженерии, именно Пётр Первый впервые применил редуты на Полтавском поле сражения как передовые опорные пункты для расстройства наступающих боевых порядков шведов. Доселе таких укреплений в полевых условиях наступательного боя на открытой местности никто не применял. Разве лишь при осадах.

Петр приказал построить всего десять редутов (шесть в линию и четыре — перпендикулярно линии первых шести). Они представляли собой четырехугольные земляные укрепления со рвами и брустверами и располагались на расстоянии трёхсот шагов один от другого. Замысел состоял в том, чтобы, измотав шведские войска на редутах, нанести им затем сокрушительный удар в полевом сражении. Так оно и произошло. Система укреплений своим перекрестным огнём нанесла шведам, и без того уступающим русским в численности, громадный урон.

Построив полки для решительной атаки, Пётр I обратился к войскам с речью: «Воины! Вот пришёл час, который решит судьбу Отечества. И так не должны Вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру вручённое, за Отечество. Не должна вас так-

же смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказывали. А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего!»

Нашим читателям без сомнения известна знаменитая поэма Пущкина «Полтава», но это сочинение профессионального автора. А вот ещё одно произведение, написанное в те же годы костромским крестьянином и песенником Иваном Молчановым на основе канта Петровской эпохи. Оно пошло в народ и живёт до сих пор в многочисленных переделках:

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья!
Мы дрались тогда со шведом
Под знаменами Петра...

Песня передаёт легенду, как пуля сбила с Петра шляпу, потом поразила под ним коня, наконец, расплющилась о нательный крест государя...

Ценой больших потерь враг всё же преодолел редутную линию, но встретился лоб в лоб с боевыми порядками русской армии. В открытой штыковой схватке и под угрозой окружения конницей Меншикова шведы были разбиты.

Они потеряли убитыми и пленными тридцать тысяч человек, наши потери не превышали и пяти тысяч. Пётр сполна взял реванш за Нарву.

В немалой степени этой славной победе способствовала изобретательность царя-реформатора, кою и нашим нынешним реформаторам всячески желаю.

Из истории мирового креатива

Давайте ещё раз совершим экскурс в историю. И вновь во времена великих людей и деяний — в XIX век, в эпоху Наполеона.

За ходом нидерландской кампании императора Франции внимательно следила вся Европа. Страны коалиции устали от войны не меньше самой Франции. И если бы Наполеону удалось продержаться до зимы (тогда в снегу воевали разве что русские), его противники скорее всего согласились бы на достаточно затяжное перемирие. Упрочив за зиму собственную экономику, наладив традиционно сильную сеть дипломатических интриг, Франция могла к весне добиться распада враждебной коалиции.

Больше всего от такого сценария пострадала бы, конечно, Британия. Правительство, долгие годы бросавшее в пламя войны и собственные ресурсы, и всех союзников, в одночасье оказалось бы банкротом. И не только политическим: несметные миллионы, вложенные в истребление единственного реального конкурента, оказались бы выброшены безвозвратно. А государственные долговые обязательства были бы в лучшем случае заморожены на долгие годы, а то и вовсе обесценены.

Лондонская биржа ждала известий с материка как манны небесной. Малейший слух оборачивался тысячами распоряжений о покупке или продаже. Но кроме слухов, ничего не было и не могло быть: мир ещё не опутала телеграфная паутина.

Один из крупнейших лондонских финансистов — глава британской ветки банкирского дома Ротшильдов — озаботился получением надёжной информации заранее. По всей Европе стояли его кареты с лучшими лошадьми, каких только можно было тогда купить за деньги. А уж среди коммерсантов того периода истории

не было равного Ротшильду по готовности вкладывать деньги в перспективные проекты.

Конная эстафета в считанные часы домчала пакет с известиями о разгроме французов до берега Ла-Манша. Там уже ждали корабли, также купленные Ротшильдом. От меловых скал Дувра новые кони понеслись в Лондон. И Ротшильд получил заветные известия прямо посреди главного торгового зала биржи.

Было ясно: ещё через несколько часов весть о британско-прусской победе дойдёт до всех. И тогда государственные обязательства, доселе обесцененные политической неопределённостью, вновь станут надёжными — следовательно, дорогими. Скупив их немедленно, можно было через пару дней изрядно обогатиться.

Именно так поступил бы в ту пору любой биржевой игрок, получивший эксклюзивную информацию. Но не Ротшильд. За ним следили тысячи глаз. Вслед за ним скупать бумаги немедленно бросилась бы вся биржа. И ему удалось бы обогатиться лишь на той незначительной доле обязательств, которые он добыл бы первым приказом на покупку.

Ротшильд представлял себе ход мыслей коллег по бирже куда отчётливее, нежели они — его. Разница в уровне рефлексии — мышления о самих мыслях — позволила ему принять решение, по тем временам совершенно неожиданное.

Принесённую депешу он прочёл в центре зала. И, лихорадочно сунув её в карман, бросился продавать все правительственные ценные бумаги, которые у него — как и у любого биржевика — к тому времени были.

Надёжность и оперативность ротшильдовой информационной службы к тому времени была общеизвестна и многократно подтверждена. Если великий банкир, повинуясь полученным сведениям, продаёт британские обязательства — значит, Британия проиграла. Избав-

ляться от облигаций побеждённого бросились все. За считанные минуты бумаги стали ненамного ценнее той самой бумаги, на которой были напечатаны.

И тогда, повинуясь незаметному знаку банкира, десятки его тайных агентов занялись скупкой. Вскоре Ротшильд покинул биржевой зал обладателем чуть ли не всех обязательств британского правительства. А ещё через несколько часов биржевики рвали на себе волосы, узнав, от каких сокровищ только что избавлялись за бесценок.

Впрочем, это был не последний творческий манёвр легендарного финансиста. Чего-чего, а денег ему хватало и до Ватерлоо. А вот чего не хватало предельно остро — так это общественного признания.

Еврей со множеством родственников на континенте особым уважением замкнутой британской дворянской касты не пользовался. Даже несмотря на то, что его род ещё в Средние века обзавёлся титулом баронов Священной Римской империи. Сама эта империя, только что исчезнувшая под натиском всё того же Наполеона, уже не освящала своим авторитетом красный щит (rot schield!) на баронском гербе.

Ротшильд ещё раз использовал изобретательский приём инверсии. С биржи он отправился в министерство финансов. И попросил оплатить ему государственные обязательства не по номиналу, а всего лишь по той бросовой цене, по которой он их скупил. Да и то лишь потому, что правительство Британии не вправе что бы то ни было принимать вовсе безвозмездно.

Но разницу между номиналом и ценой скупки Ротшильд всё же получил. Разумеется, не деньгами. А новым — уже чисто британским — титулом, доступом в высшие круги общества и власти, возможностью в дальнейшем заключать контракты с правительством в приоритетном порядке... Да мало ли выгод может получить

человек, столь неординарно распорядившийся зависимостью государства от себя!

Банк Ротшильдов процветает до сих пор. Достаточно напомнить, что он входит в пятёрку финансовых организаций, ежеутренне определяющих цену золота на лондонском — и, следовательно, на мировом — рынке. Основы могущества этого банка заложены ещё в глубоком Средневековье тысячами сделок с мелкими германскими князьками. Но непревзойдённым его сделал именно тот из Ротшильдов, который оперативной информацией и собственными нестандартными ходами подчинил себе на несколько часов усилия двух могущественных империй.

Надеюсь, этот исторический пример — один из великого множества — вполне убедительно показывает: креативный способ действий оправдывает себя всегда и везде. В любой сфере человеческой деятельности, в любых странах, в любые времена.

К ИСТОРИИ ОДНОЙ ЭПИГРАММЫ

Я не раз и не два выражал восхищение гением Пушкина. Но сегодня хотел бы вернуться к роковым моментам в жизни поэта, ведь даже случайное во многом закономерно.

Не секрет, что в сравнении со многими столь же пылкими современниками, Пушкину многое прощалось как по молодости лет, так и за восхитительный поэтический дар. Хотя не во всём и не всегда поступки юноши Пушкина как человека этичны как с точки зрения девятнадцатого века, так и в глазах нынешних, даже самых лояльных моралистов. Как раз эта его младая неразборчивость отзеркалилась, отразилась в судьбе поэта самым роковым образом, когда пришла пора зрелости.

Мне вспоминается **злая и несправедливая эпиграмма поэта на одного из выдающихся деятелей Истории Российской**, графа Михаила Семёновича Воронцова. Томимый любовной жаждой, Пушкин завёл роман с женой осмеянного им графа, и «терзаемый ревностию» к законному супругу сочинил известные всем нам ещё по школьной программе строки:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

А ведь жизнь графа Воронцова была целиком посвящена служению России. В двадцать один год он прикомандирован к войскам на Кавказе, участвует во многих стычках с горцами, являя личное мужество и храбрость. В ходе гибельной экспедиции русских войск в Закатальское ушелье в январе 1804 года Михаил Воронцов едва не погиб.

Год спустя он участвует в боевых действиях против шведов в Померании в составе десантных войск генерал-лейтенанта графа Толстого. Ещё через год — воюет против французов и командует первым батальоном прославленного гвардейского Преображенского полка. В ходе войны с Турцией, будучи уже командиром пехотного полка, начальствует над особым отрядом русской армии, который первым врывается на Балканы. Между прочим, занимает пресловутую Плевну, сражается ровно в тех местах, что и семьдесять лет спустя другой прославленный генерал — Скобелев.

Когда Наполеон вторгся в пределы России, граф Воронцов находился под началом Багратиона, его дивизия защищала Смоленск, а в ходе Бородинской битвы почти вся она полегла у деревни Семёновской. Воронцов и

сам был ранен, но, отправляясь на лечение в имение, взял с собою несколько десятков раненых офицеров и более трёхсот покалеченных войной солдат. Все они получили усилиями и деньгами графа отменный уход.

По возвращении в строй Воронцов, командуя корпусом, столкнулся в заграничном походе непосредственно с полками самого Наполеона. Русские не дрогнули, их потери были раза в полтора меньше, чем у неприятеля. Три года под началом графа Воронцова состоит оккупационный корпус русской армии во Франции. Он вынужден продать полученное по наследству имение тётки, чтобы расплатиться с французскими кредиторами за кутежи своих офицеров и гусар.

Пути Михаила Воронцова и рядового служащего десятого класса его канцелярии Александра Пушкина пересеклись лишь в июне 1823 года, когда император назначил графа генерал-губернатором и наместником Новороссии и Бессарабии.

Тоже своего рода маленькая месть царя вельможе. Дело в том, что по возвращении оккупационного корпуса из Франции **Александр Первый устроил смотр и выразил неудовольствие по части недостаточно быстрого шага солдат на плацу. Ответ Воронцова был достоин Суворова, он передавался из уст в уста и сделался широко известен: «Ваше Величество, — ответил Воронцов, — этим шагом мы пришли в Париж!»**

Прибыв в Одессу, новый генерал-губернатор отнёсся к подчинённому не как к обычному клерку. Граф прекрасно понимал, что перед ним большой поэт. Пушкин был зван на обеды к Воронцову каждый день, ему предоставили возможность работы с графской библиотекой. А там было что почитать, ведь Воронцов, получив образование в Лондоне, привёз с собой немало образцов западного вольнодумства.

Однако поэт, будучи пылкой натурой, использовал часы посещения не только на ниве литературного творчества. Предметом его вздыханий и любовных преследований стала жена генерал-губернатора Елизавета Воронцова. И тогда Воронцов сильно изменил своё мнение о Пушкине, как о человеке. Посему из ревности в конце концов он отрядил сего канцеляриста в издевательскую экспедицию по ловле саранчи. В ответ появилась упомянутая мной эпиграмма.

Чтобы оградить от «компромата» жену, Воронцов направил в марте 1824 года письмо в Петербург, и уже не первое, где были такие осторожные строки, адресованные графу Нессельроде, сподвижнику государя: «Удаление Пушкина отсюда будет лучшая услуга для него... Если он будет жить в другой губернии, то избежит влияния здешнего опасного общества».

Содержание письма стало известно не только императору, но и поэту, поскольку оно проходило канцелярию, а там по дружбе поэту дали взглянуть на текст. В июле Пушкина отправили в отставку и предписали удалиться в Михайловское. Как раз в этот момент граф находился в командировке, и у Пушкина оставалась неделя на решительный штурм Елизаветы Воронцовой. Биографы находят всевозможные намёки на успех этой операции в самих пушкинских стихах. Так в ещё одной эпиграмме Пушкин изобразил себя Давидом, а Воронцова — Голиафом, коего он, мальчишка, победил.

Сдалась ли Наталья Николаевна, когда годы спустя на приступ пошёл небезызвестный Дантес, в считанные месяцы разрушив семейную идиллию Пушкинской четы?! Вспоминал ли сам поэт на смертном одре, как сам кавалерийским наскоком вторгся в жизнь семьи Воронцова?! Круг замкнулся. Ошибки молодости вернулись к их свершившему с неумолимостью рока.

Пушкин, смертельно раненный на дуэли, мученической смертью закрыл все счета.

Престарелый же «полу-милорд» Воронцов будет отправлен на Кавказ верховным наместником. Он продолжит дело генерала Алексея Петровича Ермолова, чьим советам последует в дальнейшем служении России и чью дружбу сохранит до последних дней жизни. Вот такой исторический «анекдот».

«Круппс». Исторические истоки могущества

Как-то довелось мне покупать себе кое-какую бытовую технику. Оказавшись в магазине перед выбором, среди длинного ряда товаров я выбрал тот, что имел лучший бренд. Едва ли найдётся современный человек, не слышавший о марке «Круппс» и вообще об этих оружейно-стальных магнатах.

Предприятие Круппов получило имя в честь своего основателя Фридриха, который, впрочем, едва сводил концы с концами и по отзывам немецких специалистов был по сравнению со своим сыном Альфридом полной бездарностью. Фридрих умер в сорок лет, оставив после себя четырём сыновьям кучу долгов, а также полуразвалившееся строение мануфактуры, на котором было всего пять наёмных рабочих, не получавших жалования.

Но вот в самом начале XIX века в условиях континентальной блокады, когда английская литая сталь в Европу не поступала, один из Круппов — это был как раз Фридрих — решил обогатиться на производстве дефицитного литья. И в 1811 году он основывает фабрику, вкладывая около тридцати тысяч имперских таллеров в «индустриальное дело». Ему не повезло, Наполеон был разбит, англичане получили возможность

беспрепятственно снабжать Европу своей металлоплавильной продукцией.

Последние десять лет жизни Фридрих Крупп постоянно был на грани разорения и балансировал на ней до самой смерти. Ему приходилось зачастую самому, как простому рабочему, заниматься литьём, бесконечно долго экспериментируя с тиглями. А человек это был одержимый. И в конечном счёте, он оказался первым из немцев, кому удалось методом проб и ошибок добиться изготовления литой стали.

Заслуги его сына Альфрида Круппа перед семейством наиболее значимы. Как и отец, он ночами просиживал над опытными тиглями (чтобы добиться мелкозернистости плавки), конструировал хитрую систему передачи от водяного колеса к механизмам предприятия... Он же и первым решил внедрить на производстве паровой молот, хотя двигатель был ещё слабосильным и не получалось одновременной работы и кузницы, и токарной мастерской. Длительное время и этот Крупп едва сводил концы с концами, Альфриду пришлось бы совсем туго, если бы не поддержка зажиточных родичей.

Но Крупп не стыдился ни работы, ни учёбы и даже откровенного воровства — он поехал сперва во Францию, затем и в Англию — Ливерпуль и Шеффилд, впрочем, выдавая себя за потенциального заказчика, а на самом деле занимаясь промышленным шпионажем.

Конечно, он и сам был отличным конструктором, но в значительной мере успехи Круппа в последующие годы объясняются и тем, что у Альфрида был дар углядеть и первым начать использовать изобретения других людей. Так произошло, прежде всего, с чужой разработкой машинного способа изготовления ложек и вилок, присвоенной Круппами. Чертежи валков братья Круппы бесстыдно скопировали у доверившегося им изобретателя. А теперь представьте себе, насколько это

был ходовой товар! Кстати, воровство произошло очень вовремя: чтобы расплачиваться с рабочими своей фабрики, Альфреду пришлось заложить семейное серебро.

Но то технологическое опережение в вопросах производства литья, что набрала фабрика Круппа в 1840-50-е, наконец, дало о себе знать. Германия нуждалась в железных дорогах, а поезда — в бесшовных венцах для колёс. Это изобретение Крупп по праву запатентовал сам в 1852 году, а эмблемой его быстро растущей фирмы стали три переплетённых кольца, то есть обручи железнодорожных колёс. Десятилетиями выпуская этот продукт, Альфрид Крупп превратился в крупного промышленника.

Разумеется, и литые бесшовные стальные стволы ружей и орудий в сравнении с прежними бронзовыми были поразительно износостойки. Десять лет подряд Крупп боролся с прусским чиновничьим аппаратом, и... победил его, продав несколько единиц новоиспечённой боевой техники в Россию и Францию, он добился государственного заказа в Германии сразу на несколько сотен орудий.

Эти орудия позволили Пруссии выиграть войну с Данией. В благодарность король Пруссии пожаловал Круппу дворянский титул, но фабрикант отказался от высокой чести, заявив буквально, что «это не соответствует его желаниям».

Прибыль Альфрид вкладывал в новые промышленные объекты, среди которых был и тысячетонный кузнечный пресс, а этот чудовищный механизм позволил ему изготавливать как крупнокалиберные орудийные стволы, так и гигантские корабельные валы, которые очень кстати подоспели к эпохе океанских лайнеров.

Предприятие Круппа процветало, когда вдруг, неожиданно, его промышленные шпионы донесли из Англии об открытии Генри Бессемера. Тот запатентовал мо-

дернизированный метод изготовления стали. Суть которого в том, что жидкий доменный чугун насыщался кислородом из вдуваемого в него воздуха во вращающемся конверторе — «бессемеровской груше». И, позавидовав англичанину, Крупп решил получить аналогичный патент в Германии. Он предоставил скопированную техническую документацию бессемеровского метода на утверждение экспертам, но англичане успели оповестить немцев о своём первенстве, и Круппу не удалось получить на своё имя этот патент.

И всё же платить Бессемеру Альфрид не собирался. Он начал производство стали по-пиратски, в одном из цехов своей фабрики. Секрет Круппа раскрылся только в год, когда Пруссия разгромила империю Наполеона Третьего, то есть почти пятнадцать лет спустя. Но поскольку решающий вклад в победу над французами внесли именно дальнобойные пушки Альфрида Круппа, на его прежнюю кражу посмотрели сквозь пальцы. К тому же бессемеровская технология позволили немцам заменить все быстро изнашивающиеся рельсовые пути из чугуна на долговечные стальные.

Как раз в это время Маркс и писал Энгельсу, что все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путём.

Но если Круппы и пахали, и воровали, что бы написал Маркс о большинстве нынешних олигархов, которые только воровали?!

Об истоках русского терроризма

Поговорим об истоках русского терроризма.

В августе 1879 года возникла самая значительная, хорошо законспирированная организация этого разночинского периода — «Народная воля».

Она сделала политический террор главным орудием своей борьбы, устроила настоящую охоту на царя-реформатора Александра Второго и уже на второй год после своего создания добилась своей цели — его убийства. На счету народовольцев ликвидация целого ряда и других крупных сановников империи.

Разумеется, каждая террористическая организация занимается и так называемыми «экспроприациями», то есть добывает средства для своей «борьбы». Часто именно с этих ограблений и начинается её деятельность: в числе актов, совершённых «Народной волей», необходимо отметить кражу в херсонском банке ещё на заре своего существования. Посредством подкопа народовольцы похитили свыше миллиона рублей, хотя деньги очень скоро были найдены полицией.

Желябов, Перовская, Фигнер, Кибальчич — эти фамилии смутно припоминает бывший ученик советских школ, когда речь заходит о народовольцах. Может, ещё назовут собственно Александра Ульянова, старшего брата вождя мирового пролетариата.

В любой современной террористической организации есть лидер. Это самый агрессивно настроенный представитель движения. А остальные — лишь попавшие под его влияние исполнители. Террором управляет сравнительно малая группа, а осуществляют его сотни. Хотя в «Народной воле» числилось около пятисот участников, а поддерживали организацию тысячи человек, она объединяла, на мой взгляд, в первую очередь, политических идеалистов. Там было много ярких личностей, преданных своему делу настолько, что они, например, могли добровольно сдаться властям, чтобы разделить судьбу ранее арестованных соратников по борьбе.

Программа «Народной воли» содержала многие требования и нынешней демократии: всеобщего избирательного права и постоянного народного представи-

тельства, свободы слова, совести, печати, собраний... Это для своего времени была прогрессивная программа, но дьявол кроется в деталях, а негодные средства девальвируют ценности конечной цели.

Как пишет Роберт Грин в книге «Тридцать три стратегии войны»: «Народная воля» покажет всем, что царизм — вовсе не тот несокрушимый монолит, каким он себя представляет: царизм уязвим, с ним можно совладать. Народовольцы поняли, что с помощью одного в общем-то малозначительного события, взрыва бомбы, можно запустить цепную реакцию: страх, вызванный у властей, приводит к ужесточению режима и репрессиям, это приносит известность группировке террористов, вызывает симпатии к ним в обществе и усиливает непопулярность правительства, следствием становится дальнейший рост радикализма, а это ведёт к новому витку репрессий — и этот цикл многократно повторяется по нарастающей, приводя в итоге к революционной вспышке...»

Мы учили с вами ещё в школе, как «Народная воля» проводила революционную агитацию и пропаганду во всех слоях грамотного населения. Их газеты стремились взлелеять идею политической борьбы с царизмом под девизом «Теперь или никогда!». В подготовке восстания, а также в его осуществлении «Народная воля» главную роль отводила своей организации. Народные крестьянские массы должны были играть вспомогательную роль.

И хотя многократно перед нами разыгрывалась эта сцена с мудрым Володей Ульяновым, который, переживая казнь старшего брата, говорит: «Мы пойдём другим путём», путь был очень похожим. Лихие головорезы — Камо, например — тоже экспроприировали в пользу большевистской партии, которая численно превышала народовольческую только в десять раз. Но при перевороте, гордо именуемом потом Великой Октябрьской

Социалистической революцией, Ленин опирался на пролетариат — хоть и меньшинство населения империи, но лучше организованное по условиям производственного процесса.

В сравнении с пришедшими им на смену эсерами народовольцы были сущими романтиками. Они реально верили в то, что делают. И готовы были идти на смерть за свою идею. Благодаря этому «Народная воля» оказала влияние на целое поколение молодёжи конца девятнадцатого века. А молодёжь в силу малого жизненного опыта не всегда и не вполне чётко осознаёт, что такое хорошо и что такое — плохо.

Далеко не все отправились в Сибирь — и при царе, и при Сталине. Многие повзрослели, остепенились, а их борьба и натиск не переступили кухонного порога. Но основная часть народовольцев жила яростно и яростно ненавидела, а когда шла на смерть, знала, что Там... ничего не будет, ни рая, ни ада — небытие. Это у религиозных террористов смерть просто переход из одного состояния в другое, причём смерть для них даже кажется более предпочтительной, ибо бронирует билет в райские кущи.

Поражает то, что «Народная воля» при сравнительной малочисленности смогла устроить удачную охоту на царя, раз за разом, не с первой и не со второй попытки. А полиция так и не смогла спасти государя. Почему?

Во-первых, мало кто знает, что **весь жандармский корпус империи в те годы составлял всего три тысячи человек**. Накануне Февральской революции семнадцатого года по некоторым данным, подумать только, **на двухмиллионный Петроград, столичный город, было ВСЕГО три тысячи чинов полиции**. Не то, что теперь!!

Во-вторых, как это ни парадоксально прозвучит, им тогда и в голову не могло прийти, что царя можно убить. Особа священная! Ещё Николай Первый свободно прогуливался по столице без провожатых, а им-

ператрица, жена Николая Второго, гуляла с детьми в Александровском саду, не чураясь горожан.

Всё течёт, всё меняется. В конечном счёте, и народовольцы, и большевики виноваты в том, что, например, общественный транспорт стал экзотикой для наших нынешних властителей.

Об исторических истоках мирового терроризма

В качестве ведущего телепередачи «Мнения Знатоков» я как-то рассуждал о народовольцах, чья организация положила начало русскому терроризму.

Пожалуй, невольно возгордишься, читая того или иного иностранного автора, не видящего бревна в собственном глазу.

Так, не без интереса для себя, можно сказать, запоем, проглотил я книгу Роберта Грина «Тридцать три стратегии войны». Но готов поспорить с этим писателем, возводящим напраслину на нашу страну, как колыбель мирового терроризма. В частности, Роберт Грин пишет, что деятельность «Народной воли» наложила отпечаток на всю последующую историю человечества: она подняла волну терроризма во всех концах света, включая и Соединённые Штаты». Якобы последователями «Народной Воли» именно на этой волне были убиты президенты Джеймс Гарфилд в 1881 году и Уильям Мак-Кинли — в девятьсот первом.

«Народная воля», — считает автор, — можно сказать, дала рождение всем основным элементам современного терроризма. Благодаря усилиям народовольцев окончательно вырисовалось его лицо. Народовольцы верили, что если убьют достаточное количество губернаторов и министров, а тем более уничтожат самого царя, то ре-

жим не устоит, он рухнет в бесплодных попытках защитить себя. Даже реакция и репрессии играли, по сути дела, на руку террористам, вызывая глухое недовольство, ведущее в итоге к страстно желаемому ими событию — революции. Тем временем о «бомбистах» писали в газетах, косвенно способствуя популяризации их идей и привлекая на сторону народовольцев сочувствующих во всём мире. «Народная воля» целилась в правительство, но с готовностью шла на то, чтобы в результате терактов погибали и обычные люди. Падение царского режима, считали они, стоит нескольких жизней, к тому же бомбы наносят меньший урон, чем их кровавая альтернатива — гражданская война».

Могу привести пример из прошлого, который докажет ошибочность утверждений Роберта Грина. Но сперва о хитросплетениях судьбы. Подумать только, в 1917 году она оставила по разные стороны власти Александра Фёдоровича Керенского и Владимира Ильича Ульянова! А между тем в далёком Симбирске семьи Керенских и Ульяновых некогда связывали дружеские отношения. Фёдор Михайлович Керенский, родной отец будущего председателя Временного Правительства, после смерти Ильи Николаевича Ульянова — отца вождя революции — по мере своих сил оказывал участие в судьбе детей Ульяновых. Более того, уже после ареста и казни народовольца Александра Ульянова, он дал брату политического преступника — Владимиру Ульянову, будущему Ленину — положительную характеристику для поступления в Казанский университет.

Парадоксом судьбы следует считать и ещё более давнюю историю. Мы же как-то говорили об Омаре Хайяме, поэте, учёном, изобретателе, прославленном в веках. Но мало кто знает, что его школьным товарищем по медресе в городе Нишапур был некто ал-Хасан ибн ас-Саббах. Этот перс более известен под прозвищем

Горного Старца, и он — создатель крупнейшей террористической организации за восемь веков до «Народной воли». Это так называемая секта Хашашаинов («курителей гашиша»), или, в европейском произношении, «ассассинов».

Провидению было угодно, что именно ассасины и убили покровителя Омара Хаяма и многих других учёных — выдающегося деятеля Древнего Востока, величайшего из визирей империи Сельджукидов — Низам ал-Мулка. Его имя означает «основатель порядка в стране».

Малик-шах, непосредственный начальник Низам-ал-Мулка, беспощадно преследовал врагов ислама, искореняя ересь. Его противниками были исмаилиты, коими и руководил Хасан ибн ас-Саббах. Штаб ассасинов находился в неприступной крепости Аламут — в переводе «гнезде орла» — на горной вершине, высоте более двух тысяч метров. В ста километрах от нынешнего Тегерана.

Султан Малик-шах писал Горному Старцу дословно следующее: «Ты, Хасан ас-Саббах, создал новую религию и общину и, вводя народ в заблуждение, выступаешь против Владыки всех времён. Собрав вокруг себя некоторых невежественных горцев, ты говоришь им льстивые слова, и они побуждают народ взяться за оружие. Ты осмеиваешь халифов, которые являются повелителями правоверных, опорой державы и народов и на которых покоится вера и государство... Сжалься над своей душой и душами своих последователей, не подвергай себя и их уничтожению. Не надейся на прочность своих крепостей и знай наверняка, что если твоя крепость, название коей Аламут, окажется даже на седьмом небе, я с помощью Всевышнего сотру её с лица земли».

На это сотрясание воздуха ассасины ответили, что султан подпал под влияние лживых доносов своего визиря. Но ты приди и возьми, если так смел! И разразилась война.

Низам-ал-Мулк был убит ассасинами, когда возвращался в Багдад из поездки по стране. Зашёл он на неприметное сельское кладбище, на котором, впрочем, были захоронены сподвижники самого Пророка. «Какое счастье для человека, который будет лежать рядом с ними!» — сказал визирь. И это были его последние слова. Спустя буквально тридцать шесть дней не без участия тех же ассасинов погиб и султан. Гигантская империя зашаталась.

За полтора последующих века ассасины лишили покоя все правящие династии от Средиземного моря до Персидского залива. Практически неуловимые, как ниндзя, ассасины уничтожили за этот срок сотни халифов и султанов, военачальников и представителей духовенства. Вычистив элиту персидско-турецкого Востока, они дестабилизировали политическую ситуацию на обширном геополитическом пространстве, чем способствовали приходу и утверждению там Чингизидов, которые попутно разорили и гнездо ассасинов — Аламут.

Но эстафета и технологии террора были уже запущены во времени и пространстве. А вы говорите, Россия — родина терроризма?!

Персидское возрождение

Много у нас нынче рассуждают о противостоянии на международной арене — в политике и экономике — двух нынешних сверхдержав, Китая и США.

Но конечно, спектр геополитических оппонентов Соединённых Штатов Америки далеко не исчерпывается одним Китаем. Мало кто у нас обратил внимание на то, как блестяще маленький Иран переиграл огромные Соединённые Штаты по части стратегии.

Становится очевидным: рано или поздно персы создадут своё ядерное оружие — единственную в современном мире гарантию неприкосновенности. Но Ирану важна не столько ядерная программа, сколько возвращение на международную сцену в качестве наследника древней и некогда могучей Персидской державы, чья культурная традиция превышает четыре тысячи лет.

Эта империя долгое время не знала себе равных. Правда, в четвёртом веке до нашей эры Александр Македонский разгромил её, прекратил правление династии Ахеменидов и сам стал властителем доброй половины тогдашней Ойкумены — изученной греками части обитаемого мира. После его смерти новая держава распалась. Но менее чем через век Иран возродился в образе могучей Парфянской империи. И ещё пять веков был ключевым игроком на Ближнем Востоке и в Средней Азии, успешно сражался даже с римлянами, чья принципиально новая военная и политическая организация преодолевала сопротивление любых других тогдашних государств и племён, и остался в целом самостоятельным.

И после римлян Иран пережил несколько нашествий — вначале арабов, потом монголов, наконец, турок. Сменилась даже религия — древний зороастризм вытеснен шиитской версией ислама. Но, невзирая на все эти перемены, иранцы сохранили и индоевропейский язык, и культуру, и менталитет...

Земли Ирана лежат на одном из ключевых для всего мира путей — из Китая и Индии в Европу и обратно. Вдобавок они граничат с одним из главных источников энергии — Ближним Востоком. Обстановка на Ближнем Востоке сейчас настолько нестабильна, что без договорённости с Ираном Соединённые Штаты заведомо не смогут разрулить ситуацию в этом регионе. Выражаясь шахматным языком, США попадают в своеобраз-

ную вилку. Ведь Иран мог быть серьёзным помощником в решении актуальнейших для США — вследствие стратегических ошибок предыдущей администрации — проблем в Ираке и Афганистане.

В апреле 2009 года администрация Барака Обамы даже призналась, что уже не рассматривает Иран как элемент «оси зла». Президент США тогда обратился с поздравительной новогодней речью к иранцам, причём его выступление сопровождали титры на фарси.

Принято сравнение недавнего противостояния Штатов и Ирана с шахматной партией, где американцы играли белыми, а иранцы — чёрными. Кстати, именно персы принесли шахматы в Европу из Индии, они давние и умелые игроки. Один из экспертов по Ближнему Востоку, Геворг Мирзаян, говорит, что: «В классических шахматах стратегия победы чёрных строится на ошибках белых, а Соединённые Штаты за эти годы сделали слишком много ненужных и нелогичных ходов на ближневосточной шахматной доске».

Правда, даже если Штаты и будут стремиться к сотрудничеству с Ираном, этого не поймёт израильское лобби в стране, да и само государство Израиль — главная уже более четырёх десятилетий точка американской опоры поблизости от самых изобильных и дешёвых в мире нефтяных месторождений.

Между тем сам Иран — вопреки агрессивной риторике некоторых тамошних фанатиков — никогда не ставил всерьёз задачу уничтожения Израиля, а использовал его в качестве внешнего пугала, отвлекая собственных граждан от внутренних межнациональных конфликтов. Главная цель Ирана в том секторе — выход в Средиземное море через Ливан.

Иран старается занять место в мире сообразно своим ресурсам, включая демографический потенциал и уровень культуры. Уже в ближайшие десять лет он мо-

жет стать ключевым игроком в Азии, а ещё через десять — в мире.

По мнению экспертов, экспансия Ирана будет мирной: для конфликта он слишком плотно окружён — и арабами, исповедующими суннитскую версию ислама, с Юга, и полезными самому Ирану Турцией и странами СНГ с Севера. Турция способна обеспечить переброску персидских углеводородов в Европу, а Россия пока ещё поставляет в Персию высокотехнологичное оборудование и вооружения.

Тем не менее главным внешнеторговым партнёром Ирана является уже Китай. Европейцы будут вынуждены пойти на самое широкое сотрудничество с иранцами хотя бы уже ради того, чтобы Китай там окончательно не закрепился. И даже не столько европейцы, сколько американцы, в высшей степени не заинтересованные в широком и глубоком китайском присутствии в этом ключевом регионе.

Вероятно, в ближайший десяток лет Иран будет оставаться вещью в себе, накапливать силы и сосредотачиваться — модернизировать промышленность, привлекать зарубежные передовые технологии, расширять нефтегазодобычу. Эта страна занимает второе место в мире как по доказанным газовым месторождениям, так и по запасам нефти. И когда неизбежный послекризисный экономический бум вновь потребует массированной поставки энергоносителей — Ирану куда легче будет её обеспечить, чем нашим олигархам, давно забывшим о самой возможности освоения новых промыслов и совершенствования наследства советских времён.

Что же касается нас и наших интересов в этой стране, фактически Россия уже потеряла Ирак. Мы, похоже, потеряем и Иран, поскольку в стратегической игре на выживание руководствуемся в лучшем случае тактическими соображениями, а то и вовсе сиюми-

нутными интересами, не видим дальних перспектив, не умеем делать сколько-нибудь долгосрочных прогнозов. Кроме того, как писал в своё время Илья Ильф: «Мало любить советскую власть, нужно ещё и работать». Так вот — у нашей власти, с моей точки зрения, последние четыре года точно не наблюдается реальной, умной, до изнеможения работы на внешнеполитическом поприще...

Равнение на Столыпина?

Несколько лет назад в конкурсе «Имя России» в число призёров ОРТ попал Пётр Столыпин. Когда разваливали Советский Союз, о нём вспоминали разве что монархисты. Но после реформаторы подняли его на щит. И по этому поводу мой небольшой репортаж «с петлёй на шее».

В 1912 году в Киеве открыт памятник Петру Столыпину. На нём слова: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». После революции Советская власть убирает памятники прежнего режима. Разрушен и этот монумент.

При крутых поворотах истории массы первым делом рушат памятники — это самое простое, чтобы выразить презрение к прошлому.

Что вырастает на пустом месте? Ненависть? Или боль за поруганную историю? Какой бы трагичной она ни была — это наша история. Какими бы ни были деятели, которым воздвигали монументы — они часть нашей истории. Если, конечно, эту историю не приукрашивать, как это модно сейчас среди нынешних придворных режиссёров.

Столыпина существующая власть тоже устраивала. Он отдавал все силы её укреплению. Карьера его стреми-

тельна. После Петербургского университета он чиновник министерства государственных имуществ. Потом служил в министерстве внутренних дел. Становится самым молодым в России губернатором — в Гродно, а затем в Саратове. В 1906 году Столыпин назначен министром внутренних дел, после он ещё вдобавок и председатель Совета министров. Ему едва исполнилось сорок пять.

Современник писал: «Баловень судьбы... Власти он достиг без труда и борьбы, силою одной лишь удачи и родственных связей. Нарастающая контрреволюционная волна сразу вознесла Столыпина на огромную высоту, на которой он и себе, и другим казался великаном».

В характере министра не было уклончивости. Он железной рукой подавлял вольный дух «великих потрясений», душил печать, закрывал профсоюзы, разогнал Думу, боролся с национальным движением окраин империи.

Одно из направлений его аграрной политики — освоение земель Сибири. Крестьян насильно гонят в дальние края на постройку пресловутых фермерских хозяйств, каковые Столыпин наблюдал на западных окраинах империи. Каждая семья получает в собственность сорок пять гектаров, немалое по тому времени пособие в двести рублей. За один девятьсот восьмой год за Урал переброшено почти миллион человек. Отсюда и «столыпинские вагоны».

И не удивительно, что десять лет спустя переселенцы, вытуренные на восток со всего запада России, включая Украину, составили опору большевиков и помогли красным разгромить Колчака, опиравшегося на коренных жителей. Есть и такая, вполне правдоподобная версия...

Быстрота и натиск кажутся порой эффективней, чем постепенность. Вот и фигура Столыпина симпатична далёким потомкам силой, уверенностью, решительностью. А тогда?

В его бытность премьером по всей России учреждён особый режим. Столыпин исходит из того, что крестьян нужно принуждать быть самостоятельными. Диктаторски подавляя террор, Столыпин, безусловно, укреплял систему власти. Но он же и ослаблял её, либерально преобразуя село. Ведь около половины крестьян, вышедших из общины, разорялось. На селе слой лояльных фермеров рос, но в городах увеличивалась прослойка недовольных пролетариев!

В местностях, объявленных на военном и чрезвычайном положении, действуют военно-полевые суды. Решения выносятся в течение суток в упрощённом порядке — без участия прокурора и адвоката. Обжалование и ходатайства о помиловании не допускаются, приговор к смертной казни приводится в исполнение немедленно. За восемьдесят достолыпинских лет в России приговаривалось к смертной казни в среднем всего девять человек в год. При Столыпине казнили в среднем по тысяче триста человек в год. Нередки стали казни ни в чём не повинных людей. Судей, выносивших слишком мягкие приговоры, увольняли с работы.

Военно-полевые суды ожесточают общественное мнение. В Госдуме главный объект ненависти оппозиции — Столыпин. Премьер-министр кидает в зал: «Умейте отличать кровь на руках врача от крови на руках палача». Обращаясь к Столыпину, депутат Родичев крикнул: «Прекратите кровавые расправы. Они пятнают наши суды. Довольно того, что уже зовут... — депутат выдержал паузу, сделал вокруг шеи красноречивый жест, будто накидывая петлю, и закончил: — ... столыпинским галстуком». Столыпин с горечью восклицает: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия».

Усилиями недалёких манипуляторов Столыпин стал именем России постсоветской. А в России царской не было более ненавидимого человека.

Илья Ефимович Репин согласился написать портрет Столыпина для Саратовской думы только по уговорам друзей. Они сказали: в его портретах зловещая сила — кого он изображал, те вскоре умирали. Репин закончил портрет — через некоторое время премьер едет в Киев, где его настигает выстрел.

Однажды дочь Льва Толстого обронила: «Столыпин влюблён в закон». Тот ответил резко: «Столыпин влюблён в виселицу». Толстой публично осуждает творимое Столыпиным в знаменитом «Не могу молчать!»: «Ужаснее всего то, что делается это не по увлечению, чувству, заглушающему ум, как это делается в драке, на войне, в грабеже даже, а, напротив, по требованию ума, расчёта, заглушающего чувство... И в то время главные виновники этих дел в полной уверенности того, что эти дела — дела полезные и даже необходимые!»

Вражда между обществом и властью нарастала. Крестьяне ненавидели помещиков с такой страстью, с какой сегодня ненавидят олигархов. Столыпин думал о величии России, а получалось, что сам создавал великие потрясения и революционную ситуацию. По сути именно он и расчищал дорогу для прихода к власти большевиков. Дальше известно: революция, гражданская война...

Нужны ли нам новые Столыпины? Нужны ли России новые потрясения?

Северный путь и южный оазис

Уже не первый десяток лет с настойчивостью одержимых нам повторяют тезис о диверсификации экономики, уходу от сырьевого уклада.

Но мысль эта так и остаётся на уровне благих пожеланий, воз и ныне там. На понижательной волне мирового экономического кризиса сырьевым придаткам,

типа России, несомненно, сложнее выстоять и сохранить независимость.

Между тем наш самый северный сосед — Норвегия, похоже, сумела слезть с нефтяной иглы, хотя остаётся крупнейшим после Саудовской Аравии и России экспортёром. Почти половина стоимости экспорта Норвегии приходится на нефть и газ. Но есть одна существенная деталь. Все запасы этого сырья не на суше. Они сосредоточены вдоль западного берега Скандинавии, омываемого Северным и Норвежским морями на шельфе, а то и еще глубже.

Поскольку это существенно усложняет добычу, требуется высокий уровень технологий. В середине 70-х годов на гребне нефтяного бума правительство Норвегии направило поток шальных долларов на их развитие. И когда к началу 1980-х нормы добычи близ берега упали, норвежцы уже обладали плавучими платформами, что позволило бурить сравнительно далеко в море. В последующие годы у них появились и подводные буровые, а процесс добычи нефти во многом автоматизировался. Прогнозы, сулившие стране полное исчерпание доступных запасов нефти и газа между 2005—2012 годами, не оправдались, поскольку аналитики не учли высокой технологичности, сложившейся в добывающей отрасли страны. До 75% оборудования и технологий, используемых в Норвегии, отечественные.

Значительная, сравнимая с нефтью и газом, часть экспорта Норвегии приходится на цветные металлы, а вот третье место занимает рыбная и прочая морская продукция. Дело ещё в том, что среди скандинавских технологий, в которые своевременно был вложен их, отечественный, капитал — выращивание на специальных фермах лосося и форели.

Да-да! Половина всей рыбы, идущей из Норвегии на экспорт, выращена, а не поймана в Океане! К началу

девяностых годов прошлого века на фермах Норвегии производилось не менее ста пятидесяти тысяч тонн рыбы, а ныне, спустя двадцать лет, выращивается более миллиона тонн. Ну, а через десять лет доля выращенной рыбы будет составлять около 90% рыбного экспорта Норвегии.

В переводе со старонорвежского Норвегия означает «Северный Путь», Норд Уэй. И быть может, России также следовало бы двинуться путём северным, видя яркий и успешный пример норвежской экономики, нежели стремиться подражать банановым республикам.

Впрочем, далеко не всё там так «бананово-лимонно», как некоторые считают. Сингапур, скажем, уже совсем не тот, что во времена Вертинского.

В 2009 году в Москве состоялся глобальный инвестиционный и финансовый форум, где я и обратил внимание на выступление представителей стран Персидского залива. Разумное устройство Объединённых Арабских Эмиратов являет собой показательный пример. Оказалось, что арабы озабочены не столько текущим финансовым кризисом, сколько экономикой посткризисного мира. Являясь крупнейшими экспортёрами нефти, Объединённые Арабские Эмираты — это парадоксально, но факт — вкладывают всё новые и новые значительные средства в технологии альтернативной энергетики.

Например, известно, что на Землю попадает всего лишь одна миллионная часть энергии, излучаемой Солнцем. Но даже это количество во много раз превышает энергопотребление всей планеты.

«Альтернативная энергия скоро станет реальностью, — произнёс генеральный директор Abu Dhabi Investment Company Назем Фаввaз Аль Кудси. — Старая школа гласит — не инвестируйте в то, что может повредить твоему бизнесу. Однако новая школа говорит, что

вы всё равно останетесь в энергетическом бизнесе, будь это нефть или альтернативная энергия. У России есть все исследовательские ресурсы, и вы не страдаете от недостатка инженерной мысли, чтобы не заняться тем же».

Уже к концу 2008 года на территории Арабских Эмиратов должны были ввести в эксплуатацию пробную гелиостанцию диаметром всего 100 м, под строительство которой правительство Эмиратов выделило пять миллионов долларов. Ранее исследователи швейцарского Центра электроники и микротехники разработали проект гигантских «Солнечных островов» — плавучих электростанций, которые благодаря зеркалам и способности менять свое положение вслед за дневным светилом генерировали бы оптимальное количество солнечной энергии.

95% острова занимает энергогенерирующая поверхность, она разворачивается с помощью винтовых электромоторов вслед за солнцем. Кроме того, это плавучий остров, громадный пустотелый тор, нет никакого громоздкого фундамента. Кстати, это решает и вопрос свободной земли, которую далеко не каждое государство способно выделить под масштабную стройку. Не знаю, запущена ли такая станция в Персидский залив, испытания арабы хотели провести в бассейне, построенном в пустыне, чтобы отладить конструкцию и исправить возможные недостатки.

Проект «Солнечные острова» отличается при всём при том сравнительно низкой стоимостью. Она достигается за счёт отказа от дорогих фотоэлектрических преобразователей и установки более дешевых зеркальных концентраторов параболической формы. Словом, конструкторская мысль не дремлет, а главное, не спят и власти предержащие, вкладывающие капиталы в высокие технологии.

Мы давно уже, как пел незабвенный Визбор, покорили Енисей. Не уверен, что строим до сих пор ракеты.

Зато, похоже, в области балета по-прежнему впереди всей планеты. Но балет — это для любителей танцевального искусства. А высокие технологии — для миллионов и сотен миллионов. Есть о чём задуматься!

Упущенный шанс Горбачёва

Дам волю памяти и вернусь к счастливому в своих ожиданиях и несчастному по результатам времени перестройки.

Ещё где-то в конце 60-х годов прошлого века Джулиан Саймон, профессор экономики университета штата Мэриленд, похоронил все надежды мира на стабильность сырьевого благополучия. Как только то или иное сырьё дорожает из-за возникшего дефицита, инженеры и учёные начинают искать ему замену. И находят. Соответственно спрос на сырьё — а значит, и его цена — падает.

Суслов, похоронивший реформы Косыгина и подсадивший нашу страну на нефтяную иглу, не дожил до краха своей политики. Реорганизация западной экономики — утепление зданий, разработка экономичных автомобилей, внедрение энергосберегающих технологий производства — заняла около десяти лет. Уже Андропов, став генсеком, убедился: нефтяная роскошь заканчивается, и без радикальных изменений в советской экономике не обойтись.

Горбачёву и вовсе пришлось решать сразу все проблемы, накопившиеся за годы мирового нефтяного дефицита: они разом проявились, когда цена нефти вошла в штопор. Никому не под силу в одночасье сделать всё, что нужно было делать последовательно десятки лет.

Однако правитель эпохи перемен вынужден действовать вопреки чаяниям если не всего народа, то весь-

ма ощутимой его части. С демократическими канонами такое не согласовать. Демократия строится на вере: народ всегда прав.

Ещё в разгар перестройки это противоречие отметили некоторые аналитики. Они советовали Горбачёву не насаждать в стране демократию теми же методами, какими Екатерина Великая насаждала картошку. По их мнению, Горбачёв должен был править авторитарно — жёстко ограничить политические свободы, но в то же время освободить экономику.

Решительные меры были, увы, не в характере Горбачёва. Он предпочитал, в духе русской поговорки, и рыбку съесть, и косточками не уколоться. А на серьёзные повороты ему просто ни воли, ни интеллекта не хватало.

Мне кажется, что Михаил Сергеевич был в принципе готов в той или иной степени покончить с наследием брежневской эпохи, привить стране навык публичного спора. Но уходящее время выстрелило по нему Чернобылем и «Адмиралом Нахимовым». После таких залпов он уже не мог твёрдо держаться на ногах и потому поспешил заручиться поддержкой Запада... в ущерб реальным интересам собственной страны.

В истории нашей армии в разные времена было немало разрушительных глупостей. Но в период братания с НАТО особенно. Скажем, Горбачёв вместе с ракетами средней дальности ликвидировал целый класс ракет меньшей дальности. А ведь они под договор с американцами не подпадали. Более того, у Запада ничего подобного не было и ещё много лет не могло появиться. Чрезмерная политическая инициатива серьёзно подорвала возможности обороны отечества, эта и многие другие услуги западному миру.

Вспомним, как рьяно клялись партнёры Горбачёва, что восток Германии останется демилитаризованным. Но почему-то «забыли» оформить свои клятвы догово-

рами. Теперь НАТО непосредственно граничит с Россией не только в Беринговом проливе и на Кольском полуострове, но и по большей части нашего западного рубежа — да и на южные, плодороднейшие и уязвимейшие, регионы нацеливается. Интересно, был бы Горбачёв так покладист на переговорах с другом Колем, если бы представлял себе хоть малую долю неизбежных последствий?

Чем популярнее он становился на Западе, чем больше был масштаб решаемых им международных вопросов, тем хуже шли дела в стране, за судьбу которой он отвечал. До некоторого времени это затмевали и пассионарность населения страны, и всеобщая надежда на яркого и сравнительно молодого лидера, и массовая симпатия к нему. Но в какой-то момент произошёл обвал популярности — с катастрофическими последствиями не только для лидера, но и для всей России.

Несмотря на синдром хромой утки, даже после форосского сидения Горбачёв оказался символом всеобщего пассивного (по отечественным традициям предпочтительного) противостояния неудавшемуся путчу и поэтому мог ещё многие годы оставаться хотя бы номинальным главой государства.

Воистину поразительно наше умение проигрывать, собрав на руках многие козыри. Ведь как бы то ни было, несмотря на все сбои и откаты, в Советской России — Советском Союзе — к середине 80-х годов накопилась критическая масса знаний, технологий и специалистов, способных двигать страну по магистральному пути прогресса без дальнейших потрясений. Правда, на этом пути всё ещё лежали идеологические предрассудки, накопленные за века борьбы с собственным народом и десятилетия противостояния всему остальному миру. Но как я считаю, их устранение в принципе не требовало радикальной ломки. Можно было устраивать апгрейд не

компонентам системы и не её общей структуре, а только программному обеспечению.

Увы, Горбачёв смог только поставить задачу перепрограммирования, но так и не понял, каким образом можно её решать. А очередной правитель — Ельцин — даже не попытался ограничиться перепрограммированием, а устроил один из крупнейших переворотов в российской истории. Причём пошёл по пути даунгрейда (down grade — вниз на ступеньку). Ельцин отказался не только от значительной части людей и территорий, неразрывно связанных с подвластным ему регионом, но и от большинства производственных и культурных возможностей, накопленных трудом многих поколений.

«Мы с Горбачёвым едины стратегически — у нас только тактические разногласия», — сказал он. В моём представлении это были два сиамских близнеца, которые ревниво спихивали друг друга — не задумываясь о том, что спихивали они по сути страну, — в пропасть. Оба были тактиками, или, проще говоря, интриганами-карьеристами. Править такой страной им было не по плечу. Но правили... И это главное, что я ставлю в вину кадровой политике аппарата ЦК КПСС.

Циклы Кондратьева

Не зря ещё Иисус сказал: «Пророк везде пророк, только не в доме своём и не в отечестве своём». Ещё несколько лет назад наши экономические руководители судорожно метались в поисках западных рецептов спасения от кризиса, пришедшего к нам как раз с Запада. Между тем ещё в 1920-х наш соотечественник Николай Дмитриевич Кондратьев не только предсказал будущую экономическую лихорадку, но и объяснил, почему от неё не спасут привычные лекарства.

Уже в XIX веке западную экономику сотрясали регулярные спады производства. Их внимательно изучил Уильям Стэнли Джевонс. Их теорию создал Карл Маркс — и решил, что рано или поздно очередной кризис перепроизводства уничтожит весь капитализм. Но все исследования касались только самых очевидных колебаний — с частотой около трёх лет и около десятилетия. Ведь их причину удалось понять довольно быстро. Три-четыре года занимала реакция производителей на текущие колебания спроса. Десять лет — характерное время полной смены производственного оборудования.

На рубеже веков Израиль Гельфанд, более известный как Александр Парвус, впоследствии профинансировавший октябрьские мероприятия Ленина, заявил, что капиталистической экономике присущи длительные циклы колебаний. В нисходящей фазе колебания очередной кризис развивается острее и излечивается дольше, тогда как в восходящей фазе кризис, порождённый теми же причинами, слабее и короче.

Затем уже нидерландские экономисты, набрав немалую статистику не только по колебаниям ценовой конъюнктуры, но и по натуральным показателям производства, торговли, занятости, миграции, создали теорию волнообразной эволюции при капитализме.

Решающий шаг в разработке полноценной теории — не только исследующей форму явления, но и определяющей его содержание — принадлежит Николаю Дмитриевичу Кондратьеву. Он был специалистом прежде всего по сельскому хозяйству — успел даже поработать заместителем министра продовольствия в Временном правительстве Керенского. Но большой учёный редко ограничивается одним узким направлением поиска.

Кондратьев понимал недостаточность статистики. Особенно при неизбежных различиях самих циклов. Их длина колеблется от сорока пяти до шестидесяти

лет — около 30%. Правда, период классических кризисов варьируется ещё больше — от семи до одиннадцати лет, то есть на добрых 40%. Но причина кризисов хотя бы понятна. А длинные циклы откуда?

Николай Дмитриевич нашёл эндогенные — то есть внутренние, неотъемлемые от рыночной экономики — причины длинных волн. Он писал: «Каждая последующая фаза цикла есть следствие кумулятивно накапливающихся условий в течение предыдущего времени». В основе самодвижения и саморазвития цикла лежит механизм накопления, концентрации, распыления и обесценивания капитала.

Кондратьев выделил три вида равновесного состояния экономики.

Равновесие первого порядка — между обычным рыночным спросом и предложением. Отклонение от него порождает колебания товарных запасов. Производство реорганизуется довольно быстро, и малый цикл — три-четыре года.

Равновесие второго порядка — между разными отраслями. Отклонения от него вызывают межотраслевой перелив капитала, вкладываемого в оборудование. Характерный срок тактической реконструкции — около десятилетия — порождает классические кризисы перепроизводства.

Наконец, равновесие третьего порядка, изученное Кондратьевым, касается инфраструктуры производства — коммуникаций, промышленных зданий, квалифицированной рабочей силы, методов создания новой техники. Осуществление стратегических преобразований растягивается на пару поколений.

Сегодня некоторые сторонники Кондратьева вычленяют ещё и двадцатилетние циклы, связанные со сроками перехода изобретений в технически эффективные решения. Ведь каждая творческая находка должна обрасти

множеством меньших усовершенствований и уточнений, снимающих противоречия между исходным замыслом и неизбежными трудностями его осуществления. Структура инновационной экономики пока слабо исследована теоретически, так что ход развития этих циклов ещё малопонятен. Но уже можно предположить, что кондратьевский цикл складывается из двух инновационных. В первом накапливается комплекс изобретений, взаимно обеспечивающих работу друг друга, а во втором из этого комплекса благодаря инженерным усовершенствованиям выжимаются все возможные результаты.

Резонно предположить, что два кондратьевских цикла образуют ещё более длинный. Его можно связать с развитием широчайшего спектра изобретений на основе фундаментального научного открытия. Например, всё нынешнее изобилие полупроводниковой электроники опирается на физику твёрдого тела, а та в свою очередь возникла только по завершении построения квантовой механики.

Если верно предположение о порождении циклов наукой, то сейчас мы пребываем примерно в той же фазе цикла, которая в прошлый раз обернулась Великой Депрессией. Но даже и без этого легко видеть: мировая экономика переживает фазу инновационного цикла, соответствующую большому спаду всех сырьевых цен вследствие появления новых способов использования сырья.

Мир находится на спаде кондратьевского цикла, чья фаза подъёма спасла западную экономику от последствий валютного кризиса 1960-х. Понятно, приёмы вроде рейганомики, полезные в те годы, нынче могут только ускорить наше падение. А как вести себя на спаде волны — Кондратьев, увы, не подсказал: его расстреляли ещё в тридцать восьмом.

Выход один, искать новых Кондратьевых, холить, лелеять, беречь их светлые умы!

Четыре нейтралитета Европы

Поговорим о некоторых особенностях политики, и главным образом — о нейтралитете ряда стран Европы. Таковых по сути четыре.

Традиционно нейтральная чуть ли не с первой трети XIX века Швеция[1], кстати, конституционно монархическая страна. Своим выбором и последующим процветанием королевство обязано выдающемуся политику, некогда маршалу наполеоновской Франции, Жану Батисту Жюлю Бернадотту.

Бернадотт, он же король Швеции — Карл Юхан Четырнадцатый, основатель ныне царствующей династии шведских государей, правил двадцать шесть лет, а фактически он почти тридцать четыре года определял основные направления развития Шведского государства, неизменные и по сей день! Результат налицо!

Финляндия, некогда шведское владение, потом — часть Российской империи, получившая суверенитет юридически из рук Ленина. Участие во Второй мировой войне сперва — на стороне гитлеровской Германии, потом — на стороне союзников, кажется, навсегда отвратило политиков этой страны от кровавых баталий.

Наиболее древний нейтралитет формально — швейцарский, провозглашённый в XVIII веке и нарушенный только раз, да и то извне.

Швейцария сейчас — это конгломерат из более чем двух десятков кантонов, земель, каждая из которых имеет права суверенного государства со своим правительством, законами и судом.

---

[1] Декларация о постоянном вооружённом нейтралитете Швеции 1834 г.

Это одна из самых древних европейских демократий, основанная более семисот лет назад, в августе 1291 года, когда представители трёх первых, лежащих в альпийских долинах, кантонов дали друг другу клятву. Они обещали хранить мир и помогать друг другу в борьбе против династии западно-германских государей Габсбургов. Первое августа — Национальный праздник Швейцарии.

В начале четырнадцатого века пешие швейцарские крестьяне с примитивным оружием, но очень манёвренные, наголову разгромили неуклюжее рыцарское воинство Священной Римской империи.

Именно с тех пор швейцарская пехота и считалась лучшей в Европе.

Историки свидетельствуют, что «в течение двух последующих веков швейцарские войска одерживали одну победу за другой над феодальными армиями герцогов, королей и кайзеров». Успех объединяет. Двести лет спустя со дня первой победы в Швейцарском союзе насчитывалось уже тринадцать кантонов.

Правда, затем почти два века религиозных распрей едва не раскололи крестьянскую конфедерацию, которая все же сохранила себя, и к началу наполеоновских войн состояла из двух десятков суверенных земель.

Чтобы поправить финансовое положение республиканской Франции, Наполеон санкционировал вторжение в Швейцарию. Последующие пятнадцать лет так называемая «Гельветическая республика» находилась под властью французов. Они навязали швейцарцам чуждые законы, например, устранявшие всякую самостоятельность регионов, по-швейцарски «кантонов».

Но когда Наполеон был разбит союзниками, Венский конгресс 1815 года в марте признал за Швейцарией вечный нейтралитет и определил незыблемость её границ.

Акт о том был подписан представителями фактически всех европейских стран в Париже 8 (по старому стилю) ноября того же года.

В первую очередь нейтралитет гарантировали победители — Россия, Англия, Австрия и Пруссия, а также Швеция, Испания, Португалия и, наконец, хитроумием Талейрана, Франция.

Документ гласил: «Державы признают торжественно через сей Акт, что пользы европейской политики требуют нейтралитета, неприкосновенности Швейцарии и независимости её от всякого чуждого влияния... Державы с удовольствием признают, что в затруднительных обстоятельствах Швейцария доказала, к каким важным усилиям и пожертвованиям она готова была для блага общего и успехов дела, которое защищали все державы Европы и, ... что Швейцария вполне достойна выгод, утверждаемых за нею...»

Четвёртая европейская нейтральная страна — Австрия. В ходе двух мировых войн она утратила статус великой державы, но зато уже сама, спустя сто сорок лет после Швейцарии получила такой же гарантированный нейтралитет.

Её статус, установленный Государственным договором о восстановлении независимой и демократической Австрии в мае пятьдесят пятого, поддерживали два противостоящих блока — НАТО и Организация Варшавского Договора. Это — неизбежное следствие тогдашней поляризации мира.

Документы подписали «Союзные и Соединённые державы» — СССР, Великобритания, США и Франция. СССР принадлежал к одному лагерю, а остальные три великие державы — к другому.

Могут возразить, что акт о нейтралитете Австрии продиктован победителями побеждённому, и он мог включать требования, неприемлемые для уже существу-

ющего суверенного государства. Но по тексту договора пятьдесят пятого года видно: он рассчитан именно на дальнейшее существование вполне суверенной Австрии. Нормы демократического поведения перечислены в нём с полного согласия самих австрийских властей.

Кстати, гарантии, данные Австрии в связи с нейтралитетом, оказались важны не только для неё самой. Они даже в самые жёсткие дни холодной войны были одним из пунктов согласованного взаимодействия противоборствовавших в ней сторон.

Стабильно нейтральная Австрия стала не точкой противостояния, а одним из немногих связующих звеньев разделённого мира. И сумела извлечь из этой роли немалую пользу — например, в качестве торгового посредника.

Правда, сейчас в Австрии многие считают, что её нейтралитет устарел и для дальнейшего развития полезнее вступление в НАТО. Но даже самые горячие сторонники такого развития не отрицают, что нейтралитет был необходимым этапом австрийской истории, без которого переход от тоталитаризма к демократии и благосостоянию мог не состояться вообще.

Быть может, и советский период нашей отечественной истории был таким же необходимым переходом от аграрной царской России к ракетно-ядерной державе? Интересно, переходом к чему окажется нынешняя Россия!

СОДЕРЖАНИЕ

В этой книге собраны факты и события давней и недавней истории, которые смогли увлечь Анатолия Вассермана и Нурали Латыпова, а так же вызвать их реакцию.

ISBN 978-5-271-44085-4

9 785271 440854 >